

Jane Miltrom

THE LEGEND

of The Archangel

ОНА ЗАСТАВУТ ВАС
НАСТЬ...

© 2014 Jane Miltrom. All rights reserved. This is a work of fiction. Names, characters, places, and incidents are either the product of the author's imagination or are used fictitiously.

www.janemiltrom.com

Бежать, бежать так быстро как только может человек, как только позволяют все законы, и как только позволяешь сама себе ты. Бежать с бешеным колотящимся сердцем в груди, что защищает надежный панцирь из ребер, но даже они болят. Бежать до боли, со слезами на глазах, с хрипотой в горле, с недостатком воздуха в легких. Бежать с болью в костях, бежать с кровью на ногах. Бежать, даже если ты слышишь приближение врага, даже если ты слышишь его рык у уха и его дыхание. Бежать ради жизни, ради себя. Думать о лучшем, о солнце, что ты еще обязательно увидишь, о воздухе, о сладком запахе цветов, что ты еще не раз вдохнешь, о траве, на которой ты не раз посидишь...

Ночью все становится прекрасней. Город приобретает черные тона всех сортов. Огни переполняют город, словно чаша, что наполнена светлячками. Все люди скорее всего спят. Хотя, возможны и исключения. Например, матери, что встают каждый час, что бы проверить своего плачущего ребенка. Или, девушка, что ждет своего парня с очередного загула, все мы разные. И все по — одинаковому проводим свои дни и ночи.

Сейчас уже три часа, а Амагис все еще думает о предстоящем ей дне. Так уж вышло, что она переехала в Придждпорт совсем недавно, и совсем не привыкла к климату города, к людям и вообще не привыкла переезжать. Прошло около трех дней с переезда из Нью-Джерси, и все эти три дня она не спит, и практически не ест, что плохо сказывается на ее организме да и психике тоже.

Амагис пойдет в здешнюю школу, которая, к сожалению была единственная и стояла она на окраине города. В добрых двух метра от леса. Девушку это немного смущало, мол, что делать престижной школе у леса, почему бы не устроиться где-нибудь по ближе к цивилизации. Это, даже немного пугало Матс, и поэтому этой доброй и тихой ночью, она все еще раз попробовала отрыть историю всемирно известной школы, как «Альянс Арахнгела». Амагис приглянулось это название, так как с самого детства ее привлекали эти истории.

Пролистывая сотни интернет-сайтов, она так и не смогла выяснить ее происхождение. Были лишь легенды, о том, что Архангел Уриил, явился на землю, что бы ведать людям науку, но посеял лишь хаос, поговаривают, что на том месте, где явился светлый дух Уриила, возникло здание. Люди прозвали его «Альянс Архангела». Стены имели черный окрас, и крыша ее отдавала синевой. Здание стоит на том месте уже около трехсот лет.

Как ни крути, но Матс это более чем устраивало. Она специализировалась на легендах, мифах и прочем уже около восьми лет. С восьми годов, папа давал девочке книги и отправлял читать их и рассказывать о прочитанном. На самом деле, она мешала отцу делать работу, и лишь так, он мог ее занять. Уж лучше пусть она читает книги, чем шастается с какими-то уличными оболтусами. И как вы уже догадались. У Матс не было друзей, за то была ее любимая книга. С черным переплетом, и с древнегреческим языком, который она знала в идеале.

Любимой темой девушки были — ангелы. Она распределяла по классам этих странных существ. Были Дети Луны — это полу-волки, оборотни, волкодлаки, вервольвы, ликантропы и т. д. Дети Ветра и Бога — Ангелы, архангелы, начала, власти, силы, престолы, господства, херувимы, серафимы. Дети Смерти — вампиры. Дети Природы — феи, фейри и т.д

Она фактически была обречена в этих легендах. Но легенда об ангеле, спустившимся в ад — Люцифера, ей нравилась более чем. Она полюбила Архангела Михаила, и была одержима им. Но прошло уже достаточно времени, что бы понять — это лишь миф, не более.

Амагис взглянула на часы, уже начало четырех часов утра, она решила забрать Питча и пойти в кровать. Питч- это ее собака. Чем- то напоминавшего белого полярного мишку. Он был таким-же большим и белым. Добрым и очень милым.

Она вышла из комнаты, которая находилась на втором этаже и взглянула на голые стены, что вскоре переполняться картинами мамы, которые были куплены давным-давно. Старыми рисунками ангелов Матс и фотографиями природы папы. Родилты были часто в

командировках, и поэтому с 14 лет Амагис жила, можно считать сама. И на протяжении двух лет привыкла быть одна. Из — за вечных командировок родителей, ей приходилось коротать вечера наедине со своими книгами, что за два года достаточно поднакопились точь-в точь под целый книжный шкаф. И с горячим кофе, что иногда мог заменить горячий шоколад или какао.

Спустившись с последней ступеньки, Матс увидела пса.

— Ах, вот ты где лохматы олух! — она погладила Питча по шерстке и позвала за собой.

— Идем, мне без тебя одиноко. — он чуть помахал хвостом и направился за хозяйкой.

Идя рядом, он хотел защитить ее от всех напастей.

Они уже стояли у двери комнаты, как пес застыл у прохода, из-за чего Матс споткнулась о него.

— Эй ты чего... — сейчас она поняла, что так насторожила ее большого друга. На кровати Амагис, сидел ангел. Его тень и все. Луна освещала лишь Матс, которая казалось Девой Марией, что спустилась с небес. Она взглянула снова на Питча, тот уже махал хвостом и мило подпрыгивал, ангель — исчез. Списав все это на недосып, Матс взяла пса и плюхнулась на кровать, уснув в обнимку с Питчем.

Глава 1 "Знакомый ангел"

"Бывает же такое, приснится нелепица" — подумала девушка и выключила настырно звонящий будильник. Встав с кровати, Амагис взглянула на Питча, что так сладко посапывал, уткнувшись в подушку. Вот кому на самом деле везет. Накинув на себя халат, Матс открыла шторы. На улице все еще было темно, солнце только встает из-за горизонта, окрашивая тем самым небо чуть в алые цвета. С пяти часов, начал барабанить дождь, не давая спокойно уснуть.

Почувяв запах какао и блинчиков, девушка тихо вышла из комнаты и спустилась по скрипящим ступенькам, остаться незамеченной не вышло:

— Доброе утро, как спалось? — спросил папа.

Отец как всегда не отрывисто глядел в экран монитора, и пил свой любимый красный чай.

— Питч храпел всю ночь. — пробубнила девушка и засунула в рот пол блинчика, запивая при этом до жути горячим какао.

Потрепав дочку за и так взъерошенные волосы, отец принялся что-то печатать. И так всегда. Всю жизнь он проводит за этим чертовым ноутбуком, не обращая внимания ни на кого более. Даже на себя. Матс невольно вспоминала те моменты, когда останавливала папу на входе, заставляя надеть штаны, по всей видимости, забытых им в спальне по причине занятости.

— Белла, я вас поняла, завтра будем. — мама психованно и в то же время устало положила телефон на стол и присела рядом с дочерью.

— Очередная внеплановая поездка? — скорее всего, это был даже не вопрос, а утверждение.

Амагис всегда нормально относилась к работе родителей. Никогда не устраивала истерик по поводу и без него. Мама гордилась дочкой, хоть и не говорила ей этого почти никогда. Занята, и только.

— Да, нас завтра ждут в Киеве... — мама была расстроена.

Матс ничего не смогла сказать на этот счет. Она, впрочем, никогда и не задавала таких вопросов, типа: как долго? На сколько?

Ее оповещала мать, всегда.

— Что на этот раз, Ребекка? — отец оторвался от ноутбука и прихлопнул крышкой.

— Консул направил Беллу в Киев, мы едим с ней. — резко ответила мать.

— Она не может справиться сама? Мы только переехали, у нас есть в конце — концов дочь!

Папа и мама были противоположностями. У папы более вспыльчивый характер, в то время, как у мамы девочки он был спокойным и уравновешенным. Амагис досталось что-то среднее.

— Адам, ты знаешь Беллу, ее это не волнует. Мы там пробудем от двух, до трех недель. — последнее сказанное мамой, адресовывалось дочери.

— Не волнуйтесь, — успокоила Матс родителей, что вот-вот перегрызут друг-друг глотки.

— У меня будет время обустроить дом. В конце- концов, я не маленькая. Машину водить умею, готовить тоже. Езжайте. — девушка положила руку папе на плечо и

улыбнулась.

Конечно же было понятно, что снова настанут тихие вечера, полные одиночества и молчания. И лишь этот тихий ужас мог заполнить целый арсенал не прочитанных книг и музыки.

— Малышка... — Адам и Ребекка обняли дочь.

— Мы любим тебя.

— И я вас.

Вырвавшись из объятий родителей, Амагис поплелась в душ. Тем временем, отец пошел собираться, что бы отвести дочь в школу.

Девушке хватило около тридцати минут, что бы привести себя в порядок.

Теперь перед Адамом стоит очень милая и шикарная девушка. Она была одета в черные джинсы, которые были порваны в районе колен. Адам никогда не мог понять, что это за тренд такой, ужас и стыд! В первый раз, когда он увидел дочь в этом, он подумал, что она сильно упала и порвала штаны. "Оно так и выглядело!" — оправдывался он.

Чуть выше завышенной талии джинсов, на талии Амагис сидела ее любимая серебряная цепочка, с кулоном, что олицетворяла ветер — Крылья Ангела. Или как говорила сама Амагис — Крылья Архангела. Она фактически, да и практически не снимала ее. Разве что только тогда, когда идет в душ.

Тогда вспомнились увлечения девочки. Легенды про разных инопланетных тварей. Сверхъестественной дребедени и прочем.

Никогда отец не мог понять такого смутного увлечения дочери к этим сказкам. Но ребенок — есть ребенок, что с него взять. Все мы когда-то были детьми, и когда-то верили в чудо, магию и вампиров.

Она надела белый вязанный свитер, который доходил ей лишь до пупка и тот, что спадал с правого плеча, тем самым не очень нравясь отцу. Отец считал это раскрепощенным.

Так же на ней были черные полу-сапоги на восьми-сантиметровом каблуке. У Амагис всегда были комплексы по этому поводу. Она считала, что при шестнадцати лет, рост — метр пятьдесят пять, слишком мало.

Волосы она аккуратно заплела в конский хвост, и они плавно спадали до самой поясицы, переливаясь черно-каштановым цветом. Косметикой Амагис почти никогда не пользовалась, но часто использовала темно-бордовую помаду, она была матовой и отдавала тень на губы так, как нравилось самой девушке.

Поправив цепочку на талии, девушка схватила свой полностью черного цвета рюкзак и направилась к Питчу, что уже проснулся и ждал что бы проводить свою хозяйку в школу. На дворе лил дождь, и не очень бы хотелось провожать хозяйку там, было бы как минимум обидно испачкать свою белоснежную "оболочку".

Матс подошла к другу и похлопала его ласково по спинке.

— До скорого, я вернусь. — Амагис улыбнулась и услышав заведенный мотор машины схватила свою кожанку и черно-синий шарф, при этом попрощавшись с мамой выбежала на улицу, а затем запрыгнула в машину к папе.

— Одедась бы по теплее... - начал отец.

— Снег — не дождь. Не замерзну.

Пристегнув себя к сиденью, они выехали с Реймер-стрит.

Притормозив у грунтовой дороги, отец заглушил двигатель и удивленно уставился на

школу.

Должна признать — это было нечто удивительное. Она напоминала мне чем-то дом ведьм, из какой-то очередной легенды. А если внимательней посмотреть, то школа и впрямь была черней пера ворона, а крыша ее отдавала и впрямь синевой.

Странность этого места оставалась для меня загадкой. Чуть поодаль от школы был огромный стадион, но при неблагоприятной погоде, сегодня тут не позанимаешься.

К школе вели три тропинки. От стадиона, от той дороги, где мы притормозили и от леса. И все из них были обставлены камнями, что бы не наступать на газон. Перед входом росли дикie розы, придавая этому месту более строгий вид.

Папа так шумно проругался, что я обернулась на его голос.

— Аскабан какой-то, а не школа.

— Эй, все классно! — уверила я папу и улыбнувшись вылезла из машины.

Дождь все еще капал, оставляя на травинках и камушках капли дождя. В воздухе витал запах свежей травы, слякоти, мокрой дороги, грозы и дождя.

— Заберешь меня после уроков?

— Да.

— До встречи! — я схватила рюкзак и прихлопнула двери машины.

Накинув шарф на голову, я пошла по дорожке. На улице людей не было, по всей видимости уроки уже начались. Мне хватило около двух минут, что бы войти в школу.

Зайдя, я обомлела. Внутри, стены были выкрашены в темно-синие и красные цвета, на потолках висели старинные люстры, а на лестницах были красные, махровые дорожки.

Увидев старушку, сидевшую чуть левее от входа, я отправилась прямо к ней. На вид, ей было лет шестьдесят.

— Извините, не подскажите где кабинет директора? — запыхавшись спросила я.

— Прямо и направо. — она ответила словно на инстинкте, не отрываясь от прочтения молодежного журнала.

— Спасибо...

Сняв с себя курку, я пошла прямо по указанию этой старой дамы. Мне удалось отыскать кабинет директора, и набравшись смелости постучаться:

— Здравствуйте. — я оказалась в кабинете в светло-пастельных цветах, увешанных дипломами и благодарственными письмами. За стулом с табличкой: Мариса Мак'Ллар сидела молодая особа лет тридцати. Ее средней длины русые волосы спадали прямо на плечи, глаза, голубого цвета смотрели прямо на меня, алые губы на бледной коже смотрелись убийственно.

— Чем могу помочь? — спокойно и уравновешенно спросила директриса.

— Я ваша новая ученица. Вам должны были позвонить.

— Ах, да! — ее глаза заблестели и она стала рыться в своем шкафчике, через секунд тридцать, она достала папку в которой я узнала все свое досье.

— Аматис Мэри Родствилд — она протяженно произнесла каждое мое имя, и обратила внимание на мою цепь.

Она наклонила голову на бок и с нескрывтым любопытством смотрела на мой кулон.

— Крылья Архангела? — вдруг спросила она. От неожиданного вопроса я растерялась. Не многие смогли понять, чьи именно эти крылья.

Для людей, это просто дефект птицы- крылья — это нечто особенное для всего Божьего. Для ангела, крылья, это как архив воспоминаний. Каждое перо может рассказать о

сущности хозяина. При всей возможности, сложно с помощью одного пера, уничтожить ангела.

Каждый Архангел, ангел имеет свой цвет, свою форму и свою длину крыльев. Говорят, чем длиннее и больше крылья — тем мудрее ангел.

На моей цепочке крылья Архангела Михаила — известного как "Ближний к Богу".

— Его. — согласилась я.

— Ты из Нью-Джерси? что привело тебя сюда?

— Обстоятельства. — она взглянула на меня из-под ресниц. Взгляд этот наводил сомнения о ее сущности, словно, она мигера.

— Добро пожаловать в школу "Альянс Архангела" — она улыбнулась, но улыбка эта была не доброжелательной. — Возьми свое расписание у Мэлани, и отправляйся на уроки. — она закрыла папку и убрала ее в дальний угол стола.

Попрощавшись, я вышла и взяла свое расписание у секретарши Мэлани. Первым уроком у меня стоял Английский.

Спустя некоторое время мне все же удалось найти кабинет миссис Шейдли и успокоив свое бешеное сердцебиение я постучала:

— Извините, я ваша новая...

— Проходи милая! Мне уже сообщили. — она снисходительно улыбнулась и протянула мне руки.

— Прошу внимания! С сегодняшнего дня с вами будет учиться новенькая...

— Аматис — прошептала я.

— Аматис! Прошу, присаживайся на свободное место.

В классе было довольно много человек, из этого можно было сделать вывод, что тут два класса — один мой. А второй, старшекласники.

Стараясь не заикливаться на взглядах ребят, я села на единственное свободное место, которое находилась в конце класса. Я даже не посмотрела с кем села, но точно знала — это парень. Как только я села, мне в нос ударил запах грозы и дождя, словно, это одна сплошная туча. Девушки так не пахнут.

— Так о чем же писал Шекспир? — спросила миссис Шейдли.

Я закончила доставать ручку и тетрадь и осмотрела классы. Все молчали, и тогда, я вспомнила, что год назад читала довольно много сонет и пьес Шекспира.

— Он писал сонеты и пьесы. — почти шепотом сказала я

— Отлично! Аматис, прошу — я привстала, и все внимание было лишь на мне.

— Что вы хотите от меня услышать? — смущенно спросила я, я не понимала, что от меня хотят. В классе прошелся смешок.

— Аматис, — улыбнулась преподавательница — расскажи нам об основных направлениях сонет и пьес Шекспира, о чем он писал.

— Основными темами Вильяма Шекспира была — драма. Горе и слезы — вот, что ему нравилось писать. Также он писал о любви, самодурстве, неблагодарности, властволубии. Он писал комедии. — я сглотнула, ожидая услышать, что я ответила правильно.

— Все верно. — кивнула мисс, я облегченно выдохнула.

— Можешь привести пример одной из пьес? Ромео и Джульетта? Расскажи о ней.

— Нет. Слишком драматический и сопливый финал. Возможно... Возможно "Макбет".

— Что ж, хорошо, почему именно эта пьеса привлекла тебя?

— Тем, что в этом есть что-то реальное. В этой пьесе главная тема — справедливое

возмездие.

В Макбете изображена узурпация престола во всей ее красе. Причем узурпатор сам открывает дорогу действиям, которые его и губят. В конечном итоге против него восстает народ, и сама Мать-Природа. Им движет страх, который он и не собирается подавить в себе.

— Потрясающе! — вскринула она. — Никогда прежде не видела такой направленности в моральных ценностях и в общине. Надо показать тебя мистеру Локки, он же просто с ума сойдет! Садись.

Мои коленки подкашивались, и я присела на стул.

— Узурпаторство? — спросил глубокий мужской голос. Я вздрогнула и обернулась.

— Что?

— Почему ты считаешь властного человека узурпатором?

Теперь я увидела кто передо — мной сидел. Парень с глубокими черными глазами, словно дыра, в космическом пространстве. Волосы были с цветом обсидианом самого темного, что только существовал. Скулы, словно скалы, выпирали и давали его образу еще более глубокий вид. Идеально симметричное лицо. Губы сложены в тонкую линию, глаза направлены точно в мои.

Я отвела взгляд. Руки у него были мускулистыми, и в пальцах он теребил ручку, словно, хочет написать мой портрет.

— Потому что власть — есть узурпаторство? — повторил он.

— Не вся власть есть узурпаторство, только та, что несет насильственный характер. — отвечала я. Внутри меня все билось в агонии и мой внутренний голос орал мне: " Не разговаривай с ним!", но я продолжила разговор:

— Или та, что действует против воли человека. Его я считаю узурпатором. — на этом я закончила и отвернулась. Но почувствовав точно, я поняла, что он почти беззвучно повернул меня к себе.

— Считаешь, что он — трус? — он был более настойчивым. Этот парень начинал жутко выводить меня из себя.

— Если тебе от этого будет легче, то — да, я так считаю. Порой, из-за страха мы совершаем глупости масштабных размеров. Например — захват престола.

— У тебя волшебные глаза, ты знала? — на это я лишь фыркнула, и отвернулась. К счастью прозвенел звонок, и собравшись, я подошла к столику мисс Шейдли.

— Вы просили подойти. — сообщила я.

— Да, ваш учитель мистер Локки собирает учеников, для подготовительных выступлений против несправедливости. Ты могла бы там поучаствовать. В тебе есть очень хороший нрав.

— Хорошо — я кивнула и улыбнулась.

На самом деле, я была очень рада, что мне не придется коротать вечера просто так, я буду готовиться к выступлениям.

— Я поговорю с мистером Локки сегодня.

Еще раз дав согласие, я вышла из класса и споткнулась о девушку, что стояла впереди.

— Ты уж извини — я протянула руку, вышло так, что она упала. — С координацией у меня туго.

Она привстала и отряхнулась. Девушка была удивительно красивой. Стройные ноги, стройная фигура, рост чуть выше моего, светло-русые волосы доходили до плеч. Золотистые глаза поблескивали на солнце, ее игривая улыбка на пышных губах смотрелась

снисходительной.

— Все хорошо. На самом деле, я тебя ждала. — сообщила вдруг девушка.

— Да...?

— Ага. Я Лиса, ударение на "и", если быть точной. — она улыбнулась и стряхнула грязь, с ее светлых штанов.

— Думаю, мое имя ты уже знаешь.

— Верно, — кивнула Лиса. — Миссис Шейдли представила тебя на уроке. Должна признать, ты произвела шикарное впечатление на всех учащихся. — она говорила более задумчиво.

— Что ж... Это хорошо?

— Это прекрасно! — она подхватила меня за руку. — У нас сейчас физкультура, пойдем вместе? — спросила она бархатным голосом.

— Да, конечно.

— Можно вопрос? — почти шепотом сказала девушка.

— Да, конечно. — я посмотрела в ее глаза, такие добрые и милые.

— О чем тебя спрашивал тот парень, к которому ты села, уверена, по ошибке? — такого я не ожидала.

— Ты его знаешь? — с любопытством спросила я.

— Он пришел за день до тебя, прошу тебя, не связывайся ты с ним. Поговаривают, то он сын сатаны. — мне стало одновременно и дурно и смешно. Я расстрелялась.

— Ты это серьезно? — подавляя смех и одновременно подступавшую дурноту спросила я.

— Ты знаешь его имя?

— Нет.

— Люциан.

Мне вспомнилась легенда про нефелимов. Падшие спускались на землю, создавая новый род — полу человека, полу- ангела. Люцифер- будучи изгнанным из рая, спустился на землю и искусил девушку. На свет родился ребенок самого сатаны.

Наказав Люцифера дважды, Бог забрал младенца и оставил на попечение Архангелам дав имя Люциана. Из нефелима — его сделали ангела.

Он служил всему Божьему миру и всем существам, что там есть. Но нрав и характер отца делал из Люциана эгоистом, и порой его сложно было заставить что-либо делать против его воли.

— Интересное имя..

Обменявшись с Лисой телефонами, мы разделились у женской раздевалки. Мне нужно было сходить к мистеру Фолсу.

Так я и сделала, сообщив, что я новенькая, он вошел в положение и разрешил не заниматься.

Позже, Лиса мне рассказала, что со старшими классами у нас общая игра в волейбол и именно на этом уроке.

Не желая встречать снова этого парня, я удалилась на самый дальний угол трибун.

Урок начался довольно хорошо. Я наблюдала за Лисой и ее идеально точными движениями. Вдруг, почувствовав чей-то надменный взгляд — я обернулась. Рядом сидел Люциан как ни в чем не бывало, и покручивал на пальце мой волос. Как он так тихо

пришел?

— Почему ты сидишь? У тебя ведь урок. — спросил и одновременно утвердил он.

— То же самое хочу задать и тебе. — рыкнула я, давая понять, что мне не приятен этот разговор.

Он усмехался.

— Я первый.

— У меня нет формы. — я решила просто ответить на его вопрос, для того, что бы он наконец-то отстал и дал мне побольше пространства, ограничив его своим присутствием.

— Забыла?

— Не взяла. — желая побыстрее покончить с вопросами, я была вспыльчивой. Уж побыстрее бы хотелось убежать на другой конец трибуны. Так сильно, что казалось, воздух закончиться в легких, и я задохнусь.

— Почему ты не смотришь на меня? — от неожиданного вопроса, я встретила с ним глазами. Все тот же пепельно-черный оттенок глаз.

— Ты боишься — утвердил он. Я тут же отвела взгляд

Не хотелось бы говорить, что это так, но его черная сущность и натура меня немного пугали. Как он так тихо ходит, так не естественно монотонно говорит, словно, сам ангел. Его речь утверждает и никогда не спрашивает. Он уверен в своих действиях и поступках. Он мог бы привлечь маньяка-убийцу, но не девушку.

— Ты заблуждаешься в своем утверждении. — я не хотела, совсем не хотела как-нибудь выдать себя, но это вышло само собой. Мой голос дрожал.

— Ты не умеешь врать, Амагис — он сказал это с наигранной улыбкой и все еще накручивая мой локон себе на палец. Я отодвинулась на самый край стульчика.

— Тебе ли знать? — фыркнула я.

— Когда ты врешь, ты жадно глотаешь воздух, твои зрачки уменьшаются более чем в три раза — констатировал он.

— Пульс учищается, руки потеют — боишься — закончил он.

Неужто он мог нащупать мой пульс находясь так далеко от меня? А руки? Разве я вытерала их руки о джинсы? Нет! Они сухие, как солнце. Так чего же он хочет?

— Чего ты хочешь?

— Ты мне интересна — заявил он.

— Спешу тебя огорчить — я не игрушка, что бы быть кому-то интересной.

— Человек тоже может интересоваться.

— Не в моем случае.

С меня было достаточно, я взяла рюкзак и двинулась в сторону двери:

— Уже уходишь? — Люциан приподнял бровь, в знак вопроса, его глаза сверкали, а свет, котрый падал на его скулы, отдавал тень на шею.

— Именно.

Выйдя из зала я стремительно направилась в сторону кабинета биологии, которую ведет мистер Поул.

Школьный день подошел к концу, и я уже ждала отца на том самом месте, где он меня оставил.

Дождь все еще моросил, и я накинула на голову шарф. Услышав мотор нашей Мазды, я расплылась в улыбке.

Папа приехал вовремя. Я залезла в машину и сразу мне протянулось кофе.

— Спасибо — я поцеловала папу в щеку и мы двинулись в аэропорт, так как проводив родителей, я поеду домой одна.

— Как первый учебный день? — ужасно.

— Необычно... — это еще приукрашено, это не как не совпадает с тем, что там происходило.

В эту минуту мне пропещало уведомление на телефоне и я полезла в задний карман джинсов, что бы достать его. Это была смс-ка от Лисы, она попросила меня написать ей, когда я буду дома.

— Кто там? — папа заинтересованно заглядывал в мой телефон, но я нажала на блокировку и сказала:

— Подруга, попросила перезвонить, позже.

— Ты завела себе друзей? — в голосе отца слышалось удивление.

— Вроде того.

— Так это же здорово!

— Да, здорово....

Глава 2 "Не смыкай глаз"

После того как я проводила отца и маму до аэропорта Приджпорта, я отправилась домой. Как только я приехала, то у меня возникло ощущение одиночества, и лишь его приглушал мой добрый, верный Питч. Дойдя до своей спальни, я настежь распахнула двери, и легла на кровать, уснув, менее чем через пять минут.

Проснувшись я ближе к вечеру, за окном стало темнеть, солнце уже немного скрылось за горизонт, который прикрывали лесные сосны, дубы и ели. Вообще, мне нравится запах хвои, листьев, но более всего мне нравится запах дождя. После него веет прохладой, частотой и свежестью. Открыв окно, что бы вдохнуть свежий запах, я решила пойти вниз. По дороге на кухню, я вспомнила, что забыла позвонить Лисе. Но она опередила меня прежде, чем я успела набрать ее номер:

— Алло, Матс? Как ты? Почему так долго не звонила? — ее голос звучал как-то муторно, или это я еще до конца не проснулась.

— Все хорошо, прости... — я потерла переносицу что бы не зевнуть. — Я отключилась после того как приехала. Ты уж прости.

— А, ну ладно. Я чего звоню... У меня пропадают билеты на завтра в кино.

— Пропадают? — я села на стул и отхлебнула воды из под крана.

— Да, Эшли занята завтра, а мне жутко хочется пойти на этот фильм.

— Ладно... Хорошо, я пойду, во сколько?

— Сеанс в восемь. Обожаю тебя!

На том конце линии послышались долгие и протяженные гудки, Лиса скинула трубку. Вообще, я не большая любительница пойти в кино, лучшее кино для меня это моя библиотека. Если ее можно так назвать. Хотя, прогулка на свежем воздухе и два часа посиделок с новой знакомой, это не так уж и плохо. В конце — концов, в моей жизни должна быть хоть капелька разнообразия. Как известно, то она течет у меня по серой дорожке, но если внести немного красочных цветов, например, светло синий или красный, будет немного красивее.

Дальнейшие два часа, я планировала провести за уроками. На завтра нам задали только греческий и биологию. Я выбрала дополнительными предметами греческий и латынь. Впрочем, их было всего-то два. Как бы то ни было, греческий я любила, и любила говорить на нем. Латынь я знала плохо, я могла прочесть немного, и понять совсем мало. Но ухватить я могла быстро и легко, поэтому я заходила сегодня в школьную библиотеку, что бы взять там книгу с латынью.

Подключив наушники к мобильнику, я воткнула их в уши и принялась писать греческий. Нам задали найти любой миф на греческом языке и рассказать, что мы думаем по этому поводу. Латынь и Греческий у нас вел мистер Гарисолн. Я выбрала типичный миф о Посейдоне. Сидев в спокойствие и в тишине я вдруг выругалась, из-за того, что погас свет. Встав и подойдя к окну, я взглянула на друге дома — свет есть. Скорее всего, просто вырубались пробки.

Накинув на себя крутку, я выбежала на улицу. Лил нескончаемый дождь, и быстренько пробежав до задней двери дома, что была по какой-то непонятной мне причине заперта, я посветила фонариком на телефоне и нашла этот чертов рычаг. Я подняла рычаг и вернулась обратно.

— Странно... — я закрывала дверь, когда выходила на улицу. И мокрые следы, оставлены каким-то непонятным существом, остались на коврике. Скорее всего это Питч, засранец. Выбежал и забежал обратно, но как он смог открыть дверь?

Но в эту же минуту, как только я захлопнула двери, наверху, в моей комнате, раздался приглушенный вой Питча. Он не был похож на радостный, он был наполнен болью и страхом. Я рванула наверх, вой, как я и предполагала, доносился из моей комнаты.

Как только я вошла, то не поверила своим глазам. На полу лежал Питч, вокруг него образовалась багровая жидкость, предполагая из запаха, что разносился на всю комнату — это была кровь. Из его бедра торчал огромный кусок стекла. Откинув все свои мысли я подбежала к нему и упала около него, что бы пощупать пульс. Пульс был, но очень слабый. Скорее всего, у него болевой шок и он впадает в кому.

Я лихорадочно положила его голову ко мне на колени и стала поглаживать его по голове. Питч приоткрыл глаза и тихо заскулил.

— Тише... все будет хорошо мой мальчик, главное не бойся, слышишь?

Как же это больно видеть, как страдает твое любимое существо. Словно, ты ощущаешь всю ту боль, что он сейчас испытывает, словно, ты страдаешь вместо него и в два раза больше. Все, что я ощущала помимо этого — страх. Страх за то, что я не помогу ему, за то, что он умрет у меня на руках по моей вине.

Став осматривать осколок, я сделала вывод, что он вошел не глубоко и его можно легко вытащить и быстро зашить рану. Скорую вызывать бесполезно, да и крайне глупо, они подумают, что я какая-то наркоманка и пришлют сюда вместо скорой псих-отряд.

Вспомнив, где у меня лежит аптечка, я подложила под голову Питчу плед, и побежала в ванну. Я открыла верхний шкафчик над зеркалом и вывалив от туда все свои принадлежности высунула аптечку. В ней я нашла последний пузырек морфия и бинты. Схватив по пути шприц, спирт, и два полотенца, я побежала обратно в комнату.

Налив спирт на полотенце поменьше я приложила к ране Питча, тот, еле-еле заскулил. Резким движением, я вынула осколок и откинула его подальше. Прижав полотенце, я схватила приготовленную иголку, и начала вставлять нитку.

Провозившись с этим делом минуты две, я наконец смогла вставить иголку в нитку. Отбросив окровавленное полотенце, я пыталась справиться с приступом рвоты и истерики. Вспомнив в эту минуту про морфий, я вскрикнула:

— Вот черт!

Оторвав зубами верхушку ампулы, я ввела шприц сначала в ампулу, а затем в рану Питча, при этом совсем не задумываясь верно я делаю или нет, в голове у меня стояла одна цель, спасти Питча, и я это делала. Налив еще немного спирта я принялась зашивать его рану. Аккуратно закончив с этим делом, я замотала рану бинтами и обхватив его двумя руками, затащила его в ванну. Открыв кран, я начала отмывать его белоснежную шерстку, оталой.

Слезы я сдерживать не могла, и она никак маленькая речушка, вышедшая из своих берегов, катились по моим щекам. Стараясь не задеть рану, я намывала его до чиста. Всхлипы и маленькие возгласы вырывались у меня из уст, но крик ужаса и одновременно облегчения застрял у меня глубоко в горле так, что я не смогла ничего сказать. И только сейчас я поняла, как страшно видеть страдания, и как же страшно видеть смерть. Конечно же Питч не умер, и пульс вошел в привычный темп, а что если бы я не услышала, или не успела? Что тогда? Я бы никогда себе не простила такой участи. Я предпочла бы умереть сама, чем видеть смерти иного, пусть даже и не человека. Это страшно, очень страшно.

Питча я уложила к себе на кровать, после того как высушила его. Он все еще спал, действие морфия продлится до утра. Сама я вытерла кровь, и все связанное и напоминавшее сегодняшнем дне, я выкинула в мусорку. Зайдя в душ, я отмылась от крови Питча и вновь зашла, что бы поцеловать его напоследок. Как только я подошла к кровати, то увидела на туалетном столике, возле нее конверт. Руки у меня затряслись, как только я открыла его и прочитала что там было написано.

На белом, словно крылья ангела листе, была лишь одна фраза, написанная на латинском языке. Его буквы, напоминали мне адские буквы, и адскую подпись:

«Amor dolor», что означало "Любовь — страдание".

* * * * *

Можно одновременно смотреть на две вещи — на огонь, и на то, как я безуспешно пытаюсь надеть юбку при этом пить кофе и бежать в ванну для того, что бы умыться. Я уснула на диване, и мне удалось поспать за час до школы. Однако, я опоздала уже на первый урок, и Лиса меня убьет, у меня пять пропущенных от нее.

Я долго размышляла над тем, что случилось, и пришла к выводу, что я сошла с ума, ибо же, это не как не объяснить. Эти следы на коврике при входе, этот осколок. Я осмотрела все, ничего не было, ничего не разбилось, откуда он мог взяться? Да и какому психу придет в голову убивать мою собаку? Это что, маньяк на собак?

Питча я конечно же оставить не могла, поэтому, мне пришлось сходить в ближайшую аптеку и купить еще одну пачку морфия, что бы вколоть ему. Без меня, он не сможет ничего сделать, а если я останусь дома, то деректриса позвонит моим родителям, а там мне придется объяснить, почему же я не пошла в школу. А если я расскажу им правду... В общем, просто проще всего вколоть Питчу морфия.

Я уже была на школьной стоянке и припаркововала автомобиль. Как только я вышла, меня чуть не снесла Лиса. Глаза ее были жестокие, и мне даже показалось, что ее золотистый цвет, сменился на черный, скорее всего, это просто свет упал не под удачным углом.

— Ты где мать твою была? — она буквально требовала от меня вопроса своим убийственным взглядом.

— Я... Прости, я уснула, и... — я попыталась найти объяснение, но вышло, однако, неудачно.

— За рулем!? — ее глаза чуть не выпали из орбит.

— Что? Нет! — Я закрыла глаза. — Я проспала урок, вот и все. Прости.

— Что ж, ладно. Я тебе звонила сказать, что билеты я сдала, ты ведь не против, что мы пойдем к тебе?

Ого, вот это настойчивость и убеждение речи. Так вот, что таиться в этой хрупкой и красивой девушке. Стальной характер и бдительность. Хотела бы и я так убеждать и говорить как она.

— Да, конечно, я хотела тебе сказать, что у меня бы и не вышло, у меня собака заболела..

— Не самая удачная отмазка, Родсвилд.

— Но это не...

— Пойдем, вторым у нас углубленная история, — мы двинулись к входу школы. — ее ведет мисс Эйидл. Этой старушке около шестидесяти пяти, и она до сих пор торчит в этой школе. Стаж работы у нее около сорока лет, и ее невозможно переспорить, если дело касается какой-либо истории древнего Рима, так что, если ты увлекаешься и такими

легендами, тогда не стоит открывать ротик.

Мы уже вошли в школу и шли по второму этажу.

— Стой, а откуда ты знаешь про то, что я увлекаюсь легендами? — на минуту мне показалась, что она засомневалась в том, что я задала правильный вопрос, но затем сказала:

— Ты ведь сама говорила, не помнишь?

— Наверное... да, да, говорила. — на самом деле я ни черта не помнила, что бы я говорила, ну или моему временному склеротизму можно найти объяснение.

Зайдя в класс, мы сели с Лисой за одну парту, которая находилась посреди второго ряда. Мисс Эйдил начала свой рассказ:

— Итак, сегодня мы начнем с легенд про все известные оборотней.

— Ар-р, — выкрикнул кто-то из класса, и по кабинету прошелся смешок.

— Да, да, но если бы ты — Плитен, решился бы вот так вот "подшутить" над оборотнем, ты бы давно был закуской или десертом на ужин.

В классе стояла гробовая тишина. Теперь я понимаю, что в этой школе шутки- плохи.

— Существует много легенд про оборотней, и в каждой стране и на каждом континенте их описывают по-разному. Одни пишут о них, словно о чем-то божественном, другие, что оборотни дети ада. Третьи, что они дети нефилимов. — она стала расхаживать по классу туда-сюда и между этим продолжала рассказ. — Все мы знаем хоть из малейших источников, что оборотни — это полу-люди, полу-волки. На самом же деле, они выглядят как полноценные волки, но только, чуть выше обычного. Если обычный волк составляет около девяносто сантиметров, то оборотень составляет все полноценные полтора. Вожак может достичь около метра и пятидесяти пяти сантиметров. Его можно определить не только по росту, но и по глазам. Определяется три типа глаз: красный — альфа, желтый — омега, синий — бета. Оборотни всегда держатся стаями, не в зависимости от их местоположения.

— Как же они могут происходить от нефилимов? — слова вырвались у меня прежде, чем я успела сообразить. — Нефилимы произошли от ангелов, а оборотни, от детей ада.

— Как я уже сказала ранее, Аматис, у всех разное мнение по этому поводу, но это ближе и точнее всего. В одной из легенд, где идет рассказ от одного человека, по имени Исаак. Он рассказывал: когда мир охватила чума, и он погряз в своих муках, страданиях и грехах, явился Дракула — сын самого дьявола, сразу после Люциана. Многие его дети, прозвали детьми смерти, или дети ночи — вампиры. Тогда Дракула создал новый вид — оборотни. Никому не было известно, как он их сотворил, но вскоре, появился гибрид нефилима и оборотня. Но... Это всего — лишь легенды, не больше.

— Согласна. — одновременно разочарованно и с легким облегчением сказала я.

Спустя три урока мы встретились с Лисой в школьном буфете. Буфет переполняли ученики, за столами было около пяти и более человек. Я же нашла один свободный столик около окна его вид выходил на лес. Такой тихий, безмолвный, словно океан — лес.

— Ненавижу эту чертову математику! Бесполезный предмет, не находишь? — Лиса с грохотом отпустила свой поднос на стол и плюхнулась на стул. На ее подносе был обезжиренный клубничный йогурт, яблоко и немного какой-то смеси, видимо, каша.

Я молча пила чай.

— Что с тобой? Ты ничего не ешь. Хочешь яблочко? — она протянула мне круглое, зеленое яблоко, но я лишь помотала головой и ответила:

— Нет, спасибо, я не голодна.

Я и так была по горло сыта тем, что произошло прошлой ночью. Я все время думала о Питче, вдруг он проснулся и упал? Скулит... Эти мысли не давали мне покоя.

— Знаешь, возможно мы не слишком долго и общаемся, но я смогу разузнать человека в стрессовой ситуации. Ты сидишь и тупо пялишься в одно место, пытаешься уйти в себя, у тебя мешки под глазами в которых можно таскать картошку. Ты конечно могла бы воспользоваться косметикой, но ты этого не сделала, хотя, можно и догадаться, что кроме своей помады ты ничего не делаешь, ты заболела? В чем проблема?

Поразительно, внешность может дать полное резюме что происходило с тобой вчера и даже неделю назад, если ты конечно ходишь в одной и той же одежде.

— Нет, все... все в порядке, просто я волнуюсь за Питча, он мой пес. Он сильно поранился и...

— Эй, знаешь такое выражение "Заживает как на собаке"? Ну так вот, все будет хорошо. — она улыбнулась и потерла нос. — Может все-таки яблочко? — Яя рассмеялась.

— Нет, спасибо, оно твое.

* * * * *

Она вышла на улицу и легко, словно бабочка порхая, направилась к своей машине на школьной стоянке.

Она была одета как-то смутно, темно. Сегодня ее глаза не подчеркивал белый свитер, а ноги не удлинялись благодаря темным, как угольный осадок джинсам.

Серый брюки дошли ей только до щиколотки, обтягивая ее ровные и красивые ноги. Сперва, могло показаться, что они ей малы, но на самом деле так и надо. Серая легкая водолазка, которая висела на ней мешком, была с принтом кошек. По прежнему с ней оставалась черная кожанка, а серо-белый шарф, заменял теперь черно-синий.

С первого взгляда, девочке лет пятнадцать. Длинные, словно грива лошади, волосы спадали ей аж до поясницы, переливаясь при этом угольно-шоколадным отливом. Глаза будто туча, серые и холодные. Но блеск, в этих девичьих глазах и добро, сияли сразу, как только к ней подойдешь. Аккуратный носик, с закругленным кончиком и пухлые губки, можно было бы посчитать ангельскими, это была Аматис.

Девушка дошла до машины и по телу сразу пробежали мурашки, она резко обернулась, выронив книгу, что она держала руках. Перед ней стоял Люциан. Он был в темных штанах, в черной футболке, что обтягивала его бицепсы, куртка и кеды. Теперь, можно было увидеть — он выше ее на целых двадцать, а то и больше сантиметров.

— Учебники — это знание, не стоить их ронять. — он поднял учебник и протянул его девушке. Аматис потянулась за ней и пытаясь не дотрагиваться до него, взяла учебник. — Не рановато ли уходишь? — промурлыкал он. парень стоял облокотившись о ее машину бедром, скрестив ноги.

Аматис думала, что он постоянно менялся, в нем явно, что-то менялось и менялось как-то... Странно и не заметно. То чувство, когда она не могла понять, что она чувствует ее вгоняло в злость и бешенство. Она с искреннем желанием не хотела говорить с ним. Но он прильнул к дверям ее машины, и теперь находился чуть ближе. "Черт" — подумала Аматис. Не зря говорят, что он сам сын сатаны, хотя, по его образу, и одежде, по-другому думать было не возможно.

— Ты что следишь за мной? — прищурившись просила Матс.

— Не льсти себе, Родсвилд. — Аматис словно передернуло от того, как он произнес ее фамилию. Он говорил с лишней нежностью в голосе и смесью отвращения. Ее кинуло в

холод, и она поспешила застегнуть куртку. Но хотела она укрыться от холода или от Люциана — было загадкой.

— Я ведь даже твоего имени не зна..

— Люциан Грегорин. — он перебил ее раньше, чем она закончила, но Матс так и хотела ударить себя битой по голове, ведь этого говорить она и вовсе не хотела.

— Знаешь, мне не интересно. — Ааматис мялась ноги с на ногу.

— Это ведь не так. — сообщил парень. — Тебе это интересно, иначе бы ты не сказала того, что сейчас прозвучало. — по его глазам было ясно — это глаза хищника. Глаза словно поглощали ее все сильнее и сильнее. Уголки его губ дернулись в улыбке, глаза же оставались в полном безразличии.

— Ты слишком уверен в себе. — буркнула девушка. Самозащита — не ее конек. Подбородок ее дрожал, а злость набирала обороты.

— Пытаешься защитить себя? нападение — лучшая защита?

— Вовсе нет.

В воздухе повисло напряжение. Было видно — тело парня напряглось, а плечи его еще более — менее оставались спокойными. Он дышал точно в такт Ааматис. Словно, какая-то невидимая стена из-за льда не давал Люциану сказать то, что он сейчас чувствует. Но чувствует ли он? Или это собственные воображения Ааматис?

— Придешь сегодня ко мне на вечеринку? — наконец спросил он.

— Нет. — отказ Матс вызвал удивление на лице Люциана, и Матс мысленно улыбнулась. Она сломала его самоуверенность. У нее вышло.

— А если это прозвучит как утверждение или приказ? — как он смеет диктовать свои правила? Оратор он или просто обычный человек — он не имел права так делать.

— Мой ответ — нет. — уверенно произнесла во второй раз отказ Ааматис. Но все равно ей жутко хотелось влечь ему пощечину.

— Уверен, твоя подруга любит вечеринки. Да и мой друг, безумно любит девушек. — в его глазах заиграли чертики.

Он протянул ей билеты.

— Я же сказала, что я не пойду! — чуть ли не крикнула она.

— Ты слишком вспыльчива. Спокойней принцесса.

— Как ты меня назвал? — возмущения девушки не было предела. Он улыбнулся.

— Так вы идете? — посмотрев еще раз на билеты, девушка сказала:

— Я не пойду, но возьму для Лисы и ее подруги.

Люциан отдал ей билеты и ушел. Его походка была тверда, и более чем сексуальна, но не для Ааматис.

Как только она села в машину, то принялась читать пригласительные:

"ПРИХОДИТЬ СТРОГО В ВЕЧЕРНЕМ НАРЯДЕ. КЕДЫ, ДЖИНСЫ И СНИМЕТЬСЯ ПРИ ВХОДЕ, ЛИЧНО ХОЗЯИНОМ"

Вспомнилось, когда-то Реббека, пыталась втиснуть Матс в платье, но ей этого не удалось. К юбкам она приучила Ааматис за два года, а платья...

Матс готова была поспорить, что все девушки придут сразу голыми. От этой мысли она закатила глаза. Но она знала — даже если ад сгорит до тла, даже если рай падет, и даже если сам Бог ступит на землю, она ни за что на свете и не под каким предлогом, не пойдет туда.

Глава 3 "Под вой волков и танец сладок."

Питч стал идти на поправку, от чего на душе у меня стало немного светлее и спокойнее. Сердце словно отмерзло, и грелось в лучах радости, хоть и совсем небольшой. Конечно же, мне стало намного проще от того, что он уже хотя бы может дойти до миски с водой и кормом, но спит он по прежнему у меня в комнате, только теперь я сплю рядом. Я не смогла спать в гостиной, опасаясь того, что в следующий раз может произойти.

Мысли никак не хотели укладываться в голове, как и почему? Откуда, каким образом, что это было? Как мне теперь спокойно спать, жить с тем, что хоть и покушались на мою собаку, а я уверена, что это было, но страшно от одной мысли, если бы это сделали со мной... Ко мне в голову приходили мысли разной степени маразма и сверхъестественной мистики, но вот как объяснить это по нормальному?

Я смотрела телевизор; очередной фантастический триллер, как в дверь кто-то настырно позвонил, в этот момент мне вспомнилось, что ко мне должна была прийти Лиса. Встав с кровати и подойдя к двери, я натянула улыбку и открыла входную дверь.

На лице девушки не было ответной реакции на улыбку, а в руках у неё была бутылка от энергетика, она успела опустошить её на одну треть. На ней было нежно-бежевое платье, с такими же туфлями, на небольшой шпильке, а сверху — тоненькая синяя ветровка.

— Привет — она выдавила из себя не самую удачную улыбку и пройдя мимо меня, скинула с себя куртку, кинув на ходу её на кресло.

— Твой песик? — посмотрев на фотографию на входном столике она отхлебнула напиток и уселась на диван, накинув ногу на ногу.

Я прикрыла дверь и присела рядом с ней.

— Что-то случилось? — я указала на бутылку, что она держала. Она шмыгнула носом, и я заметила, что небольшая, совсем кроха-слезинка скатилась вниз по щеке.

— Эй, ты чего? Ты плачешь? — я положила мою руку ей на плечо и наклонилась что бы увидеть её лицо. Она действительно плакала.

— Помнишь... Помнишь я тебе говорила про Эшли, с которой я должна была идти в кино?

— Да... Ты сказала что она не может. — согласилась я.

— Она не могла лишь по одной причине, что пихала член моего парня к себе...

— Я поняла! Я поняла... — я протяженно выдохнула и посмотрела в её глаза:

— Что ты собираешься делать?

Она рассказала мне все самые счастливые моменты из ее жизни, рассказала все с такой горестью, что мне пришлось обнять её и не разжимать свои объятия ближайšie пол часа рассказа Лисы.

— Его кстати зовут Нил Джоржделайнд, он в старших классах, и он... Восхитителен... Точнее был.

— У меня никогда не было подруг, ты единственная за все мои шестнадцать лет. Мои родители постоянно в разъездах и мне приходилось довольствоваться книгами, теми самыми, что оставались ещё от бабушек, а им от их бабушек... В общем, книги были моими друзьями. — девушка внимательно взглянула мне в глаза. Я продолжила свой рассказ:

— Нью-Джерси — город надежд, возможно, но только не для меня. Этот город из многих мегаполисов, что делает из таких как я изгоев. Я не была заучкой, но любила читать,

и разве это грех? В основном я тратила все свои деньги, которые давали мне родители на проживание, на книги. Я бывало, не ела дня два, три, но за-то у меня была книга, а то и две. Моими друзьями были Остин, Мэтьюрин, Китс, Байрон и многие другие писатели. Но живых друзей у меня не было. У меня никогда не получалось завести разговор и вывести его в новое русло и в нужном направлении, что бы это русло могло хоть как-то обеспечить спокойное плавание в дружбе, но я тонула, всегда. Дружба для меня имела значение чего-то отдаленного от моё жизни и моего окружения. Это чувство я считала ложными чувствами любви и привязанности. В книгах, дружба выражалась как-то по иному: защита, любовь, поддержка, значение не кровного родства — вот чем дружба значилась там. Я же по сей день не узнала бы её без тебя.

Лиса всхлипнула и вытерла подтекшую тушь.

— Так значит, ты никогда ни с кем не дружила? — словно не веря в мой рассказ, спросила девушка.

Я кивнула головой.

— А отношения? Мальчик был? Ты целовалась? — она оживилась и начала пристально смотреть на меня.

— Нет — я качнула головой.

— Значит, ты девственница?

— Лиса! — буркнула я.

— Ладно, извини. Мне к стати полегчало. А мой энергетик выветрился...

В этот момент у меня в кармане я нащупала два билета на вечеринку Люциана, я громко выдохнула и решившись протянула его Лис. Она удивлено приподняла бровь и спросила:

— Что это?

— Это приглашения на вечеринку Грегорна. Ты так красива, что мне захотелось отдать тебе и Эшли.... Но раз Эшли нет, тогда...

— Ты пойдешь со мной! — она вытерла тыльной стороной руки нос, что кстати вошло у нее в привычку, и похлопала в ладоши.

— Тебя срочно нужно нарядить! Во сколько вечеринка?

— Через... — я посмотрела на экран телефона. — Пол часа.

Громкая музыка глушила, уши закладывало, но собственное не ровное сердцебиение Аматис отдавало даже в пятках. Пульс участился, а ноги стали ватными как только они подошли к двери дома Люциана.

Лиса фактически ничего не делала с Матс, она лишь помогла подобрать цвет теней, которые бы подошли к ее платью... Все остальное девушка сделала сама. Как уже было сказано: Аматис не носила платьев, но было одно лишь единственное платье, что было куплено мамой Матс. Платье с самого верха было черным, словно перо ворона, затем, где-то в районе пояса, происходил градиент с черного в ангельский — белый цвет. Лямки обнажали ключицы, так как были чуть ниже плеча. Сзади был вырез от лопаток по пояс, обнажая спину оно казалось более чем элегантным. Верхняя часть обволакивало тело Аматис, словно шили по ней, но далее, там где юбка, которая доходила до пола была чисто ровная, а второй вырез от бедра и до пола подчеркивал чудесные ножки девушки. Сверху, чтобы как-то согреться, Лиса накинула Матс кружевную накидку.

Из обуви она решила обуть белые туфли на десятисантиметровом каблуке. Тогда бы она точно достала бы до Люциана... Потому что была бы в один рост с ним. Если еще не меньше...

Девушки решили немного припоздать, и поэтому за полтора часа они успели одеться, привести себя в порядок... И обрезать длинные волосы Матс и покрасить их. От длинной гривы осталась длина лишь до боков, окрашенная в пепельно-серый цвет. А в ушах, вместо одной сережки, сразу три в одном правом ухе. Волосы Амагис закрутили большими волнами, и теперь она боялась лишь одного: войти в этот чертов дом.

* * * * *

Не успев постучать в дверь, она резко распахнулась и от туда вышла по всей видимости знакомая парочка Лисе, потому что дальше было хуже... Ее взгляд переменялся на ненавистный, таким взглядом смотрят хищники на жертву.

— Лис... - первый заговорил парень. Это был высокий блондин с достойным телом, и смазливой мордашкой. Он отпустил руку рыжеволосой девушки и протянул ее Лисе. На ее глаза навернулись слезы, а рот был чуть прикрыт, она не могла ничего сказать, мне стало ее жаль, потому что я поняла, кто перед нами стоял — Нил и Эшли.

— Грабли свои убрал. — я заслонила собой Лису, отделяя тем самым от него.

— Какого черта? Отойди! Нам надо с ней поговорить. — он попытался меня толкнуть, но я ударила его по рукам.

— Разве, "Нам" для тебя все еще значит тебе и Лисе? На сколько мне известно, ты пихал свой член в ее Лучшую, прошу заметить Лучшую подругу, по ней разве видно, что она желает вести с тобой разговор? А ты — я перевела взгляд на Эшли.

— Тебе не стыдно? — спросила я.

— Ты... -начал было Нил, но тут прозвучал голос самого хозяина:

— Кажется, девушки ясно дали понять, что разговор с вами окончен.

В дверном проеме появился Люциан. На нем был черный смокинг и бабочка, на белом воротнике рубашки. Его глаза прошили по мне от головы до пят. Он ничего не сказал, но его глаза сверкали, словно самая яркая звезда на ночном небе. В глубине души мне польстило бы его внимание, но где-то очень и очень глубоко, где-то спрятанное за миллионами сундуков и за миллиардами морей.

Повернувшись к Нилу и Эшли я взглянула на них.

— Она лезет не в свое дело! — рыкнул парень.

— А ты лезешь в трусы этой шал...

— Довольно! — голосом не только хозяина этой вечеринки, но и каким-то строгим голосом взрослого мужчины крикнул Люциан.

— Мне нужно выпить... — я еле успела заметить скрывающийся за головами ребят светлый образ Лисы.

— Я бы такую подругу в озере утопила бы! — со злости я пристукнула каблуком по полу и развернулась к рыжеволосой.

— Заткнись! — пропищала она. — Это даже не твое дело!

— Твое дело скоро будет лежать в отделении полиции вместе с моим, потому что я тебе сейчас вот этими туфлями глаза выколю, что бы ты не то что посягнуть и смотреть на чужое не смогла!

— Не успеешь, я тебе их раньше сломаю. — прошипела она.

— Не смей угрожать ей в моем присутствии, по крайней мере не в моем доме. — громко произнес Люциан.

— Но...

— Пойдем, — Нил схватил Эшли за руку и они пошли прочь, что-то бормоча себе под

нос.

Как только они скрылись за домами Джорд-авеню, я повернулась к Люциану, которого теперь, закрывала тень, из-за того, что луну скрыли тучи. Я вздрогнула и отошла на шаг дальше от него. Его глаза казались такими злыми, и такими черными, что мне показалось, будто у него не было белков.

— Что случилось? — он все еще стоял на том месте, где ему и следовало стоять, потому что он меня пугал. — Почему ты опять боишься меня? — словно читая мои мысли произнес Грегорин.

— Я тебя не боюсь. — собрав все свои силы в кулак, я прошла мимо него, а от него все так же веяло грозой...

Громкая музыка сменилась на спокойную, все стали парочками и начали танцевать медленный танец, я нашла Лису у барной стойки, оно и не удивительно. Так же не удивляло то, что в этом огромном особняке есть даже барная стойка. Я подседа к ней и взглянула на нее. Лицо ее не мокрое; значит уже успокоилась. И она поглощала красное вино.

— Как ты? — я спросила осторожно, боясь чем-то задеть ее, тем временем бармен мне налил то же самое красное вино, что и Лисе.

— Спасибо. — я поблагодарила бармена и отпила глоток. Жидкость чуть обожгла мою ротовую полость, но в основном к этому можно было привыкнуть.

— Спасибо за то что заступилась за меня там. Вообще, я редко плачу и редко показываю свои чувства на публике, но ты молодец, не растерялась. — она чуть повернулась ко мне на стуле и посмотрела в глаза.

— Ну... Я научилась этому сама, никакие книжки даже не помогли. — я отпила вино, а Лиса чуть хмыкнула.

— Никогда не любила заучек, но ты другое дело: Смешная, добрая, искренняя.

— Не сказала бы, что я заучка...

— Заучки всегда так говорят — Лиса рассмеялась.

— Вижу тебе уже легче. — я снова сделала глоток вина, на этот раз опустошив весь бокал, показав рукой бармену долить, он в ту же секунду подлил еще вина и улыбнулся.

— Да, намного. — согласилась девушка.

— Простите что прерываю разговор двух наипрекраснейших дам, но соизволите ли вы, станцевать со мной медленный танец? — он обращался к Лисе

Перед нами стал парень, и если бы я была одной из "модниц" нашей школы, то сказала бы что он красавчик: Широкие плечи, голубые глаза, волосы цвета ореха, а его закаченное до максимума тело говорило о том, что он очень и очень любил спорт. Его я видела в школьной команде по лакроссу он был нападающим под восьмым номером и звали его Джим, правда фамилии его я не знала.

Прошептав Лисе на ухо "Давай, иди", я отдалилась в другой конец комнаты. Огибая толпу людей, я разговаривала с ними и одновременно выпивала, так, когда я столкнулась с Люцианом, я была подшофе.

— Вино в твоём случае плохо влияет на сосредоточенность и внимание — вынес вердикт он, за такое мне хотелось плюнуть ему в рожу. "Ну ты же леди, что за выражение" говорил мой мозг, а подсознание твердило отобрать вино и вылить ему на лицо.

— Можно подумать тут только в вине дело, а не я ходячая не внимательность. — резко ответила я, словно плюнула ему в лицо, а может так оно и было, я не заметила...

— Потанцуем? — не удосужившись выслушать мой ответ, парень схватил меня за

талию, и мы оказались среди танцующих медленный танец. Мне не оставалось ничего кроме как положить ему руки на грудь, поскольку до плеч я просто не могла дотянуться будучи даже на каблуках, и двинуться в такт музыке.

— Тебе очень идет этот образ. — после длительной тишины произнес он.

— Спасибо.

— Я так понимаю, подруга Лисы — ты.

Вот ведь черт! Как же я могла упустить тот факт, что он вспомнит это и точно просмеется про себя, тихо, с долей иронии и не показав никакой забавы.

— Я пришла потому что попросила Лиса, а ее подруга оказалась... Да впрочем не важно кем она является.

— Что за драма у вас твориться? Неужто та рыженькая? Она сексуальная.

Я фыркнула, оно и не удивительно.

— Эшли, да сексуальная, может и ты за ней побегаешь? — я взглянула на него, и в его глазах играли чертики.

— Нет уж, спасибо, как не будь обойдусь без этой девушки.

Он все еще держал меня за талию, и от его прикосновений по моему телу шел электрический заряд, а мурашки были тому прямым доказательством. Моя цепочка на талии, под платьем словно дергалась от его присутствия, а воздух будто бы был одурманен его запахом дождя.

— Расскажи о себе? Почему ты так говоришь, точно ты с другой эпохи.

— Ну или я просто читаю. — просто ответил он, явно забавляясь тем, что я в его руках чувствовала себя маленькой и беззащитной.

— Тем более, Аматис, тебе не понравится то, чем я живу и что называю жизнью. уверяя отвечал он. Тогда, впервые в те долгие минуты я взглянула вновь в его глаза. Они были все теми же черными дырами и не выдавали ничего. Говорят, глаза — зеркало души человека. И складывалось такое ощущение, что души у хозяина этих глаз не было и вовсе.

— Почему ты постоянно уверяешь меня в том, что считаешь нужным сам?

Он выдохнул и вместе с тем издал чуть глухой рык. В то время музыка сменилась на другую, также медленную как и предыдущая.

— Хорошо, — невольно согласился он. — Я от туда, где учат любить людей, говорят о их душах, рассказывают о падших, демонах и это говорят, как о чем-то свойственному человеку.

Я вскинула брови вверх.

— Ты человеконенавистник?

Он рассмеялся, но так глухо, что мне показалось наигранным.

— Скажем так — люди мне не очень приятны. Они мыслят как животные, а животные только едят и спариваются.

— Можно подумать ты не человек. Но раз ты считаешь человеческую расу животными, тогда уж, общайся со своей расой, а не с такой как я — животноподобной.

— Я не...

— Увидимся на занятиях, впрочем, не желательно.

* * * * *

Дома девушка оказалась к часу ночи. Лиса была пьяна в доску и поэтому, пришлось ее оставить у Аматис. Аматис не знала где она живет, и тем более не смогла бы смотреть в глаза ее маме. Девушка уложила свою подругу в спальню родителей, а сама, поменяв повязку

Питчу и налив ему свежей воды, подождала пока он попьет и поест и отправилась вместе с ним в постель.

Приблизился новый день. Сегодня пятница, а это значило, что это последний день учебы, а далее два дня свободного уикенда. Встать с кровати Мат удалось с трудом, но она успокаивала себя тем, что ее подруге еще хуже и по крайней мере ей нужно приготовить завтрак. вчерашнее вино отдавало в висках и девушка поняла, что виски с вином было перебором. Она никогда не пила до вчерашнего дня, алкоголь просился обратно и поэтому обогнув Питча она мигом влетела в ванну.

Приняв душ, она отправилась к шкафу, а затем вниз. Уже на первой ступеньке она услышала звук звенящей чашки и чайника. Спустившись, она увидела за столом вполне опрятную и "свеженькую" Лису.

— Проснулось сонное царство, ну хвала небесам! Думала ты всю свою жизнь проспишь. — она сидела с чашкой кофе в руке.

— Сейчас только семь часов! Во сколько ты проснулась вообще? — она прошла к холодильнику и доставши молоко, с холодильника залила им хлопья.

— Разве это сейчас важно? Твой пес не давал мне спать, и постоянно скрипел дверьми. Аматис подавилась очередной порцией хлопьев.

— Лиса, он не мог ходить, у него бедро пробито. Тем более он постоянно сопел мне на ухо и спал рядом.

— Тогда кто заходил к тебе и ко мне в спальню? — взволнованно спросила Лиса?

— Походу, кто-то пробрался ко мне в дом пока мы спали...

* * * * *

Сложно было одновременно учиться и опасаться того, что покушение на меня прошлой ночью не удалось и поэтому, оно будет в ближайшее время. Я все еще хранила то письмо у себя в шкафчике и пока не осмелилась рассказать Лисе что же за рану и при каких обстоятельствах получил Питч. Было сложно сообразить со своим волнением и со своими мыслями. С самого утра у меня пропал аппетит и есть вовсе не хотелось, хотелось жутко спать, но было страшно. Я шугалась каждого шороха и звука, поэтому я ходила рядом с Лисой. Сейчас мы сидели на истории мистера Локки.

Миссис Шейдли поговорила с ним, при мне и он пообещал, что если освободиться место, то он обязательно возьмет меня в его группу, но так сказать, я сама-то не очень и хотела в ближайшее время где-то участвовать.

— Что скажете мисс Родсвилд? — сквозь мои размышление прорезался голос преподавателя.

— Извините, я не расслышала вопроса.

— Охарактеризуйте мне пожалуйста Кубинскую революцию в 1933 — 1934 году.

Я стала рыться в памяти и о, Бинго!

— Эта революция пошла по мексиканскому пути под руководством Гитераса. Она восстановила демократические свободы, право на организацию профсоюзов, разрабатывала аграрную реформу, так же ограничила привилегии иностранных монополий.

— Хорошо, — он кивнул. — Скажи мне тогда вот что; как по твоему справился с этим заданием Гитерас?

— Он не успел укрепить свое влияние в армии. Этим сумел воспользоваться командующий армией Батиста Фульхенсио. И при поддержке Соединенных Штатов Америки в стране произошел контр-революционный переворот.

— Хорошо, умница Матс.

— Даже не удивлена — прошептала Лиса. — Хотя должна признать, единство с книгами иногда полезно, а ум сексуален.

— Я тоже вот нисколько не удивлена, Лис.

Она фыркнула в ответ и отвернулась.

Уроки продолжались нудными и очень тяжелыми часами, и мне очень захотелось подышать ветренным, томным запахом леса. Я любила ходить по лесам и чувствовать запах его листвы, цветов, трав и ягод. Поэтому, предупредив Лису, после уроков я отправилась к лесу.

К обеду стало пасмурно и тучи оккупировали небо, стало более темнее чем обычно, и чуть заморосил грибной дождь. Туман нежно окутывал верхушки лесных деревьев. Меня так дурманил запах хвои, что становилось легче и спокойнее на сердце.

Войдя в лес, мне стало уютно и умиротворенно. Красота могучих деревьев охватывала с головой и можно было бы часами наблюдать за тем, как распускаются цветы, расточки на ветвях сей прекраснейших из обитателей леса Приджпорта. Считалось, что этот лес не принадлежит городу, но основатели этого города сестра и брат Паркинсон еще в 1734 году доказали, что лес принадлежит окрестностям Приджпорта.

Бурые, желтые и даже зелено-красные листья еле держались на ветках, что бы не опасть. Что-то в этом сильно манило, да так, что казалось; без этого невозможно прожить. Тут нежданно-негаданно зазвонил телефон, я достала его с кармана и на экране определился номер Лисы.

— Алло! Алло, Амагис, это ты? — Лиса буквально кричала в трубку телефона и голос ее свидетельствовал о том, что она явно слишком взволнованна.

— Да я, я, что стряслось? Опять ноготь сломала?

— Где тебя черти носит? — вторично крикнула она.

— Я же сказала, что пойду прогуляюсь, чего орать-то? Что произошло вообще? Чего ты орешь?

— Слушай меня внимательно и без пререканий и твоих дурацких шуточек: ноги в руки и вали от туда так быстро на сколько сможешь, потому что, если ты от туда не уйдешь, то будет очень и очень плохо. Так что давай деру от туда, сейчас же, слышишь!?

Но я уже никого и ничего не слышала, потому что стояла я в огромном что ни на есть шоке. Передо мной, в метрах пяти стояли огромные волки, и скорее всего это была стая. Впереди них был один, побольше — альфа. Он стремительно смотрел на меня и тогда я заметила, что у волков по бокам окровавленные морды и их здоровенные лапы, а в их пасти человеческие головы. Эти черты мне были не так уж и сильно знакомы, но я их знала. Эшли и Нил. Вожак издал глухой и протяженный вой и тогда я расслышала голос Лисы в трубке:

— Беги! — крикнула она, и я сорвалась с места.

Глава 4 "Черные трудности отныне в ствоей голове"

Бежать, бежать так быстро как только может человек, как только позволяют все законы, и как только позволяешь сама себе ты. Бежать с бешеным колотящимся сердцем в груди, что защищает надежный панцирь из ребер, но даже они болят. Бежать до боли, со слезами на глазах, с хрипотой в горле, с недостатком воздуха в легких. Бежать с болью в костях, бежать с кровью на ногах. Бежать, даже если ты слышишь приближение врага, даже если ты слышишь его рык у уха и его дыхание. Бежать ради жизни, ради себя. Думать о лучшем, о солнце, что ты еще обязательно увидишь, о воздухе, о сладком запахе цветов, что ты еще не раз вдохнешь, о траве, на которой ты не раз посидишь. Думать о том, как быстрее бежать, думать о своих родных и о своей жизни, что пролетает вот тут, прямо сейчас на твоих глазах, и ты бежишь, бежишь за ней, но догонишь ли ты ее?

До школы оставалось так много, так долго еще бежать... Огибать каждый куст, каждое дерево, и тем самым откликаясь на воющие боли во всем теле. Труднее стало бежать только тогда, когда понимаешь, что ты уже бежишь около полу часа со скоростью, которой могут позавидовать даже самые крутые байки и машины, со скоростью выживания. Но невозможно бежать стало тогда, когда туман спустился ниже, и под ноги смотреть было не возможно. Дождь усилился и стал настырно падать на меня, хотя, я не сильно и промокла, я бежала как те волки, которые нагоняли меня в метрах трех, а может и в метре от меня. Страшно ли мне? В первые десять минут бега, было страшно, в остальные двадцать — нетерпимо. Стало уже невозможно терпеть то, что происходило с моими легкими и с моим телом вообще. Но тут, в миг, я почувствовала толчок, и протяженный вой. "Догнали" подумала я, и погрузилась в кромешную темноту.

* * * * *

Мне с трудом удалось открыть глаза, свет ударил по ним и я прикрыла их рукой. Неужели это мой конец? Неужто я умерла? Я привыкала к свету минуты три, и увидела помещение, в светло-белых тонах, таких как в больницах... Значит я не умерла, я в больнице. Осмотрев все свое тело, тогда успокоилась — все на месте и слава Богу. Я соскочила с кровати и вмиг потемнело в глазах, а мое тело повалило к полу, но не успев упасть, меня схватили чьи-то руки и уложили обратно на больничную койку, прикрыв меня больничным покрывалом, которое пахло хлоркой и разными препаратами. Прейдя в сознание я увидела Лису, Люциана и директрису Мак'Ллар.

— Аматис, как ты себя чувствуешь? — ласковым тоном спросила Мариса.

— Кхм... Я в норме, спасибо. — на самом деле голова болела, в теле была не очень приятная слабость, а в легких все еще не хватало воздуха. — Я..

— Да врет она! — крикнула Лиса, что сидела рядом со мной. — Ничего не нормально и никто не в норме, тебя чуть не укололи, а ты тут в норме!? — рычала она.

— На вот, посмотри, чем обернулась твоя глупая прогулка! Скажи спасибо Грегорну, что живая хоть осталась! — она протянула мне зеркало. Я мимолетно посмотрев на парня взглянула в зеркало, на свое отражение. На шее, с правой стороны красовался хороший след от когтей, который распорол мне кожу.

— Я ничего не почувствовала...

— Конечно ты ничего не почувствовала, в тебе сейчас обезбаливающее говорит,

подождем пока его действие пройдет, потом ты по-другому запоешь.

— Мисс Ноллеглей, что за жестокие нотки в вашем голосе? Успокойтесь.

Лиса присела обратно на кресло возле кровати и взяла меня за руку, сжала ее крепко, так крепко, что казалось она переломает всю пятерню. На ее глаза навернулись слезы, но она не дала не одной скатиться с ее глаз.

— Они отгрызли головы Нила и Эшли у меня на глазах... А затем, отправились в сторону леса, и знаешь, как я запаниковала, когда поняла — ты там, и они чувствуют человеческое сердцебиение на весь чертов лес, у человека оно больше, а значит сильнее бьется... — прошептала она мне на ухо. И прижалась ко мне, запустив руки мне в волосы.

— Прости меня, Лис, я не знала.

— Не могла знать — она покачала головой. — Никто не мог. Я хотела побежать за тобой, и побежала, но Люциан оказался быстрее, и он побежал за тобой сам.

— Как он узнал?

— Трудно было не узнать, когда она билась в истерике, с криками, что там ее драгоценная Агатис. — с презрением сказал Люциан, но я пыталась не подавать обиды. Видимо, тот разговор про "свою расу" он принял в штыки, здорово. Лиса тоже не заметила его тон и продолжила:

— Вас не было час, я уже хотела бежать за вами обоими, но потом, я увидела, как ты, с окровавленной шеей на руках Люциана, без сознания, а то и не дышала...

— Хорошо, что все обошлось. — выставила вперед руки директриса.

— Спасибо. — я обратилась к Люциану.

— Считай, что это "спасибо" тебе за танец — равнодушно ответил он, и было пошел к выходу.

— Я кое-что помню, — начала я, и он резко остановился. — Помню его глаза — глаза жоака. Они были красные, словно налитые кровью. Они были такими злыми, что возможно кровь бы застыла в жилах, но я не обратила внимание на его взгляд, я обратила внимание только на головы Эшли и Нила. А их глазах, не было ужаса, только улыбки.

— Достаточно. — заключила Мариса. — Я позвоню твоим родителям.

— Нет! Не стоит, они в отъезде, да и не смогут приехать быстрее чем после завтра. Лучше не говорите им, иначе, мне придется покинуть школу.

— Хорошо, но завтра около...

— Я заберу ее. — закончила Лиса перебив директора.

— Раз так, тогда отдыхай Агатис, поправляйся, до понедельника.

Она вышла с моей палаты вместе с Люцианом, а меня начало клонить в сон.

— Лис, — я взяла ее за руку. — Пообещай последить за Питчем, хорошо? Он без меня никак.

— Хорошо, ты главное отдыхай.

Я заметила, что на меня была накинута куртка Люциана, тогда я сказала:

— Подожди секунду. — я встала с кровати и вышла за дверь, Люциан флиртовал с одной из медсестер, прямо у меня под дверью, вот кабель!

— Вот. — я перебила его, протянув тем самым куртку. — Спасибо. За просто так.

Отвернувшись, я зашла в палату и еще раз взяв обещание с Лисы за Питча уснула.

* * * * *

Она шла по тихому холодному и казалось, бездонному озеру. По его гладкой поверхности. Она шла, и не проваливалась под воду, а ноги ее не промокали, лишь легкое и

мягкое касание воды щекотал ее ступни. Круги расходились от ее поступи, которая была легче ветра и воздуха, тише вздымание крыльев колибри. Вокруг озера был лишь тихий, как оно само- густой лес. Зачем она здесь? Что от нее хотят? Она взглянула на свое отражение припав на колени, касаясь руками поверхности, гладкое — как стекло. Белое платье, до коленей, распущенны волосы, имели ее настоящий цвет. А глаза были не ее, не те, которые были мрачнее серой тучи, они были такими же черными как и Люциана, а рана, нанесенная волком кровоточила, оставляя кровавые дорожки по шее и платью. Тут, она заметила некое движение где-то поодаль от нее, на самой середине. И она вновь сорвалась с места. Кто ее сюда привел? И кем был тот силуэт, что приближался, все ближе и ближе...

— Нет! — ее крик был на столь сильным, что те птицы, что сидели на деревьях улетели прочь, а земля задрожала. Только не он, не он... Не человек...

Перед ней престал Люциан, но тот, что не был человеком. Глаза его были черными и лишь радужка глаз отделяла красным цветом белок от зрачков. словно это кровь, на черных, как смерть углях. Позади, за спиной; у него были крылья, которые от верхушки были черными, а ближе к середине делали переход в серые. Они словно были жизнью, что уходила в вечную тьму. Широкие и огромные крылья, поражавшие все живое, завораживающее все человечество, завораживающие и пугающие Ааматис. "Ангел" подумала девушка. " Но у ангелов нет дьявольских глаз". Его торс был оголен, а штаны, что были на нем и легко сидели были под цвет платья Ааматис.

— Стой на месте, не уходи... — он говорил ласково, трепетно, словно он говорил с ребенком.

— Уходи, слышишь, уходи! — она закричала и стала бежать, но он догнал ее и повалил на-воду, затем поднял и прижал к себе. Ааматис стала дубасить по нему и кричать.

— Отпусти меня! Отойти! Отпусти!

— Послушай же ты меня, я не трону тебя! — рыкнул он.

— Нет — Ааматис замотала головой и костяшки пальцев ее бились с такой силой, что костяшки растирало до крови.

— Хватит! Остановись причинять себе боль, выслушай меня! — он отодвинул ее от себя, но не отпускал. Она все еще бешено дышала и билась в агонии. Руки болели, шея тоже. Он прикоснулся до шеи, и боль стихла, затем, он повторил с руками, даже при должном сопротивлении девушки он унял боль, Тогда она взглянула на руки и ничего не обнаружила.

— Нет! Так не должно быть. Да провались оно все!

Ааматис ударила в воду рукой, вновь порезав ее, как слышался треск битого стекла и она погрузилась в воду.

* * * * *

Я проснулась в слезах и с болью в руке. Я была все там же, в своей палате, не стерпев ту боль на руках, я взглянула на руку и ахнула. Там был порез, словно от стекла, тогда я встала с кровати и подбежала к зеркалу и окончательно потерялась с рассудком, отметин от когтей и след исчез.

— Проснулась уже? Эй, Матс, ты чего.... - я обернулась на нее с ужасом на глазах и дрожащими руками.

— Похоже, настал тот час, когда ты сочтешь мой рассказ на сумасшествие, но тебе стоит его выслушать.

Я выложила меньше чем за час все то, что происходило со мной с того момента, когда впервые напали на мою собаку, а Лис ничего не говорила, слушала и очень внимательно.

— Слушай, мы выясним, что за моральный подонок это делает, и я более чем уверена, что зажившая рана от препаратов, черт знает эту больничную технологию двадцать первого века, может они вообще из цветов человека делают.

— Да... Наверное ты права, спасибо тебе.

— Все, я забираю тебя домой, ибо ты тут сума сойдешь, не дай бог еще в окно сиганешь, а четвертый этаж, знаешь, это тебе не первый, шмяк, и все.

Прошло два дня с того момента как я поговорила с Лисой и как я оказалась в больнице. Выходные мы провели с ней за телевизором и просмотрами боевиков и за пачками попкорна. Так же мы возили Питча к ветеринарам, они сняли ему швы, наложенные мною и прописали заживающие мази, теперь, он может сам ходить, есть и пить, теперь, Питч это Питч.

Сегодня в школу, я позволила надеть себе вязанное платье, светло-бежевого цвета до колен, а к нему надела самые толстые черные колготки и полу-сапоги на каблуке. На губы я нанесла свою любимую помаду, а волосы выпрямила и оставила их спадать по бокам. Захватив кофе, ключи и свой рюкзак я села в машину и поехала в школу. Там меня уже ждала моя подруга Лиса, которая очень и очень бурно отреагировала на мой приезд.

— Господи, живая... Я уж думала не доедешь. — она прыгала на месте, что бы согреться.

— Если на улице дождь, это не значит, что я куда-то да и попаду.

— Значит, да не означает. — я закатила глаза.

— Ладно, пойдем, у нас сейчас с тобой Английский, миссис Шейдли что-то хочет кое-что объявить. Наверное, на счет похорон Эшли и Нила.

— А когда они? — я отпила кофе.

— Сегодня.

— Да? Жаль... что я их не знала.

— Знаешь, я тоже, а стоило бы...

* * * * *

Девушки вошли в класс и присели на свои новые места, теперь они сидят друг с другом. Старший класс разместился в одном углу, а класс Матс ближе к классному руководителю. Вообще, не было большинство парней и девушек, как с класса Матс, так и с класса Люциана.

Эшли была рыжеволосой зеленоглазкой. Она носила брекеты и всегда стильно одевалась и также стильно красилась. Она была привлекательной и милой девушкой. С Лисой они дружили еще с давних времени уж не вспомнить с каких и при каких обстоятельствах они встретились. Жаль их обоих, Нила, Эшли... Они ушли совсем молодыми и так неудачно оказались там, а может судьба? Но если Лиса узнает, что за судьба послала им такую кару, то сожжет эту "судьбу" живьем, у всех на глазах... (Возможно, сейчас вы не поймете, что пишет автор этой книги, но вскоре все станет все на свои места).

Сейчас, у Лисы была новая и есть новая подруга — Аматис. С этой девочкой она познакомилась в школьном коридоре после Английского у миссис Шейдли. Аматис была опрятной, собранной, но немного пугливой, словно мышка. Тогда еще она обратила внимание на цепочку Аматис, ей вспомнилось придание в тех книгах, что она читает. Это придание было об призыва Люциана, первого сына дьявола. Что бы его призвать требовалась частичка души того, кто свергнул его в ад, а в ад его свергнул Михаил. Ему было тяжело это делать, он любил как и Люцифера, так и Люциана, вот так отец и сын предали любовь архангела. В кулоне заключена сама душа Михаила. Но, посметь такое предположить

равносильно сумасшествию.

В последнее время, Аматис ходила как живой труп, но после того как она рассказала причину, Лиса пообещала всеми способами себе и ей защищать ее, так оно и будет. Девушку всегда восхищала манера речи Аматис, ее сдержанные фразы. Они были всегда с расстановкой, правильным ударением и говорила она всегда не спеша, спокойно. Но эти два дня она заикалась, быстро говорила и часто путала слова.

После того, как все пережили смерть Эшли и Нила, а так же нападения на Аматис, вся школа начала шептаться про то, что делала Люциан с ней там, в лесу, но хвала небесам, что никто этого не заметил. А именно не заметил Люциан и сама Лиса. Лиса всегда замечала за ней какой-то взгляд в его сторону, но взгляд этот был с долей восхищения, но почему она не могла просто запомнить, что связываться с ним это плохо, даже если он и спас ей жизнь, даже если он бы изобрел лекарство от смерти, возможно это лекарство оказалось бы ядом. Он всегда был темной лошадкой на фоне остальных, и всегда отличался странными словечками, словно он не той расы, что мы, словно он другой и пытается сделать другой Аматис. Но как жаль, что она слушает только свой разум, который ведет ее к самоубийству

— Во сколько похороны, Лис? — Аматис заставила выйти из рассуждения Лису.

— В семь, пойдешь?

— Да, не хочу отпускать тебя туда одну.

Лиса мысленно улыбнулась.

— Я буду там нее одна, придет вся школа.

— Это равносильно тому, что одна.

В класс зашел Люциан и она застыла. Аматис замолкла и мимолетным взглядом посмотрела на него, затем отвернулась и посмотрела на Лису.

— Что у вас с ним? — этот вопрос застал ее врасплох.

— Что? В смысле ничего не было, с чего ты взяла?

— Что же ты скрываешь от меня, Аматис?

* * * * *

Почувствовав некий холодок по коже, я скользнула глазами по входу и наткнулась на глаза Люциана. Он смотрел на мою порезанную руку, которую я вскоре очень быстро спрятала под парту. Я отвела взгляд.

— Садимся по местам! — вскрикнула миссис Шейдли.

— Все конечно же знают про инцидент который произошел в прошлую пятницу, трудно такое утаить...

Иронично, что убийство волками и покушение на территории этой школы, да и вообще Придждпорта посчитали инцидентом. Может это для них обыденно?

— Убили командира нашей школы по лакроссу. Нашего друга, брата, парня и просто хорошего человека, а вы называете это инцидентом?! — вырвалось у Лисы.

— А Эшли, она тоже считается инцидентом, а может несчастным случаем?

— Мисс Ноллеглей, Нил Джорджелайнд и Эшли Пилл скорбит вся школа и Придждпорт так что я прошу уgomонить свой пыл.

— Но вы мне так и не ответили, почему вы считаете, что это инцидент?

Желваки на лбу у Лисы играли чихарду, в глазах горели яростные костры. Еще минута и она разорвет миссис Шейдли. Но самое главное то, что только они понимали сейчас суть данного разговора, словно, кроме них тут никого нет.

— Да потому что это было непредугаданное нападение! — так же крикнула на нее

миссис Шейдли.

— Сядь Лиса, живо! — Лиса плюхнулась на стул и закрыла лицо руками, дабы не закричать вновь.

— Лис...

— Не трогай меня. — прорычала она.

— Сегодня, на Постр-ривер соберется вся школа и все те, кто знал Нила и Эшли. Все придут проводить наших учеников. Мы пройдем путь главного кладбища города и простимся с ними там где покоятся мирные жители.

Ее голос охрип и поэтому был холоден, все же было видно, что она едва сдерживала слезы пред своими учениками, что бы не показать свою слабость, что бы не показать, что она сломалась тут и прямо сейчас.

* * * * *

На Постр-ривер стояла толпа темных, как сама ночь и смерть людей. Свысока птичьего полета можно было бы сказать, что это крошечные насекомые, но как только увидишь гробы с самого начала, понимаешь, это они — ведут к покою души умерших. Над Приджпортом опустился туман и лил дождь. Открыв черный зонтик Лиса и Амагис шли впереди всех. Подле учителей и директрисы школы. Кто бы мог подумать, что в этот день случится подобное, что в ту пятницу случится подобное, что в жизни случится подобное... Кто бы мог представить, что все, что сейчас случилось, последует та история, которая изменит и Лису и Амагис и всех тех, кто в них влюблен всем сердцем и всей душой. Кто привязан к ним с рождения и кто оберегает их, как только можно, от смерти, но юнцы еще не понимают как дорога жизнь сейчас, и тогда. Тогда они нужны этому городу и этим людям. Людям нужны люди, а некоторым даже и охранник-ангел. Между землей и небом душа таится тех, кто все еще прикован своим прошлым и поступком и вознести ее к раю или аду будет тяжелее чем просто умереть. Кто знает, за какие грехи отплатили эти ребята, какие тайны таили, сколько у них было скелетов шкафу, ни дать ни взять, теперь никто не узнает, что именно скрывали они всю свою жизнь и какие тайны несли у себя за плечами и у себя в голове.

Церемония похорон длилась около часа, все оплакивали, скорбили, а Лис, как каменное сердце стояла молча и смотрела на гробы своих друзей. Тела были обезглавленными и синими, жуть, но мурашки по коже не ходили.

— Как ты думаешь, — прошептала Лиса — Это больно, умирать?

— Знаешь, я читала, что во время того как душа покидает плоть, человек обретает покой, смерть освобождает его от тех проблем, что доставляла ему жизнь.

— Так значит, Эшли и Нил освободились.

— Нет, их смерть — их наказание.

— За что? — Лиса ошеломленно взглянул мне в глаза

— За то, что этими проблемами и были они.

Глава 5 "Тайна потерянных небес"

Когда в жизни наступают некие проблемы и трудности, мы их называем двумя очень знакомыми всем словами "черная полоса". Так говоря взрослые, а за ними повторяют дети не задумываясь, а почему полоса черная? Бывает ведь и белая, также само как добро побеждает зло — но не всегда. За все грехи и тайны, что мы скрывали приходилось платить, а когда приходит день расплаты, мы говорим: "Ну вот и в моей жизни настала черная полоса". Когда солнце уходит за горизонт и наступает ночь, миллионы людей начинают задумываться над тем, что их тайны раскроются, что они бы отдали все, что бы вернуть время назад, при этом понимая, что время повернуть назад просто невозможно. Как же теперь жить? Очень просто, просто идти вперед к белой полосе, но многие путают эту белую полосу с везением. Возможно от того, что она бывает слишком быстро пролетает мимо. Но нет, нужно как можно быстрее ухватить ее за рога и сказать: "Ну уж нет дружище, я так долго тебя ждал, и ты просто не можешь уже уйти от меня, будь же со мной, я достоин хоть немного счастья". И она остается. С тобой. Навсегда.

Прошел уже первый день с того момента, как почти весь Приджпорт простился с необыкновенно красиво парой и лучшими друзьями. Было много тех, кого я не знала. Самые странные были в черном облачении, знаете, как люди в черном? Вот так и они. С траурными лицами, и не выражающих никаких чувств на лице молча стояли в сторонке, поглядывая на всех пришедших проститься с подростками.

Вчера же мне предложил мистер Локки присоединится в его компанию учеников, которые отстаивают исторические права деятелей, как позже мне удалось узнать на место Эшли.

— Мистер Локки, при всем уважении к вам и вашему труду над этими делами, я не уверена, что хочу пока пойти на место Эшли. Тем более вас поймут не так, да и меня возненавидят из-за того, что я заняла место Эшли.

— Ну, заняла это громко сказано, тем более, она сама-то недавно пришла сюда, месяц назад, вообще много учеников, да и учителей пришли совсем недавно, хотя зачем это тебе... Ты подумай над моим предложением, хорошо?

— Хорошо мистер Локки. — так мы и разошлись на этом вопросе.

Тяжелые времена настали для всех, кто знал этих ребят, в основном для Лисы. Уже второй день подряд, я забираю ее пьяную в доски, да нет, в щепки и везу ее домой, к миссис Ноллеглай. За все эти два дня, я хорошо с ней сблизилась, и поэтому, я получаю от нее эсэмэс в три часа утра о просьбе забрать эту клушу с очередного бара и отвезти ее домой. Отца у нее не было, а мать, не могла, по некой причине... В общем о них мне было не известно, я просто забирала Лису и везла домой. Конечно, объезжать все непристойные и пристойные клубы Приджпотр было как минимум муторно, и максимально убийственно для нервов. Оказалось, что в этом примитивном городишке намного больше баров и стриптиз-клубов, чем магазинов... От моих родителей не слуху ни духу. Они забыли про меня в конец. Сколько уже прошло с того момента, как они уехали и не звонили мне. Даже мама...

Вторую ночь подряд, я питаю свой организм тремя кружками кофе, уже без сахара и молока, просто залпом выпиваю стакан и иду за следующим, и все это вместо сладкого и хорошего сна в моей теплой кровати. А так, мне приходилось довольствоваться только этим и еще Питчем, что шел окончательно на поправку, а рана его почти заросла шерстью.

Вот и сейчас, я жду звонка от мамы Лисы, что бы удостовериться, что наша ночная бродяга готова к поездке домой.

— Алло, Амагис, прости, что звоню в столь поздний час. Не спишь? — я взглянула на часы; пол третьего ночи. "Нет, что вы, я развлекаюсь, у меня тут твистер и много-много планов, но только не сон" — подумала я, но вместо этого лишь протерла переносицу и ответила:

— Да все нормально мисс Ноллеглей. Где на этот раз наша блудная дочь?

— Липс-авеню, рядом с 16 домом, там есть небольшой бар, название точно не помню, вроде "Наездники". Прошу, заведи ее. Надеюсь я тебя не слишком утруждаю? — ее голос звучал так, словно она молила меня, и сказать что-то такое, что могло бы ее расстроить, было как минимум, непристойно.

— Нет, скоро будем, ждите. — я скинул трубку, взяла ключи от машины, там впрочем были и все остальные ключи. Сунула телефон в карман и поехала на встречу с той, кому обязательно сегодня влетит от меня.

Искать ее долго не пришлось; она была именно там, где и сказала ее мать. В баре было накурено сигарами и прочей пагубной дрянью. На этот раз хоть не мужской стриптиз-бар. Лису я нашла мгновенно и удивилась ее виду: волосы спутаны, платье наполовину разорвано, подтекшая тушь и помада ярко-розового цвета. От нее жутко пахло ромом и текилой.

— Ну все, страна алкоголиков, вставай, нужно идти домой.

— Я. Никудашеньки не пойду, дорогая. У меня траур, да да. Возможно ты не знала, но — она прижалась к моему уху губами. Ее дыхание обжигало мое кожу. — Моих друзей сгрызли придворные псы, а ты что? Ты ду-ре-ха! Ха-ха!

— Так, с меня достаточно. Возможно у тебя убили друзей, да. Но это не дает тебе повода набираться в дрова, а потом, ждать, пока как ни в чем не бывало тебя забирали и везли домой в тепленькую и уютненькую кровать. У других тоже есть желание выспаться, есть желание просто отдохнуть. А ты подумала о их близких, друзей, родителей в конце-то концов, а? Каково им сейчас, знать, что головы их детей сожрали волки, а может они гниют где-то там, в лесу. Но нету возможности пойти туда, потому что их могут также убить. Правильно Лис, ты не думала об этом, ты чистая эгоистка!

— А ты нет? Ты разве правильная? Ты такая же как и я, все делаешь по своему и не ожидаешь никаких последствий. Это ты виновата в их смерти, а знаешь почему? Потому что ты считаешь, что весь мир крутится вокруг тебя, а знаешь что самое смешное? Что так оно и есть.

— Что ты несешь? У тебя уже белая горячка началась, неужто уже белочку словила, а? Печень — она — то восстанавливается, но отношения, после твоих обвинений, которые тут вообще не уместны — нет.

— Ой, да не страшно, новую найду, ты не одна такая.

Слова ее меня просто ранили в самую глубь. Считай, что единственная твоя подруга, которая была для тебя примером, фактически сейчас, перед тобой говорит тебе в лицо — ты никто. Да, скорее всего она не вспомнит об этом завтра, а может и не вспомнит вообще, да, возможно она просто пьяна, но когда люди под воздействием алкоголя, то большую часть они говорят правду, а я более чем уверена, что так оно сейчас и было, потому что, это похоже на правду. Я не заметила, как меня кто-то толкнул в плечо и тогда я пришла в себя.

— ...тоже тут. — передо мной стоял Джим.

— А, что?

— Привет говорю, чего стоим? Решила отдохнуть?

— Нет. Приехала забрать Лису.

— Да? — он улыбнулся. — Я тоже, меня... Меня попросили.

— И кто же?

— А... Лиса! — он проигнорировал мой вопрос и обратился к Лисе, что-то тут не так.

— Чего это с такой тухлым лицом сидим? — Джим спросил Лису.

— Оно у меня с рождения такое, Джим.

— Почему с Матс не поговоришь? Ну или со мной. Мы все друзья как-ни как.

— А? — она вновь развернулась ко мне. — Она еще тут? Я думала плакать побежала.

Меня ведь так тронула твоя история про то, что у тебя никогда не было парня, про то, как ты была изгоем в Нью-Джерси. Да оно и не удивительно, будь я парнем, никогда бы тебя не трахнула бы!

На меня напала ярость и в душе залег глубокий осадок. Я выхватила стакан с напитком у нее в руке и кинула его в стену, рядом с ее головой. Ее глаза округлились, а мои пришли в бешенство.

— Никогда, слышишь? Больше никогда, не подходи ко мне, я не желаю слушать тебя, твои слова сплошной яд. И еще — мы все чьи-то чувства, а ты просто выстрелила в них и убила.

Я вылетела с бара, с яростью и слезами на глазах. На Придждпорт вновь спустился туман. буквально запрыгнув в машину, я рванула вперед, и на скорости двести километров в час выехала с Липс-авеню.

Доехала я до дома в часа четыре утра. Я завела машину в гараж и вышла, что бы закрыть. Затем, я достала телефон с кармана и набрала номер мисс Ноллеглей. Она не отвечала, поэтому я написала ей эсэмэс со словами прощения о том, что не смогла привезти Лису домой. Но каково было мое удивление, когда я увидела у моего крыльца Люциана. Видимо, он зашел тогда, когда я въезжала на свой участок. Я выдохнула, стерла слезы с глаз и пошла к нему на встречу.

— Ну и ну, вот так встреча. Мимо наверное проходил и решил заскочить? В четыре часа утра-то, не рановато-ли для визитов?

— И тебе привет, просто хотел убедиться в том, что с тобой все в порядке.

— В четыре часа утра? — я вновь повторила свой вопрос. — Неужели ты так волновался, что тебе не спалось?

— Я слышал, ты уже второй день подряд мотаешься за своей подругой в бары. Там бывает опасно, маленьким девочкам стоит опасаться таких неприличных заведений.

— Ага, зато такие встречи и неизвестно откуда про меня такие новости, это просто прелестно. Откуда знаешь? Джим рассказал?

— Джим? И он был там? — теперь я вообще ничего не понимаю. Да что ту вообще происходит.

— Выкладывай, зачем пришел?

— Я же сказал..

— Не верю я в твои кошачьи заливания про то, что ты волнуешься за меня, чего приперся?

— Эй, Родсвилд, полегче.

— Раз так, тогда пока. Я ужасно устала. И да, за Лисой я больше не бегаю, да и не

бегала. Собственно, и не собираюсь. — я собралась пройти мимо него, как он схватил меня за запястье и резко развернул меня к себе. Я практически уперлась ему в грудь, но воздержалась такого "искушения" потрогать его.

— Мистер Грегорин, прошу вас отпустит мою руку, иначе...

— Иначе что? Вызовешь полицию? Или закричишь? Ну так давай.

— Что тебе? — он отпустил меня и я стала слушать.

— Уезжай с Придждпорта, тут для тебя не безопасно, уезжай обратно, к себе, там тебе будет намного лучше.

— И вот ты опять утверждаешь то, во что хочешь, а главное веришь сам. Я не уеду отсюда, никогда, иди к себе, проспись. Такое ощущение, что вы все сегодня белую горячку словили...

— Кто это мы?... Да впрочем, знаешь, не важно. Просто, послушай меня хоть раз — уезжай.

— Читай по губам: НИ-КО-ГДА. Спокойной ночи.

— Да ну почему ты такая упрямая!

— Да потому, — я развернулась на последок, — что если человек никто и ни что, то ему приходится самому принимать решения, и никто ему в этом помогать не будет. Ну так вот, я приняла свое.

На последок я взглянула в его темные глаза и зашла в дом, прихлопнув дверь.

Сегодня я решила поразмышлять над тем, как мне быть дальше и как поступить со всем тем, что произошло сегодня ночью. С начала организму нужно было дать его обещанный мною сон, но видимо сон никому ничего не обещал. Кофе? Нет, скоро я умру от передозировки кофеина во всем моем организме. Такое ощущение, словно я сотую из него одного, а воды во мне и в помине нет. Внезапно, в гостиной прозвенел звонок, Питч словно почуяв что-то неладное начал лаять, рвать когтями дверь и скалиться. Раньше с ним такого не было.

— Питч, чш! Хватит, иначе придется объяснять родителям, почему ты содрал половину двери. А я не очень-то хочу. — он замолк.

Я посмотрела в дверной глазок и никого не увидела. Открыв дверь, что бы убедиться я наткнулась на письмо. Снова. Белый конверт и отпечаток собачьей лапы. Я захлопнула дверь и дрожащими руками раскрыла конверт:

"Прекрасная Мэри, ты так на нее похожа, так юна и глупа. Как тебе твоя жизнь? Веселая надеюсь? Ты как-то сказала, что мы все чьи-то чувства, ну так вот, я чувствую к тебе необычайный интерес, особенно, когда ты стоишь и читаешь, а я наблюдаю за этим всем и мысленно раздеваю тебя. Но ты не переживай, веселье еще впереди.

P.S: Твоя личная тайна потерянных небес."

Раздался звонок в телефон и я вздрогнула от неожиданности. Я взяла, это была мама.

— Алло! Солнышко, как ты? — "да так, знаешь, меня тут хотят убить и бог знает что еще, а так все просто замечательно".

— Чего тебе? — лишь грубо ответила я.

— Милая... Что то случилось?

— Ты не звонила мне уже так много... И не считать, а сейчас вдруг решила вспомнить что у тебя дочь?

— Мы не могли с папой позволить себе позвонить мы заняты, ты уверена, что у тебя ничего не случилось?

— Да мама, случилось! Случилось то, что вы заняты всю мою жизнь. Случилось то, что вы фактически не участвуете в ней. Случилось то, что ваша дочь уже выросла, а вы этого не заметили. — я и не заметила как вновь заплакала.

— Вы вечно в работе. Вечность — оно ведь не долго мам. На самом деле она очень и очень короткая эта вечность, и знаешь что? В этой вечности никогда не было вас. Вы полностью отдали свою любовь, заботу, счастье работе. Передавайте Белее и ее котам привет. — я повесила трубку, ведь не впервые так просто и легко кидать трубки, тяжело потом, когда за долю секунды понимаешь, что сделала необратимое действие.

В голове все смешалось, все что произошло за считанные доли секунд и минут. письмо, мама, папа, Лиса, Люциан. Все против меня, все, что я считала добрым и искренним обрели другую сторону себя.

* * * * *

Аматис собирала вещи для того, что бы вновь вернуться в Нью-Джерси. Пускай там не сладко живется, но по крайней мере спокойно. Она собрала вещи Питча, свои, взяла оставшиеся деньги и кинула в портфельчик. Машину она решила взять себе, у родителей есть еще одна, тем более, по праву, она и так принадлежит ей. Вещи уже были погружены в багаж, Питч сидел сзади, но тут Аматис остановил звонкий голос Лис.

— Матс! Стой. — ну уж нет, она не собиралась останавливаться, мотор уже заведен, оставалось только сесть и поехать.

— Куда это ты собралась?

— Тебе-то какое дело до этого? Я думала ты уже нашла мне замену.

— Чего-чего? Аматис, ты что с крыши упала? Дай-ка голову посмотрю. — она потянулась к Матс, но та жестом остановила ее движение.

— Ты чего?

— Это я чего? Неужели не помнишь, что вчера мне сказала?

— Аматис... Я помню... Прости, я..

— И после этого, ты просто так приходишь и заводишь со мной разговор двух лучших подруг?

— Но мы ведь подруги, нет? — с осторожностью спросила она.

— Уже нет.

— Послушай, я понимаю, что все что я там сказала не приятно, и ты наверное думаешь, что это все правда, но поверь мне, это не так. Я не вру и сейчас. Мне на самом деле тяжело. Тяжело не только из-за Эшли и Нила, тяжело за то, что сейчас происходит у меня в семье. Мне сложно это объяснить, ты уж прости и пока я не могу сказать, это слишком личное, но ты должна знать одно, что я считаю тебя самой доброй и позитивной девушкой которую я когда-либо встречала, если я вообще таких встречала... Не сдавайся, останься со мной, прости меня, я знаю, ты сильнее всего этого, ты сильнее меня, прошу, я без тебя не смогу, я без тебя развалюсь...

Аматис стояла и думала, так сильно, она еще никогда не хотела никого обнять. Возможно, сегодня в баре она погорячилась, но сейчас она видит в глазах этой девушке раскаянье и она ее крепко и крепко обняла. Затем, она рассказала Лисе о том, что с ней произошло, о том, что и кто приходил к ней и какое письмо ей писали. Про разговор с мамой, про какие ужасные вещи она ей наговорила, а самое ужасно, что за это ей не стыдно и ни сколько не жалко.

— Не переживай, у тебя есть я, а у нас есть ты. Так что мы справимся. А с твоей мамой

я поговорю.

— Но как?

— Поверь мне, я смогу.

* * * * *

В Проджпорте наступил октябрь, а это значит, что после осени придет зима. По-сути весна, осень, да и лето весьма необыкновенные и по-своему прекрасные времена года, но Аматис считала что лучшее то, где есть дождь и туман. После дождя так свежо пахнет, да и не что не сравнится с запахом дождя и грозы. В этом районе США дожди лили почти каждый день, вот только первый день зимы всегда стоит солнечным и ясным. Родители с Аматис наконец помирились, и сейчас, они проводят больше времени дома, с дочерью и Питчем, который очень рад их видеть.

Там где стоит обычно школа Архангела как и всегда собрался народ, говорил о чем-то своем, о чем-то далеком... Там сейчас и стоит Лиса, которая ждет вот-вот приехавшую Аматис. Как только девушка вышла с машины Лиса напрыгнула на нее с объятьями.

— Угадай, кто наконец показал свою задницу в стенах школы, так еще и не один, а со своим другом.

Лиса говорила про Люциана, что действительно не подавал признаков жизни в течении всего этого месяца. Что и куда он пропал никто не знал, да и Аматис уже как-то забыла про это. Последняя их встреча была не очень приятной им обоим.

— Ну и что? — девушка пожалала плечами. — Пускай.

— Тебе действительно не интересно где он был?

— Нет.

— Ни капельки?

— Ага.

— Скукота! Слышишь меня!? В тебе одна ску-у-у-у-укота — пропела она и плюхнулась на стол, а вслед за ней и девушка.

— Как ты думаешь, он гей? — она смотрела на Люциана и того парня со спины. Выглядел он почти так же как и Люциан, только телосложением и ростом. А вот волосы его были светлые, блондинистые, на солнце они выглядели как нимб и в глазах уже рябило. На правой руке шрам, а вот когда он развернулся, она рассмотрела его голубые глаза были направлены на нее. Большую часть вечеринок, Эрик проводил за городом в лесном, так скажем коттедже.

— С чего ты взяла?

— Ты видела его идеальную походку?

— У тебя тоже идеальная походка, но ты же не...

— Аматис! — она сделала паузу. — Погляди-ка, идут сюда. — она опешила и посмотрела на девушку.

— Добрый день милые дамы, я тут новенький, вот знакомлюсь со всеми. Этой мой приятель Люциан Грегорин. — тот закатил глаза. Блондин посмотрел на Матс.

— Он рассказывал про вас, особенно, про тебя.

— Да? — Аматис с удивлением посмотрела на Люциана. Его глаза как всегда ничего не выражали, только были темнее чем обычно.

— Лиса Ноллеглей и Аматис Родсвилд. Если вдруг не знаешь наших имен. — неприятно представилась Лиса, словно показывая средний палец врагу.

— Как тебя зовут? — спросила Лиса, хотя во взгляде ее была ненависть. Парень

улыбнулся.

— Джордан... Джордан Вилвос.

— Так ты британец? — спросила Лиса.

— Во мне есть британские корни, а еще французские, мой детд...

— Джордан, — наконец подал голос Люциан.

— Нам пора.

— А жаль... Хотя, вы придете на вечеринку к Эрику?

Эрик Грей часто устраивал у себя дома вечеринки, и с одной даже приходилось забирать Лису, там она с ним и познакомилась, дурной нрав у этого паренька, но сердце его доброе, так считала Аматис. Не долго думая Матс ответила:

— Да, Эрик нас уже приглашал, думаю, — она взглянула на Лису, что не сводила не добрый взгляд. — скорее всего пойдём, да, Лис? — девушка взглянула на Лису.

— Непременно. — с натянутой улыбкой, она повернулась к блондину.

— Ну тогда до вечера. — попрощался Джордан.

Подождав пока они уйдут, Аматис спросила свою подругу:

— Ну и какая муха тебя укусила?

— О чем это ты?

— О чем это я? Ты ведь его чуть взглядом не испепелила.

Минута молчания, а затем Лиса повернулась к Аматис с улыбкой, все той же натянутой, что и была минуты три назад:

— Не выдумывай, тебе просто показалось.

Глава 6 "Дьявол поплатился"

Сегодня обычный день обычных учеников, которые отсидели все уроки и едут за покупками в магазин, потому что вся молодежь Придждпорта собирается навечеринук Эрику Грей. Мы с Лисой особо и не отличались от всех этих подростков и тоже поехали в магазин. Лисе показалось, что той одежды, которая у неё и у меня в гардеробе не достаточно. "Сегодня, дорогуша, мы будем блистать!" — так сказала мне Лиса, как бы мы не сгорели от этого сияния...

— Да мам... Ты все знаешь, я буду на вечеринке у Эрика, а потом останусь у Лисы, а мисс Ноллеглей уехала по работе. — я отчитывалась всю дорогу, пока мы ехали в ближайший супермаркет. Я уже жалела, что родители так часто проводят время дома.

— Может, все-таки останешься дома, мне, да и папе так будет спокойнее. — настаивала мама.

— Мама, ну сколько раз повторять: со мной ничего не случится, я уже взрослая, ну. — мама выдохнула.

— Ну хорошо, но! Пообещай, что будешь звонить мне каждые пол часа.

— Мама, каждые два и точка. Целую. — я быстро скинула трубку, пока она не начала торговаться со мной, и мы бы свели эти два часа до пяти минут.

— Материнские инстинкты и все такое — поморщилась Лиса. — Ненавижу эти сопли и всякие там запреты.

— Ну по тебе и видно.

— Эй! — она толкнула меня в плечо, а я захохотала. — Не будь я за рулём, убила бы! — прорычала она.

— Но тогда бы тебе не с кем было бы идти на вечеринку Грей. — я победоносно улыбнулась, а она сделала гриммасу.

— Вот умеешь же предотвратить намеренное убийство, но знай: скоро тебе ничего точно уже не поможет. Я тебя лично придушу.

Пока мы спорили с подругой, мы уже доехали до первого супермаркета, впрочем единственного в этом городке. Как только Лиса выпрыгнула с машины, то сразу поплела меня в первый попавшийся бутик нижнего белья под названием "Блаженство и Страсть — вот что нужно мужчинам".

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Фу, фу, фу, ну и название. Нам точно нужно туда идти? — я умоляюще посмотрела на Лису.

— Ты предпочитаешь идти на вечеринку без нижнего белья? — Лиса вопросительного приподняла бровь.

— Поправочка: у меня есть нижнее бельё.

— Уже нет.

— Что?

— Я его выкинула.

— О боже, Лис!! — я простонала и поплелась за ней. — Как ты могла это сделать!?

— Трусы в горошек и в цветочки сейчас не модно Аматис. Тебе нужно что-то более женственное, кружева, например, или шелк, но только не горошек. — я закатила глаза.

— Вот, посмотри что-нибудь тут. — она оставила меня у стеллажей с нижним бельем,

как по отдельности, так и в комплекте.

Я долго шныряла глазами по комплектами наконец-то мой выбор остановился на чёрном кружевном комплекте. Трусики чуть выше пояса, абюзгалтерпоходил на топик, как красиво...

— Ты обязана его примерить, а ещё... — сзади меня появилась Лиса и я вздрогнула. Она протянута мне ещё около шести комплектов разных цветов и отправила в примерочную.

— Лис, — прошептала я и вытянута голову из-за шторки.

— Неужели размер не подошёл? — ахнула она.

— Да нет, все отлично, просто...кхм...посмотришь? — её недоумивающие глаза быстро заблестели и она широко улыбнулась.

— А-а-а-а, в этом смысле, ну-ка, что таму те... — она зашла и замолчала.

— Ужасно, да? Так и знала. — я опустила голову вниз.

— Стой тут. — я не успела её окликнуть, как она исчезла. Явилась девушка только минут через двадцать снежно-бирюзовым костюмом в руках и такими же балетками. Она протянула его мне, мол, одевай, живо! Я не став даже и спорить принялась надевать на себя наряд. Через пять минут я была готова. Оглядев себя снизу доверху я улыбнулась. Этот костюм походил на облака, он был таким же воздушным, мягким и легким.

Как только я вышла с примерочной, то сразу об этом пожалела. Рядом с Лисой стоял Люциан, а с ним Джордан.

— Матс, прости, — она взглянула на меня ошарашенную провинившимся взглядом, а потом изменила на жестокий, чуть ли не на взгляд серийного убийцы.

— Я не знала, что они придут сюда.

— Прекрасно выглядишь, Амагис- Джордан жадно осмотрел меня всю, каждый миллиметр моего тела. — Лиса, — он перевел взгляд на подругу. — Ты тоже. — Мои щеки загнали в румянец, а Лиса чуть ли не взрывалась от злости.

— Что вас двоих сюда притащило? Это вроде как магазин женского белья, или у вас стринги порвались? — выплюнула девушка. Как же стыдно за ее поведение!

— Мы пришли сюда не одни, — словно не замечая ее сарказма ответил парень. Я и Люциан по-прежнему молчали.

— О, так вы голубчики, группами ходите?

— Лиса! — я попыталась сказать этим, что уже довольно этих глупых шуток.

— Лисандия, к чему этот сарказм? Мы ведь не кусаемся, верно? — он перевел свой взгляд на Люциана.

— Мы пришли с дамами — наконец и заговорил наш молчаливый друг. О, ну конечно и куда же наш бабник без девушки, верно. Это же так очевидно! К Вилвосуподошла девушка.

— Дамой-поправила я и вмиг осеклась. К Люциану подошла девушка, видно, старше меня, примерно возраста Люциана. Эту девушку я знала. Это Хлоя Миллар, странная ноизящная. Она ходит со мной на уроки к мистеру Гарисону. Как только я увидела, что она целует его в губы, то вмиг отвернулась. Мне показалось это не естественным — наигранным. Немного даже мерзким. Разве ты получаешь удовольствие от того человека, который играет лишь твоими чувствами, играет на публику? В их глазах не было страсти, как в глазах Нила и Эшли, трудно признать; но они явно любили друг-друга. А тут ничего — словно любовь утонула в их зрачках, как тонут корабли крушась о ледники или острые скалы.

— Эй, я тебя знаю — Хлоя мне улыбнулась. — Мы вместе ходим на латынь и греческий, верно?

— Ну да.

— Тебя вроде Амагисзовут. Помню еще как ты произвела впечатление на Шейдлий и Гарисона с Локки своими познаниями. Они самые придирчивые в плане всех учителей. Ты большая молодчина. — ее улыбка была искренней и легкой, словно полет мотылька или бабочки.

— Спасибо.

— Тебе очень идет этот цвет, — она всмотрелась в мой наряд. — Идет к твоим глазам.

— Нет и нет. — заявила Лиса. — Ее глаза туманно-серые, а этот цвет я подобрала к ее нижнему белью, ну и фигуре.

— Лиса Ноллеглей! — не выдержала я.

— Да ладно, тебе Амагис, нам-то можно. — подмигнул Джордан, а Лиса одарила его своим фирменным испепеляющим взглядом.

— А это кстати Елена. — Хлоя представила блондинку, что стояла рядом с Джорданом.

— Я Лиса Нол...

— Я знаю кто вы, слышано о вас не мало. — грубо ответила девушка. — А ты Амагис, говорят странная.

Ее глаза казались неестественно карими и одновременно зеленые. "Скорее всего линзы" — подумала я. Фигура у нее была более очерченной что ли. Мышцы на руках у Елены были рельефными, как у Лисы, подтянутые. На их троих я вообще не походила — огрызок общества. Ноги девушки вообще раз в сто стройнее моих.

Но не будем откладывать тот факт, что меня начинало раздражать то, что все вокруг задают вопросы, а я стою тут как дура и смотрю на них глазами потерявшегося кота.

— Почему же? — я скрестила руки на груди взглянула прямой ей в глаза.

— Не один нормальный человек непереезжает из Нью-Джерси в такой городок как Приджпорт. Это все равно что переехать к черту на куличики.

— Это еличное. — ответила за меня Лиса. Она сейчас выглядела, как верный пес, что защищает меня от этих по-настоящему зверинных взглядов.

— Или то, — продолжала Елена несмотря на то, что сказала ей Лиса. — Что ты носишь цепочку на талии. Ладно если бы ты ее снимала, но ты постоянно ее там носишь. Почему именно там? Это явно не дополнение к твоему "образу". Что тогда?

— Тебе не кажется, что ты задаешь вопросы личного характера? — ответно спросила я.

— А тебе не кажется, что тебе не стоило приезжать в этот город? Тути безтаких как ты проблем хватает. — такого я и вовсе не ожидала, а просто растерялась.

— Я...

— Ты и я уходим от сюда. Все, цирк окончен, собирайте своих клоунов и валите-ка вы подальше от этого места. Как же вы меня достали, и на метр не приближайтесь больше к ней. А ты, — она ткнула в Елену.

— Лучше бы за своей щелью приглядывала, а не за личной жизнью других, более порядочных девушек.

Лиса потащила меня из магазина, как я вспомнила про вещи:

— Лиса! Там мои вещи!

— Новые купим.

— Девушка, — к Лисе обратилась продавщица.

— Нельзя выходить в нашем ниж...

— Еще слово, и я тебя испепелю, поняла? — она кинула ей в лицо наличку и мы вышли

с магазина, направившись прочь от туда.

* * * * *

Лиса и Аматис шли сломя голову и чуть ли не ноги, к фонтану супермаркета. Как только они дошли, Лиса присела первая и выдохнула. Аматис села рядом.

— Я этой швабре все ее патлы поотрываю! — зарычала Лиса. Аматис положила голову ей на плечо и Лиса с удивлением взглянула на нее.

— Ты чего?

— Давай забудем об этом, хорошо? Ты лучше скажи вот что, — она подняла голову. — Почему Джордан назвал тебя... Лиса... Лисан...

— Лисандия. — подтвердила девушка.

Лиса взглянула в глаза Аматис, она была прекрасной — идеал женской невинности и красоты. Так думала о ней Лиса. Она всегда хотела себе серые глаза, а характер? Характер то какой! На месте Аматис, Лиса давным-давно бы уже проломила бы этой красавице череп и спала со спокойной душой. Но Матс сохраняла спокойствие. Она словно пятилетняя девочка: верит в добро и зло, и добро у нее всегда побеждает. А ее полные отзывчивости глаза? Но разве в них не возможно не влюбиться?

— Лисандия Адель Ноллеглей — наконец произнесла Лиса. — Это мое полное имя. Короче, я просто не люблю официальностей. Так что, просто Лис. — улыбнулась девушка.

— Ого, мне нравится, почему ты об этом раньше не говорила? — как-то по-детски произнесла Аматис Лису это умиляло.

— Не знаю, — пожала плечами девушка. — Меня так редко называют. Разве что только мама да и все. Кстати, о чем вы тогда говорили с мисс Родсвилд?

— Просила вернуться домой.

— Ну уж нет дорогуша, сегодня ты принадлежишь только мне-е-е-е.

— О нет.

— Ода-а-а! — захохотали девушки и встали дальше в путь.

* * * * *

Проводить время с Лисой мне нравилось, как ни как это лучше чем время проведения за книгами. Почти весь день мы смеялись, ходили по магазинам, ели мороженое и покупали кучу вещей, которые потом примеряли еще около двух часов. Иногда, мне казалось, что она хочет что-то сказать, но Лиса лишь улыбалась и я вновь забывала о всем на свете.

Приближался вечер, а это означала, что скоро вечеринка у Эрика. С Лисой мы отдыхали около трех часов, в течении которого смотрели фильм и наслаждались сладостями и чаем с мятой. Миссис Ноллеглей вправду уехала по работе. Как сказала Лиса, она работает главным врачом больницы Придшпорта поэтому сегодня ее не будет. Да, впрочем, она и не против того, что бы я у них оставалась. В прошлый раз, когда мы впервые поссорились с Лис, то я с горяча хотела уехать, как я узнала потом, мама Лисы пригласила ей, что Лисандии не поздоровится, если мы с ней поссоримся.

— Как ты думаешь, про кого в твиттере Грей пишет? — она косо улыбнулась и показала мне твиты парня, я начала читать в слух:

— Твои волосы как туча, а глаза как дождь? Что? — я хихикнула. — Походу, кто-то переборщил с травкой, как думаешь? — я отдала телефон Лисе, а она словно в транс минуты две думала.

— Ты же рисуешь, да?

Я мало кому об этом рассказывала, да и не показывала мои наброски. А вот откуда она

узнала, чёрт его знает.

— Ну да, а от куда...

— Если хочешь скрыть свои таланты, то тебе стоит писать на уроке, а не рисовать в тетради.

— Хочешь сказать, что с таким цветом волос хожу только я? Да нет, бред какой-то. — я покраснелась и перевела тему разговора.

Тогда я посмотрела на взгляд Лисы.

— Что, ни одной?

— Нет. — ответила она.

— Но, Лис, Эрик это не то, что меня привлекает...

— А что тебя тогда привлекает? Люциан?

— ДА С ЧЕГО ТЫ ВЗЯЛА, ЧТО ОН МНЕ СИМПАТИЧЕН!!!?

— Да потому что я вижу как ты косишься на него. — Я не могла сдерживать свой гнев, и поэтому все что у меня вырвалось было ух каким громким.

— Смотри. Он ведь идеальный. — она показала мне его фотографию. Волосы парня были русоватые, глаза чисто голубые. Ровные зубы, чёткие линии губ. Ровный тон кожи, он явно любит себя. Потому что таких ухоженных парней я не видела. Кроме одного. Так. Стоп. Аматис, ты не должна думать о нем.

— Все чётко, словно Бог создавая его созвал лучших небесных скульпторов. А рисовать его одно удовольствие, не так ли? Так почему же он тебе не нравится? Что с тобой, Матс?

— Все нормально. Просто... В последнее время, я чувствую себя не очень хорошо.

— Ты что, пряников мятных нанюхалась?

— Ничего я не нюхала!!

— Тогда я не понимаю.

— Все, хватит разговоров. Мне надоели эти глупые вопросы про нашего мистера "идеальность". Он мне просто не нравится. Вот и все, что так трудно это понять? — меня всегда выводил из колеи эти глупые вопросы про "нравится и не нравится" или "любишь и не любишь". Глупые детские шалости, а о большем времени и думать не хватало. Что за игры в жениха и невесту? Нам вроде не по пять лет, но все девушки продолжают летать в розовых облаках, думать о сказочном королевстве, где есть пигассы, и о сказочном принце, что обязательно их спасёт от лютого дракона, что удерживает её в крепости. Но единственный дракон который их удерживает это мечты, а спасти от них может лишь реальность, жестокая порой, но зато настоящая. Вот что я об этом думаю.

— Ты сейчас мне нагло врешь про Грегорна. Не стыдно?

— Ну все, с меня довольно. Мне это уже вот здесь. Я уйду. — я поставила ноутбук с коленей на кофейный столик и встала. Лиса схватила меня за руку и тоже вмиг привстала.

— Ладно, прости, я не хотела.

— В последнее время ты постоянно "не хотела", что с тобой происходит? Я же вижу, что ты хочешь что-то мне сказать, но ты молчишь. Что такое? Что случилось?

— Просто, смерть Нила и Эшли даётся мне слишком тяжело. Пойми это и прими меня со всеми моими тараканами в больной голове.

— Но это ведь не повод..

— Не повод вести себя с тобой как мама и везде ходить за тобой. Черезчур излишнее внимание может раздражать. Я это все понимаю. — Она меня обняла.

— Но я волнуюсь за тебя. И мне нужно, что в минуту моего отсутствия, тебе кто-то

ПОМОГ.

— У меня есть мама и папа. В конце- концов у меня есть Питч.

— Но они не всегда будут рядом.

— А, то есть, парень будет охранять меня круглосуточно? Да и с чего ты взяла, что я вообще кому-то тут нужна? Эти волки просто хищники с Западной Верджирии, которые искали пищу. Нилу и Эшли не повезло. Да, я тоже чуть не стала их добычей. Но сейчас они вернулись домой. Все ведь хорошо. Да и патрульные сторожат все улицы Портшлейда, и если хоть шорох, то мы узнаем об этом. Пересть переживать за меня. Ладно?

Лиса кивнула. Мы стояли так минут десять, пока она наконец не заговорила:

— Но если этому парню вздумается сделать тебе больно, я покрошу его на корм собакам и скормлю твоему Питчу. Уверенна, такого деликатеса он ещё не пробовал.

* * * * *

На часах точно было около шести, а может и восьми. Амагис решила принять горячий душ, что бы привести себя в порядок. Пораздумывать над всем, что произошло в последнее время и наконец-то просто спокойно выдохнуть и выйти с ванной чистым во всех смыслах человеком. Не долго раздумывая она вскользнула в новые вещи, а так же и в новое нижнее бельё, что так ей пригляделось в этом странном магазине со странным названием. Он него, у девушки до сих пор шли тошнотворные позывы. Но бельё там довольно интересное. Ещё, ей вспомнилась та продавщица, которой в лицо прилетело довольно много купюр.

Посмотрев на своё отражение Матс выдохнула и положила ладони на комод. На девушке был темно-синий топ, который открывал её пупок и цепочку. За такое бы её папа точно убил." Но тут его нет, так ведь?" — подумала она. К топику она решила надеть джинсы на завышенной талии, они были чуть темнее того, тона в который был сделан топ. Смотрелись это не так вульгарно как казалось папе девушки, но ей было в этой одежде как-то комфортнее. В дополнение к образу, Амагис надела связанный кардиган цвета нежного абрикоса.

С волосами она решила не заморачиваться, поэтому оставила их лежать на боках. От природы, волосы Амагис были чуть закрученными на концах, поэтому она довольно редко прибегала к помощи плойки или утюжка. Разве что только выпрямить.

"Макияж — настаивала Лиса — главное оружие и изюминка девушки". Но сколько бы Лиса не твердила, ей одно и тоже же, Амагис оставалась при своём мнении. Даже если её губы не идеально ровные и даже если тон кожи не равен тому, что на руке. Все ровно. Какая к черту разница? Естественность девушку устраивало больше. Природная красота — вот главная изюминка в девушке. И не только.

Лиса в отличии от Амагис хотела произвести впечатление на всех, кто там будет, поэтому сейчас на ней уже было тонны косметики и бархатное красное платье. Оно было до пола с небольшим вырезом на бедре. Можно было бы предположить, что это платье делали из лепестков роз, если бы она не пахла корицей и лавандой. На её превосходных ногах сидели идеальные туфли, со шпилькой сантиметров на десять точно. И по сравнению с темными кедами Амагис они были убийственными в хорошем смысле.

Волосы она закрутила, чуть припшикнув их лаком для волос, в составе которых точно были блески. С макияжем она точно хорошо постаралась. Глаза она решила подчеркнуть темно-бордовыми тенями. Все это дополняли небольшое, но длинные стрелки. Скулы, нос, лоб, подбородок — все было выделенно. Где-то сконтурировано, а где-то чуть светлее, чем обычно. И последним её штрихом была чёрная туш и красная матовая помада.

Лиса накинула чёрное полу-пальто и пошла к выходу.

— Я было надеялась, на твою помаду, но тогда бы я ошиблась. Тебе очень идёт этот образ. — подруга улыбнулась и села в машину.

Аматис ответила на этот комплимент улыбкой и томно выдохнула. Присев в машину она сказала напоследок, прежде чем поехать в лесной коттедж Грея:

— Думаю, нам обоим идут во благо перемены.

* * * * *

Подъехав к коттеджу мы сразу услышали гроыхающие басы и крики подростков. Двери были настежь открыты, кто-то купается неподалёку в озере. Которое было хорошо освещено, а кто-то танцует уже под шафе. Вино шло куда лучше, когда не знаешь, что в него подмешано мартини.

— Видать, тут и шлюхе есть место, а, Кристина. Уже хорошо отдохнули? — она указала в сторону одной из машин, с которой доносились стоны и лёгкие покачивания.

— Валите от сюда. — от туда высунулся парень, весь растрепанный и перемазанный желтой помадой.

— Фу, как так можно? Не стыдитесь? Ай-яй-яй. А надо бы. А ты, сучка школы номер один, хоть проверку на СПИД сделала бы, а-то говорят, парни нынче заразные пошли.

— Брысь! — крикнул разъяренный парень.

— Пойдём, не мешай людям отдыхать. — я захихикала и повела Лисандию под руку в дом.

Наконец-то когда мы оказались в внутри могли снять с себя верхнюю одежду и взять по бокалу вина. Не успела я и слова сказать, как Лиса что-то шепнула мне на ухо и ушла вслед за Джимом. Оставив меня одну. Здорово.

Как и в доме Грегорна тут была небольшая барная стойка. Я решила пойти именно туда. Пока я шла, то встретила всего одну знакомую, это была Хлоя. Но тут я заметила Эрика. Он буквально пожирал меня взглядом. Сейчас он двинулся в мою сторону. Не долго думая, я кинулась в толпу, что бы спрятаться от него, и у меня вышло. Наконец-то я дошла до барной стойки и присела.

— Желаете что-нибудь? — на меня смотрел молодой бармен. Его волосы были похожи на ёжика, глаза ярко-зеленые, а голос довольно хриплый, словно у него ангина. Я только собралась сказать, что ничего не желаю, кроме воды, но тут меня прирвали:

— Бурбон. Мне и этой чудной леди.

— Леди не пьют бурбон. — Повернувшись ответила я сидевшему напротив меня Джордану.

— Ты — исключение. — я фыркнула и вновь отвернулась к барной стойке, и стала наблюдать за движениями бармена.

— Ты явно избегаешь во-о-о-он того парня, Эрик, верно? Он вроде закатил эту чудную вечеринку.

Бармен поставил нам алкоголь

и удалился. Джордан взял свой бокал и опустошил его на половину, при этом даже не скривившись. Он не отрывал свой взгляд от моего лица.

— Тебе показалось. — я взяла бокал и попыталась сделать невинное лицо.

— Думаешь? — он нахмурил брови.

— Ага. — я резко отпила целый стакан бурбона. Коричневая жидкость обожгла мою гортань, затем желудок. Но это было терпимо. Я думала будет противнее. Я поставила

стакан на стойку.

Джордан улыбался.

— А где Елена? — вдруг неожиданно для себя спросила я. — Впрочем, знаешь, можешь и не отвечать. Мне не интересно.

Он снова улыбнулся и прошёл глазами по толпе.

— Она вон там, если вдруг тебе станет интересно. — Я посмотрела куда он указывает. Елена стояла в окружении ещё двух незнакомых мне девушек.

— Знаешь что они обсуждают? — тихо прошептал он мне на ухо. Но казалось, словно так громко, что я оглохну. Заиграла медленная музыка.

— Люциана, — продолжил он.

— Его тело, его голос, даже его зад. Все от него безума и ты не исключение. А знаешь что ещё они так часто обсуждают? Его сердце. А так жаль, что у него его нет. Там же просто пустыня. Антарктида по сравнению с его душой тёплое местечко, где можно попивать тэкилу и загорать на солнце. — Он отстранился от меня и я только тогда наконец-то выдохнула. Джордан попросил бармена повторить.

— Его не существует. Это заброшенное место. Проросшее лианой и заросшее мхом. Которому уже более трехсот лет.

Он продолжал пугать меня своими разговорами.

— Чисто из любопытства, у вас была интимная связь?

— Что!? — мои глаза полезли на лоб.

— Секс. Был?

— Нет! Нет, с чего ты это взял? — я замотала головой, как болванчик. Я приглушила второй по счёту стакан, который только что прибыл.

— Зачем ты это спросил?

— Потому что лишиться девственности с демоном, может иметь большую цену, как ему так и тебе.

— Что ты имеешь ввиду? И почему демон?

— Отдыхай принцесса. — Мой вопрос он словно не услышал и двинулся в глубь толпы.

Я не сразу сообразила, что произошло, но потом я соскочила со стула и кинулась за ним в толпу. Его светлые волосы ещё мелькали передо мной.

— Джордан, Джордан постой!! Ты мне не ответил! — я кричала, но не достаточно громко, не достаточно для того, что бы он он услышал меня. Но вместо этого меня услышал тот, кого я пыталась

избегать всячески. Но мои планы резко провалились глубоко под лёд и застыли где-то в глубинах Тихого океана, в километрах так десять. В голову ударил жар, и приятное ощущение лёгкости.

— Эй, малышка, спешишь куда-то? — спросил Эрик. Я в последний раз посмотрела в ту сторону, где только что был Джордан, но он исчез. Словно растворился. Тогда я посмотрела в хищные глаза Эрика и ответила:

— Знаешь... Нет. Никуда не спешу.

Глава 7 " Спаситель с небес"

— Может потанцуем? — выбора особого у меня-то и не было. Эрик решительно двигался на меня и буквально ущемлял мое личное пространство, от чего мне сразу становилось трудно дышать, а больше всего мне хотелось еще бурбона. А лучше виски. Что бы освободить свой мозг от всего происходящего и просто погрузиться в атмосферу этой вечеринки.

— Музыки же нет. — я театрально развела руками, мол, мне было жаль. Но какая ирония, что это было не так. Но один Бог знает, что творится у меня в голове и мне это не совсем приходилось по душе, черт возьми! Я бы хотела разбираться, в том, что я говорю, делаю и прочей фигни. Но как же жаль, что такого великого дара мне не дано. Как же жаль, что дура, ну господи, что я делаю!/? Сейчас вы подумаете, что я реально сумасшедшая, да и что я несую?

Как только я встретила в толпе взглядами с Люцианом, совсем случайно, то во мне проснулось нескончаемое и непреодолимое желание сделать на глазах у этого ушлепка что-то очень серьезное, что бы разозлило его. Хотя, с чего я вообще взяла, что он будет на это как-то реагировать.

— А, что? — я посмотрела на Эрика, что только что приобнял меня за талию. Я сразу, не думая обхватила руками его шею.

— Так-то мне нравится лучше- его улыбка была и впрямь очаровательной. Глаза... Да, к стати, на счет глаз.

— Что ты делаешь со своими глазами?

— Что? — этот вопрос заставил Эрика врасплох.

— Ну почему они у тебя такие черные?

— Слишком много вопросов, Родсвилд. Тебе не кажется, что нужно как-то развлечься. Музыка есть. Я тоже. — даже не смотря на его пошлые намеки я не унималась от его черных-при черных глаз.

— Вообще-то вопрос был только один, да и... — я замолчала как только почувствовала его язык у меня в гортани. Под его крепкими руками я почти расплылась, и ему пришлось держать меня, что бы я не упала. Я чувствовала как он улыбается сквозь поцелуй.

— Как жаль, что ты украл мой первый поцелуй. — сказала я, как только мы перестали целоваться на глазах у всех. Хотя всем было откровенно начхать на то, что мы тут делали. Да хоть мы тут потрахались — им все равно. Есть выпивка, значит больше ничего не нужно.

— Да? — он удивленно приподнял свою идеальную бровь. Лиса была права. Он просто великолепен!

— Ну да. — я сердито посмотрела на него. — Мой приятель сатана, очень сильно обидеться, если узнает, что мой девственный рот отдал поцелуй тебе. — Он улыбнулся.

— Ну ничего, — он притянул меня к себе. — Я с ним поболтаю и все улажу. Тем более, мы с ним как родственники.

— Ты случайно не знаком с критином-Люцианом? Он тоже считает себя дьяволом. И его друг тоже чуть-чуть того — я прошептала ему на ухо при этом облизав его мочку уха.

— Предлагаю пройти в более укромное гнездышко, пташка. — Эрик схватил мою руку и повел меня по ступенькам, которые шли на второй этаж коттеджа. Мы шли через комнаты, с которых доносились смешки, стоны и храп. Идеальный набор. Как только мы дошли до

нужной комнаты, Эрик открыл дверь и остановил возле себя и прикрыл дверь, закрыв ее на замок. Мне жутко захотелось того, чего мне делать нельзя. Мне захотелось жутко того, что называют и одновременно полетом на небеса и падением в преисподнюю. Я жутко этого хотела, и жутко боялась своего животного желания. Оно охватывало мою голову, мой разум туманил алкоголь, выпитый мною до самой последней капли. Сейчас, я чувствовала себя другой. Не той Амагис которой я была. Не той послушной девочкой, дочкой, ученицей и просто подругой. Я чувствовала себя чем-то большим. Страшно ли мне от этого? Черт бы меня побрал, я не знаю!

Не успела я опомниться, как почувствовала руки Эрика. Они свободно расхаживали по моему телу. Мы лежали в постели. Комнату едва освещал свет полной луны. Я немножко постанывала от его прикосновений. А его поцелую в шею, ключицы и губы заставляли меня чуть ли не кричать. Сейчас нами двигало чисто сексуальное желание. Он хотел меня, а я хотела новых ощущений. И мы оба получим того, чего мы оба так желаем. Парень нависал надо мной, руки его были по обе стороны от моей головы. Одна рука поползла к кардигану, и в тот же момент его на мне не оказалось. Он нащупал руками мою грудь и начал ее мять, так сильно, что я впилась ногтями ему в кожу на шее. Он зашипел но продолжил ласкать мое тело. Руки его были необыкновенно сильными, даже пугающие сильными.

Грей уже почти снял с меня топ, как за дверью послышался отчётливый голос Лисы:

— Грабли свои от неё убрал, и открывай двери похотливая скотина!

— Иди куда шла Ноллеглей, не мешай взрослым людям заниматься взрослыми делами.

— Даже не подумаю, — она колотила руками в дверь — открой дверь животное!

— Пошла вон, или..

— Или что? Убьешь меня своим стояком? — да... Не подходящее время для сарказма.

Все то, что во мне бурлило на славу угомонилось и я захотела выйти.

— Эрик... Нам не стоит этого делать. Я не хочу. — но вместо того, что бы меня отпустить, он меня зажал, зажал мои руки и дышал тяжело мне в ухо пришептывая:

— Лежи тихо, не рыпайся. Иначе я трахну тебя насильно.

Теперь во мне бурлили чувства страха и отвращения. Мне захотелось просто быть дома. В своей кровати, спать, а не всего этого. Я ненавидела себя за все. За то что позволила пойти на эту вечеринку, за то, что позволила себе пить, за то, что я такая глупая! Мамочки!!! А больше всего я ненавидела себя за то, что он украл у меня мой первый поцелуй.

Теперь его рука была более настойчивее. Грей начал расстегивать мой бюстгальтер, но потом резко соскочил на молнию моих джинсов, но дверь вырывается с петель и в комнату влетает Люциан, Джордан, Джим и Ли. Я благодаря господу начинаю рыдать, за что получаю пощечину от Эрика, а дальше все как во сне:

— Мерзавка! — кричал он, когда его уже схватил Люциан и прижал к стене. Схватив Эрика за горло он заговорил первым из всех, пока Лисандия укутала меня плед и поглаживала по голове.

— Таким как ты, гнида, только на нарах гнить. — прошипел Грегори и начал дубасить кулаками по лицу Эрика. Я закричала от страха и начала просить:

— Хватит, пожалуйста! Перестань, ты ведь его убьешь!

— Да ему мало! — кричал тот.

— Перестань!!! — я было кинулась к нему, как Джим схватил меня за талию и плед упал на пол окончательно.

— И что ты прикажешь? Отпустить его? Он ведь тебя чуть не изнасиловал. И ты хороша,

как шляуха пошла за ним не задумываясь, думала мне сделаешь больно!? Да мне наплевать на тебя, и наплевать на твою личную жизнь. И хуже ты сделал только себе!

— Так почему же ты тогда его бьешь, раз тебе наплевать на меня!?

— Да потому что мне жаль по-настоящему хороших девочек, которые попадают в лапы таким ублюдкам. — его взгляд был по истине хищным. Взгляд врага — резал как нож и обжигал как огонь.

То место, где меня ударил Эрик вибрировало от боли, но сейчас было намного больнее услышать в свою сторону такие слова. Переведя взгляд на Эрика я подошла к нему, случилось такое ощущение, что он не дышал.

— Не подходи! — приказал Грегори.

— Да пошёл ты! Пошёл ты глубоко в зад Грегори! — закричала я и заплакала одновременно. Джим взял меня на руки, за что я начала колотить его ногами по коленам.

Что бы так унижить меня, что бы он... Ненавижу! Как же я его ненавижу.

— Ты не понимаешь, Аматис...

— Вот именно, я не понимаю, почему это вы все, все ведете себя как стая животных, как... разъярённые хищники, бьете слабых, чуть ли не убиваете, а шляухой и глупой называете меня. Да лучше быть такой, чем быть озверелым даже не человеком.

Как на автомате я развернулась и пошла вон.

— Когда я говорил "Отдыхай", я имел в виду совсем иное. — Напоследок сказал Джордан.

Сегодня среда, и это означало, что пикник со всеми старшими классами не избежать. "Ну и какого черта скажите мне моя мама сказала мне туда ехать? Недавно только всей школой и городом похоронили Эшли и Нила, как все собрались ехать поближе к этому чертовому лесу. А как известно, во всех книгах даже пишут, что все самые страшные убийства происходят именно там."

Все это Матс прокручивала у себя в голове по сто раз на минуту. За вчерашний день она натерпелась столько укоризненных взглядов, криков, и даже швирия посуды в сторону Аматис, что ей просто уже хотелось лечь и отдохнуть. Лисандия решила устройте девушке небольшую взбучку нервов и начала читать натации о том, что она тупоголовая критика и пить она явно не умеет. Что уж тут возразить, правду говорила. Но такие окорбоения в сторону девушки терпеть она не смогла. Послав Лису бранью, Аматис попросила маму забрать её домой. По приезду, она зашла к себе в комнату с дикими воплями и слезами и уснула. Вот что значит провести вечер в "компании подруги", да лучше бы провела этот вечер в компании книг.

Вчерашний взгляд Люциана, Аматис сравнила со взглядом главного в стае волков. Тех, что чуть не сделали её десертом для их пира. Он был таким же черствым, ужасающим, одичавшим... Так и не выяснили от куда они и куда направились, след волков просто исчез. И если бы не воспоминания о "жертвах несчастного случая", то о них никто бы и не вспомнил. Дело закрыли. Хотя, девушке казалось, что его и не открывали, просто сделали вид. Чего там всего-то волки загрызли, подумаешь! И головы искать не надо... Безмозглые идиоты, а не полицейские.

Аматис проснулась купаясь в тёплых солнечных лучах. В комнату лился свет, а вот на душе было темь как темно. Первая мысль, как только девушка встала это о том, что вчера ей показалось безумно странным то, что Эрик не сопротивлялся при избиении, хотя, он не

отставал от Люциана телосложением, а значит, он хотел, что бы его побили. "Да нет, бред какой-то". И все, что происходит в последнее время с Амагис — бред. Волки, убийства, покушение, письма, кровь и кровь и кровь. Всегда, где бы ни было какое-либо происшествие, кровь была их спутницей, а смерть лучшей подружкой. Но с этими подружками Амагис не желала знакомиться, по крайней мере не сейчас. Не тогда, когда ей всего 16 чертовых лет. Что могло бы произойти за эти 16 лет? Верно, ничего. Так ей и нравилось. Когда ничего не происходило. Тишина и покой. Но тут в её жизни появились три всадника апокалипсиса: Смерть, чума и голод. Первое у девушки ассоциировалось с Люцианом, Чума — с Лисой, и голод — Джордан. Они сводили девушку с ума.

От всех мыслей быстро отвлек превосходный запах яблочного пирога, который обычно готовит мама. Встав с кровати, Амагис собрала волосы в пучок, накинула халат, залезла в тапки и поплелась в ванну. Первым делом она почистила зубы, умылась, а уж потом привела свои волосы в порядок. Выйдя из ванны, девушка решила перекусить перед отъездом. Питч уже прыгал возле отца девушки выпрашивая кусочек вкуснейшего пирога, а папа смеялся и жадно ел его сам. От такой картины Амагис тихо засмеялась.

Питч в последнее время уходил спать на кухню, поэтому, видеть его Амагис хотелось все больше и больше.

— Эй, не мучай мне пса, иначе, он отомстит наградив тебе в твои любимые ботинки. — девушка спустилась с последней ступеньки и схватила собаку за хвост, тот радостно залаял и прыгнул, да так, что Матс чуть не упала.

— Ох уж эти собаки. То нагадят в ботинки, то съедят домашнюю работу, да, Амагис? — та залилась краской.

— Да ладно тебе, всего один раз такое было. — Дочь присела на стул, рядом с отцом.

— Поешь?

— Нет, спасибо, я не голодна.

— Слышал, ты сегодня едешь на пикник.

— Типа того, я особо-то и не хоч...

— Доброе утро моя золотая! — в приёме кухонных дверей появилась Реббека.

— Я собрала тебе твой походный рюкзак, и да, ты звонила Лисе? Как она?

" Когда бы мне ей звонить? Уж прости, была слишком занята истерикой, если ты не заметила. А ты и не заметила..."

— Э... Нет ещё, позже наберу.

— Выходит, ты едешь со мной?

— Да, выходит что так.

— Ну тогда бегом — бегом одеваться, и выходить. — Ребекка села за стол, со своим кофе, а Питч поплелся доедать куски мамино пирога, который не доел папа. "Вот таких мне не хватало родителей, таких счастливых."

* * * * *

Я решила взять с собой совсем немного вещей и поэтому мне хватило буквально пяти минут, что бы запихнуть плед и теплую пайту к себе в портфель. На себе я оставила чёрные легинсы и желтый связанный свитер. Погода сегодня наверное радовала, а возможно и нет. Трудно говорить, когда не выглядывала ещё на улицу, даже в окно. На природу я обула кроссовки которых не жалко и уже стояла наготове у порога.

— Мам! — я кричала, и помимо пыталась открыть входные двери.

— Мам, пора ехать и... — я наконец-то открыла двери и чуть не свалилась со ступеней

от увиденного. Мама стояла на пороге и болтала с мистером "крепкий кулак" из серии "я за справедливость" и Джордоном.

— ...возьми мне кофе, а что тут происходит? — я остановилась в пару сантиметров от мамы.

— Тут мальчишки говорят, что ты договорилась поехать с ними. — Ага-с, здорово, а значит мне об этом говорить совсем не надо, да? ну чертовски круто!

— Да... А я сама и не знала. — я скрестила руки на груди и продолжала наблюдать за их реакцией. Они были спокойны, как удавы. Да что тут происходит мать вашу?

— Ты вчера договаривалась с нами, не помнишь? — Джордан посмотрел на меня, мол не спорь. — Скорее всего из-за бурбон...

— Ах да!! — я его резко перебила, схватив все сумки и полетев вперёд. — Совсем забыла мам, я договаривались вчера, прежде чем позвонила тебе, совсем вылетело из головы. Прости меня, но мы уже опаздываем, так ведь? — я посмотрела на Вилвоса.

— Так, — согласился парень. — До свидания миссис Родсвилд.

— Хорошо вам повеселиться!

Как только за мамой захлопнулась входная дверь я резко кинула сумку в лицо Джордану.

— Какого черта Вилвос!? Какого хрена вы приперлись ко мне в дом?

— Ну вообще-то, мы не заходили к тебе в дом. Мы стояли на пороге, а это совсем разные вещи...

В него полетела следующая сумка.

— Да хватит уже швырять в меня своими вещами! Я чувствую себя как мужик, который изменил своей жене.

— Нет Вилвос ты говнюк! Какого хрена вы тут забыли?

— Просто Лиса нас попросила отвести тебя к автобусам.

Мне жутко стало интересно, с каких это пор, Ноллеглей повелась на Грегорна и Вилвоса. Недавно, помнится, она его ненавидела чистой душой.

— С чего бы это ей просить вас об одолжении? А впрочем не важно, я все равно не поеду.

Я хотела поднять свои сумки, но Люциан меня опередил и посмотрел прямо мне в глаза.

— Ты едешь с нами, и мне наплевать на то что ты хочешь или нет! Садись в машину и не ищущай моё терпение.

— Ну замечательно. Тем более я с вами не еду.

Попытка отобрать мои сумки у Люциана были проигрышными. Он закинул их в багажник машины, а я начала долбить по нему руками и кричать на него, что он безмозглый кретин. В конце- концов мне просто пришлось сесть к ним в машину и тронуться в путь.

— И да, мы звонили тебе вчера. Прервал тишину Джордан.

— Да? — так вышло, что мы с Люцианом одновременно задали вопрос Вилвосу.

— Вообще-то да. Ты давно телефон открывала?

Я достала телефон с маленького кармана на рюкзаке и посмотрела на экран. Кроме пропущенных от Лисы, были ещё и не знакомый номер.

Чуть выждав Джордан произнёс:

— Вот то-то же. Так что моя красотка к вашим услугам, хотя должен признать; ты тоже довольно ничего...

— Заткнись! — и снова хор "Звериного строя". А точнее шлюхи и животного.

Всю дорогу мы ехали в тишине, музыка игравшая из магнитолы была не в счёт, потому что я воткнула в свои уши наушники. Мелькавшие деревья пролетали словно в сказке: размыто, скошено и как-то странновато. Сейчас небо радовало нас солнцем, но к обеду синоптики обещали дождь, впрочем ценится с синоптиками миссис Шейдли не стала и доверилась тому, что пишут в интернете.

Мы все собирались у школьных автобусах, а затем едем не в "родные" леса. Мы поедем ближе к Айтлайду, меж Поршлейдским лесом и Айтлайдовским, где-то посерединке есть лагерь. Нас заранее будут ждать мистер Локки и наш учитель по физкультуре — Мистер Фолс. Там, где находится лагерь, есть большая поляна, а по кругу стоят беседки. Правда без стен, но все же. Знаю я это от миссис Шейдли. Говорила она об этом вчера. Сделали это для странников, что бы они спрятались во время сопутствующих им грозы. Нам же было проще, палатки тащить уж точно не надо, за то можно принести плед. Фундамент был конечно деревянным, но было тепло и довольно высоко, что бы забраться на них, поставили ступеньки.

И в дополнение ко всему — это прекрасный вид и красивая природа, грех не взять карандаши и альбом.

Подъехав на назначенное место, я молча вышла из машины и пробурчав им что-то вроде: " Отдайте мои вещи идиоты" и "Спасибо" направилась к автобусу и села на самое последнее сиденье возле окна, как только я положила вещи на полочку и села с телефоном в руках и наушниками в ушах, то сразу закрыла глаза. Подумав об этой поездке, мне становилось как-то грустно оставлять моего Питча одного, школа это совсем иное, а поход...

Как бы странно это не звучало, мне было страшно ехать в любой лес. Даже если там будут стоять патрульные, даже если там будет стоять целая армия, все равно моё шестое чувство так и норвило у меня глубоко в мозгу и твердило раз за разом: не иди, не иди, не иди!! Сиди дома.

Но маму не переспоришь, мама если скажет езжай, значит протестовать ей просто нет смысла, да и бесстрашия.

Меня кто-то толкнул и я повернулась к этому человеку. Это была Ли. Не обратив внимания на её попытки что-то сказать, я выдохнула и повернулась к окну.

— Эй, привет. — вряд ли мне нужны были мне её приветствия, после вчерашних слов.

— Как ты? — спокойно спросила она. Хотя, было видно, как ладони её вспотели, а голос почти что дрожал — она волновалась.

— Матс, я...

— Послушай, со мной все просто отлично, нечего за меня трястись, я не фарфоровая кукла.

— Тогда прекращай на меня злиться, — промурлыкала девушка.

— А не ты ли мне говорила тогда...

— Что было сказано: сказано с горяча, а ни как с целью тебя послать или обидеть. Между прочим, ты тоже вчера вела себя не корректно.

— Да что ты, Лис.

— Все, ладно, прости меня, — она протянула мне мизинец.

— Мир?

— Мир.

Уж лучше дружить с Лисой, чем быть с ней в ссоре. Хотя, чёрт его знает.

— Ну что, вы готовы? — задорно спросила миссис Шейдли

Гул пришёлся по всему автобусу, двери закрылись.

— Трогай! — приказала она водителю, и мы двинулись в путь.

Глава 8 " Взирай победной правды славу "

Путь, путь... Вся наша жизнь состоит из определенного пути, по которому стоит пройти, по которому ты будешь то ли скучать, то ли посылать те времена к черту, но это твой путь. У каждого есть свой определенный путь, а если и нет, то что с того? Не переживайте, если вы все еще идете в раскорячку. Когда явится ваш путь, все что вы сможете так это свернуть не на ту дорогу, но даже если и так, в конечном случае, вы возвращаетесь на исходную и идете дальше. Так мы живем, и буде жить.

Наша поездка длилась от силы минут сорок, с Лисой я не заводила разговор, да она и не особо то и горела желанием говорить.

— ...двадцать четыре, — мисс Шейдли только закончила считать всех присутствующих учеников и потерла ладоши. Должна признать, погода явно никого не удивила; небо затянуло тучами, солнце то и дело пряталось за небольшие облака, похожи которые был на сгусток серы. Хотя, чего мы могли ожидать от ноября.

— Так, хорошо, все в сборе. А теперь слушаем меня очень внимательно. Сейчас мы выходим, и встаем парами. Да, да, как в детском саду, ну а что поделывать? — дверь за ней открылась и свежий, но прохладный воздух ворвался в транспорт. — Встаем, встаем! И не забываем брать свои драгоценнейшие вещи. Выходим! Кого ждём?

Гул стоял от автобуса и до самой мисс Шейдли, которая стояла в метрах двадцати от транспорта. Ноги отсидели почти все, спины болели, а голова уже шла кругом от шума, который создавали здешние проезжающие машины.

— Ничего, ничего. У меня тоже голова разболелась от этой шумихи. Но стоит вам пройти в лес...

Не скажу, что мы прям так сильно хотели поехать в лес, мне кажется, что лучше отдыха на свете может быть только диван, на котором мы разместим свои ленивые попки.

Наша спутница что-то тараторила про цветы, а в основном темой её наблюдений была лаванда, тут везде была лаванда. Такое ощущение, что Айтлайд специально вырастил тут лавандовый лес, что бы срубить побольше баблишек и укатить на Мальдивы, а все потому, что вы больше нигде не увидите столько много лаванды. Не в одном лесу.

Как только мы дошли до места предназначения, мы выдохнули и не смотря больше на что-то ещё нашли свободные домики и залезли внутрь.

— Никогда бы не подумала, что добираться сюда так сложно. Я конечно ездила и на большие расстояния, но удобств тут никаких... — бурчала Лиса, пока разбиралась свою сумку с вещами. Она вытащила подушки, плед, термос с чаем и много вкусностей в коробочке для еды.

— Я бы взяла вина, — продолжила она, увидев мой взгляд.

— Но навряд ли учителя оценят мою продуктивность.

— Верно, её вообще нет.

— Эй!

Лиса кинула в меня подушкой, пока я заливалась хохотом, в ответ ей полетел рюкзак, который уже летал сегодня в лицо Вилвосу, к стати о нем.

— Не знала, что вы с Джордоном теперь в общей команде.

— С чего ты взяла? — заверещала она.

— Я просто попросила его подвести тебя, всего-то.

— Я не нуждалась в помощи, Лис.

Она полезла помогать мне разбирать мои сумки. И как только добралась до той, что собирала мама спросила:

— Одеяло? А я-то думаю, что оно такое мягкое. Слава богу, что там не книги, иначе сломанный нос мне сказал бы "привет!".

Я закатила глаза и выдохнула.

— Это все мама, чёрт бы её побрал. Ненавижу когда она так делает.

— Заботиться?

— Нет, делает всегда по-своему.

— Ну в этом тебе вот не привыкать, ты тоже всегда делаешь все по-своему.

— Лиса, я тебя сейчас...

Мои угрозы прервали ребята с нашего класса, она позвали нас поиграть в волейбол. Играть я не умела, да и не хотела, поэтому отправила Лису, а сама принялась устраивать наше "гнездышко".

Наш автобус немного отстал от других; он заезжал на одну из заправок, что бы пополнить запасы бензина. А пока мы ехали, ещё два класса успели усвоиться тут и вполне хорошо преобразовать беседки. Кто-то уже во всю собирал лаванды, парни играли в футбол и лишь единицы играли в волейбол, в основном были девушки. Все веселились, смеялись. В скором времени подоспел автобус с последними ребятами и уже через час все беседки были заполнены. Локки и Фолс устроились в одной беседке, а мисс Шейдли, как настоящая дама ушла в другую.

Ко мне в разум всплыли новые идеи для пейзажа и я мигом достала блокнот, карандаши и принялась вырисовывать рисунок.

* * * * *

Наброски чего-то не знакомого и нового вычерчивала девушка на листе бумаги. Лист был так же тверд, а движения руки были так же уверенны как и сама девушка. Тонкие линии больше походили на портрет какой-то незнакомки. Быть может, у Амагис с этой девушкой ассоциируется нимфа этого леса? Её волосы были а цветах лаванды, а глаза словно солнце, что спряталось за тучей и внезапно полил дождь.

Все ребята забежали по беседками, открыли свои термосы и спокойно принялись слушать песнь дождя. Лиса забежала в беседку и запрыгнула под одеяло.

— Надо будет передать твоей маме пламенный привет, иначе я бы тут сдохла от холода.

— Вообще-то сейчас довольно тепло, это просто ты намокла.

— А ты что делаешь?

Она встала вместе с одеялом и посмотрела на рисунок.

— Рисуешь, — завершила она.

— Вот только кого? Кто это? — её золотистые глаза посмотрели на меня.

— Э...не знаю, просто пришло в голову, вот и нарисовала. Это скорее портрет самого себя, только в чужом облике.

— Она как эта... Как её... Ну же, забыла!

— Как фея?

— Ага, вся в цветах, да и улыбка у неё странноватая.

— Допустим, но...

Я ненавидела те моменты, когда я не договариваю своё предложение, ненавижу когда меня переживают!

Вилвос и Грегорн бесцеремонно забежали к нам в беседку и встряхнули своими мокрыми головами. Как мокрые псы.

— Стоп, стоп, стоп. С каких это порт тут приём бездомных животных? — сарказм Лисы снова был на высоте.

— Ну почему, Ноллеглей, в твоих словах звучит нотка ненависти?

— О-о-о-о нет, мой дорогой, тут целый цикл нот, посмотри, — она указала на свои губы.

— «До»-по; «ре»-ше; «ми»-л; «фа»-в; «соль»-он, а «ля» и «си» можешь считать я вычеркнула из своего цикла.

— Вот и почему она меня так ненавидит, а? — наигранно обратился тот к Грегорну, но он воздержался от комментариев.

— Да потому что ты липнешь к ней как банный лист к зад.

— Лиса! — прикрикнула я.

— Скорее как репейник, предпочитаю быть выше, — глаза его блеснули, а жилки на лбу забегали табуном.

Аматис готова была признаться, что слышала как Лиса закатила глаза.

— Вы, оба, — не выдержала девушка.

— Если хотите перемыть друг-другу косточки, то давайте вы будете это делать подальше от меня.

— Было бы что мыть...

— Оставлю это на десерт.

Они оба заговорили в унисон, и теперь пришла очередь закатывать глаза Аматис.

— Чего вы пришли? — начала расспрашивать Лиса, и помимо набивать Аматис какао.

За все время, которые они провели под одной крышей, Матс наконец-то решила посмотреть в глаза своему обидчику и получить ответный взгляд вышло не сразу. Парень был в полной задумчивости, где-то глубоко в себе, возможно он думал о дожде, а возможно и о лаванде, что так пахла на всю округу после дождя.

"Задумчивость ему к лицу"- подумала девушка, но вмиг одернула себя и дала себе подзатыльник. Ну нельзя, нельзя тебе думать о нем, слышишь? Это все плохо кончится. Очень плохо, а потом ты будешь рыдать в подушку по ночам, как в самых знаменитых мелодрамах и романах мира, и "умирать" от того, что он не любит тебя. Словно почувствовав рассуждения Матс с своим разумом, Люциан взглянул на нее. Глаза все так же похожи на черный алмаз. Уголки его губ чуть дернулись в верх, но Аматис не придала этому никакого значение и повернулась к беседующим.

— И вообще, нас вышвырнули с нашей беседки.

Чуть ли не плача произнес Джордан.

— Это была не наша беседка, идиот — сказал Люциан.

Лиса залилась хохотом на столь сильно, что завалилась на бок.

— Вот умора-то, и вправду-то как собак вышвырнули.

— Что ты рисуешь? — спросил Вилвос. И тогда Аматис только вспомнила, что в руках у нее недорисованный рисунок феи, ну или самой себя в облике нимфы леса. Не важно.

— Что-то вроде нимфы, вот, посмотри.

Она протянула рисунок парню и тот буквально выхватил его у девушки. Такой реакции Матс никак не ожидала." И давно он стал таким резким?"

— Забавненько, — он потер подбородок и взглянул на юную художницу.

— Давно практикуешься в изображении портретов?

— Э... Это не портрет, это как бы мой собственный вымышленный персонаж.

— Даже если и так, давно?

Настойчивость парня жутко нарастала и девушке началось казаться, что он почти давит не нее, на ее личное пространство. Не хотелось бы посвящать его в подробности почему и когда она начала рисовать. Время ушло, а вода утекла. Не хотелось бы говорить ему о своем не веселом детстве. Поэтому девушка ответила кратко:

— Какая разница? Рисую и все.

— Да чего ты к ней прицепился? Достал. — вставила свою реплику Лиса.

В определенные моменты девушка была благодарна подруге, что та вовремя понимает, где нужно вставить свое хоть и совсем неуместное слово, что бы Амагис не чувствовала себя изгоем.

— Может ты тогда где-ни будь видела подобные рисунки?

В последнее время у девушки совсем туго с терпением и нервами, слишком часто их мотали и испытывали на прочность, но даже и эту проверку они не прошли. Провалили с величайшим грохотом об реальность. Так же от этого оставались некие осадки, такие как: слезы, крики, ссоры.

— Так, ну все! — девушка захлопнула блокнот и спустилась на одну ступеньку.

— Я тебе ответила — ты снова спрашиваешь, я отвечаю и ты вновь задаешь вопрос. Кому-то пора уже наконец-то прервать этот круговорот вопросов и ответов. Поэтому, пойду-ка я пройдуся.

— Но там же дождь! — вскрикнула Лиса.

Но Амагис уже не слышала подругу, девушка бежала в то место, где хотела бы отдохнуть и она нашла его:

— Извините мисс Шейдли, можно я у вас немного посижу?

* * * * *

— Конечно, — сразу же, как только я зашла мисс Шейдли укутала меня в плед и посадила на подушку, а сейчас, она, как заботливая мама, наливает мне горячий чай.

— Что заставило тебя бежать ко мне прямо под ливнем? — Шейдли протянула мне алюминиевую кружку с чаем и я покорно ее взяла. С волос падали капли воды, а одежда почти до ниточки промокла.

— Своей компанией я сыта по горло, поэтому я решила прийти к вам.

Она присела рядом со мной и взглянула на меня.

— Чего? Неужто так сильно, что ты решилась выти с беседки?

— Да я бы вышла при самой жестокой бомбардировки, главное подальше от них.

— Что же они такое сделали, что ты так сильно горишь желанием уйти?

— Вот, — я протянула ей намокший рисунок.

— Что это? — она взяла в руки мой блокнот и начала внимательно изучать рисунок.

— Из-за этого рисунка они начали меня спрашивать.

— Какие молодцы. — а вот этого я никак не ожидала.

— Как... Как это молодцы?

— Это же известная Мэри Адель Шердейслайд. Она же и мать нефелимов. Она же и мать Люцифера. Она же и жена Люцифера, правда бывшая...

— Ничего не понимаю, — я тряхнула головой.

— Я же ни разу ее не видела.

— Как же не разу!? — вскрикнула Шейдли.

— Это вы проходили на истории. Там точно есть, я уверена.

Хотя я не помню, было ли там такое и есть? Может я и видела. В последнее время я не особо удивляю внимание на какие-то мелочи в учебник про мистических существ.

— А можно по подробней?

— Ну слушай. Мэри была обычно Пордшлейдской девчонкой. Такой как и все остальные. Но пришла эра Люцифера и вышло так, что эта была единственная и последняя девушка которую он соблазнил. У них была великая любовь, пока она не узнала, что беременна. Побоявшись того, что сам дьявол убьет своего сына она обратилась к ангелам и попросила не ссылать ребенка в ад, к отцу. И они согласились лишь с тем условием, что она согласится быть матерью нового вида. Нефеилима. Да впрочем были и легенды про падших ангелов, что они начали соблазнять молодых и юных девиц. Так и было. Этим занималась Мэри.

Мне показалось слишком знакомым это имя. Кажется я его уже где-то слышала.

— Ого, это очень здорово! Я и не знала. — я улыбнулась и отпила чая.

— Быть может ты и не знаешь легенды про Луну?

* * * * *

Небо было затянуто тучами. Серыми, черными... Тучи казались слишком черными для такой погоды. Даже этот штат не терпит таких туч. Штормовое предупреждение вроде как не ожидалось, а шторм так и напрашивался к нам в гости. Через мгновение стал греметь гром и сверкать молнии, такой расклад Лисандию Ноллеглей совсем не устраивал.

Лиса ушла минут так с сорок назад и после она ее не видела. Девушка оставила парней и отправилась на поиски подруги. Поспрашивав у других находящихся на поляне, Лиса выяснила, что Аматис отправилась к мисс Шейдли. Лиса направилась к беседке их учительницы по Английскому языку. Впрочем, выдавала ли она за себя другого человека? Или была все же мисс Шейдли?

В воздухе повис запах чужаков. Вперемешку с лавандой, от леса благоухала кровью протухшей рыбой и псиной. Так они и пахли, так пах клан этих уродцев. Этот цирк, который гонится за властью и в итоге ничего не получает. Им нужна не Аматис, это девушка знала точно, тогда на кой черт они за ней гоняются, как хвостик за волком?

Напрягшись девушка побежала быстрее к беседке. Лиса раскидывала всех на своем пути и буквально влетела в беседку. Старк чуть не выронила свой стакан с чем.

— Где она? — вымолвила на одном дыхании ученица.

— Кто? — Старк выкинула брови вверх, словно не понимаю, о ком идет речь. Когда она так делала, Лисе хотелось бить ее головой о бордюр до потери пульса.

— Где, Аматис? — более спокойно произнесла Ноллеглей, но не так уж и спокойно было у нее на душе.

— Пока ты не скажешь зачем она тебе...

— Ты разве ничего не чувствуешь? Совсем? Они идут Вудли, еще немного и они придут. Эвакуируй людей, а я найду Аматис...

— Ну уж нет, если с тобой что-то случится, то меня прихлопнут как муху.

У них не было лишнего времени, что бы выяснять кто и кого кокнет. Не было время на посиделки и болтовню, Лисе нужно было знать только одно:

— Если ты мне не скажешь где она, я попрошу помощь у падших. Как известно, у них отличный нюх.

— Ты не посмеешь!

Вудли напрягла плечи и округлила глаза, явно думая "Эта девчонка точно поехала с катушек". Возможно так оно и есть.

— Да как ты не понимаешь! Если с ней что-то случится, то прикокнут и меня тоже!

Старк ничего не оставалось как просто пойти на встречу и ответить где была эта девочка. Она выдохнула и произнесла:

— Вон там, она пошла в лес. Отдохнуть от вас хотела.

— Спасибо Вудли, — Лиса чмокнула свою няньку в щечку и сказала напоследок прежде чем опять броситься вдогонку:

— Выводи людей, иначе, скоро тут будет кровавое месиво.

Ее ноги несли ее среди мокрой лаванды, прямо по пятам Аматис, примерно она знала куда пошла ее подруга. Неподалеку тут есть водопад, вполне возможно, что она отправилась именно туда. Почувяв любимый запах своей подруги Лиса прокричала:

— Аматис! Аматис, стой!

Девушка повернулась и удивленно посмотрела на Лису. Конечно удивленно, если ты видишь как одна большая туша несется на тебя с воплями и мольбами больше никуда от нее не уходить, но разве она послушает?

Было поздно. Послышался вой. Во тех, которые были просто ужасными интриговщиками и похитителями жертв, тех, кто плохо мог бы шантажировать. Но единственное что они делали профессионально и быстро — убивали. Вот за что бояться этих тупых недоносков Луны. Как только девушка подбежала к Родсвилд, сразу же схватила ее за руку.

— Что это было? — прошептала девушка.

— Я думала, что эти волки убежали, Лис, мне страшно! Вдруг они почу...

— Беги!

Она стояла на месте.

— А вот и нашлась наша пропажа.

Перед девушками стояли Лордевулфы. Ну и какой черт сказал этой глупышке идти в лес! "Ну какого хрена!" — простонала про себя Лиса.

— А вот и наша пропажа нашлась, и как приятный бонус шлюха-нефелим, ребята, так мы сегодня и не только повеселимся! — его дружки засмеялись, а девушки все еще стояли приковав свой взгляд к их главарю.

— Спешу тебя огорчить, — Лиса вынула свой меч из ножны.

— Но сегодня никто не впихнет в меня свой член, Индиго.

* * * * *

В воздухе повис запах чего-то едкого и очень тухлого, словно пахло что-то явно не свежее, будто экскременты собаки. Откуда только Лиса взяла этот меч? Что тут происходило, пока Аматис просто решила прогуляться по окрестности. И как могли волки легко превратиться в человека? Это что, какой-то новый вид болезни? И при чем тут нефелимы? При чем тут вообще она... В такие моменты, Аматис просто ненавидела, что после дождя запахи обостряются и долбят в нос. От этого запаха все в животе рвалось наружу.

Лиса поднесла оружие к горлу Индиго и Аматис взвизгнула.

— Что ты делаешь!?! — она кинулась к подруге, но та остановила ее рукой.

— Не надо Матс, ты не до конца понимаешь эту ситуацию. Будь ты мной, оценила бы ее

под другим углом.

— Мамочки...

Руки девушки дрожали до такой силы, что ей захотелось упасть. Тошнота вот-вот подходила и в любой момент, она точно не удержится. Перед глазами все плыло, но она старалась стоять уверенно. Не понятно было, дрожала она то ли от страха, то ли от противного запаха, что ударял с новой волной в ее разум. Еще немного и она точно упадет в обморок.

— Моя дорогая, тебе плохо! — Индиго отдернул шею от меча, из-за чего распорол кожу на шее, но будто не замечая этого двинулся к ней.

— А ну, пошел вон. — Лиса заслонила подругу и еще увереннее стояла на своем.

— Она ведь не знает кто мы? — спросил он, глядя в глаза Ааматис.

— Не знает что мы такое, что ты и что она. Что представляем из себя мы.

— Все что она должна знать, так это то, что перед ней стоит кучка неудачников и бездарных чучел.

— Ну я бы поспорил на счет бездарных, — он подмигнул Лисе с пошлым намеком.

— Чего это вы явились на территорию Куперов? У вас с ними как мне известно, некие недочеты.

— Да плевать я на них и их недочеты хотел. Отдай мне девчонку, и жить ты будешь, обещаю.

Ааматис уже чувствовала, как она почти упала в обморок. Сзади плескался водопад, капли воды попадали Ааматис на спину. Такие прохладные, ей хотелось спрятаться от этих сумасшедших, от этого запаха.

— Твои обещания ничего не значат.

— Ты только подумай...

— И думать об этом не посмею, она принадлежит нефелимам, раз на то пошло, ее я не отдам.

— Ноллеглей, хватит упрячиться.

Его скулы напряглись, челюсти сжались. Было очевидно, что ему с трудом давалось скрыть свой гнев.

— Мы ведь все прекрасно знаем, что девчонка научиться выживать только с нами, научиться замечательно убивать только с нами.

— Да нафиг она вам не нужна, вам нужно что-то, что принадлежит ей. Я не дура, Индиго, я же вижу.

Индиго озверел. Взгляд поменялся на звериный, протяжный вой... И обращение. Вот теперь-то Ааматис поняла, что тут происходит, и единственным выходом было сделать так, как она хотела вначале.

— Она пойдет с нами.

— Ну уж нет.

Произнесла Ааматис, и прыгнула с обрыва. Прямо в водопад. Прямо на камни. Прямо к смерти.

— Нет!

Закричал Индиго, и Лиса в приступе истерии бросилась на оборотня.

Глава 9 "Под ковром ангела"

Голова раскалывалась на миллиарды кусочков льда, впрочем, из чего и состояла моя наружность. Ноги будто напрочь отказались меня слушать и поэтому благополучно онемели, да до такой степени, что я их не то что не чувствовала, я не могла терпеть боль. Во всем теле пульсировала моя старая подруга-боль. Ну что ж, сказать ей снова привет? Или послать вкривь и вкось, главное подальше от меня.

Свет солнца заставлял меня жмуриться и с каждым разом сильнее и сильнее мне приходилось закрывать и без того мои тяжелые веки, оттого что глаза мои открывались все сильнее и сильнее, как раздвигаются ноги у шлюх, когда им предлагаю тысячу баксов. Открыть у меня их вышло, вот только где я находилась, было трудно сказать. Явно не больница, тут пахнет древесиной. Явно дубом. Кровать не скрепит, и комната была не в тех тошнотворных белых тонах, которые заставляли меня беситься все больше, от времени препровождения там.

— Как ты, милая?

Первой кого я увидела, была мисс Шейдли. Она сидела на стульчике без спинки. С осанкой у нее было все отлично, а вот с ней самой походу что-то не так.

— Здравствуйте.

Я приподнялась. Боль все еще долбила во все тело, но, возможно, если ее игнорировать, то есть вероятность того, что она исчезнет.

— Хорошо, что ты пришла в себя, — она подарила мне улыбку.

— Мы было подумали, что ты уж точно не очнешься... Спасибо Хлое.

— Хлое? — не совсем соображая, я приподняла бровь.

— Ну все, Вудли, достаточно. Хватит загружать её голову мутными именами.

В углу комнаты, в другом, я увидела знакомые мне черты лица. Моя любимая подруга с золотистым цветом глаз смотрела на меня, словно боится, что я выпрыгнул в окно при одном её виде.

— Я помню Хлою, а вот тебя я совсем не знаю. Кто ты?

— Аматис... Я все та же Лиса, а это Вудли Старк, моя, так скажем нянька.

— Меня не интересует твоя личная жизнь и кто у тебя на побегушках. Кто ты такая... Точнее что?

Плечи подруги напряглись от такого вопроса, и присела на край кровати. В воздухе повисло молчание, запах дубовых стен, полов. Запах... Как только я думаю о мускусном запахе, присущему волку, меня берет озноб, хочется выть от страха и беспомощности. Но этот запах был иным... Гнилым, словно они гнили изнутри. Страшно.

— Если я тебе расскажу прямо сейчас, то мисс Родсвилд меня убьет.

— А при чем здесь моя мама? Ноллеглей, клянусь Богом, я тебя сейчас убью, если ты мне все сейчас же не выложишь на тарелочку.

— Ну хорошо.

Невольно согласилась Лиса и продвинулась ближе, прикрывая мои ноги. " Излишняя забота" — подумала я.

— Мы не люди, малышка. Мы — нефилимы. Такие же как и ты. Ты одна из них. Эти волки убили тогда Нила и Эшли не просто так. Они искали тебя. Ты им не нужна, им нужно

то, что вернет их правителя к жизни. Это клан ЛордВулф, который исключительно убийственен по отношению к своей жертве. Не будь тогда Люциана в лесу, ты бы погибла. Не будь вчера его в лесу, ты бы погибла.

— Что это значит?

— После того как ты прыгнула на камни, ты получила многочисленные травмы, которые были не совместимы с жизнью. Вот и кто просил тебя туда прыгать, м?

Я укоризненно взглянула на неё.

— Ладно, — она выдохнула, лежа свои руки на мои.

— Согласна, если бы я рассказала раньше, было бы проще, но моя мама, да и твои родители запретили мне. Все что мне было поручено приглядывать за тобой.

— Так, — я уже могла нормально мыслить, и я привстала, оголяя свои ноги и взвешивая их с кровати.

— Допустим что я поверила, а что дальше? Я все равно ничего не понимаю, например где я? Почему я до сих пор жива? И почему мои родители связаны в эту историю. И наконец-то, кто твоя мама?

— Ты в школе Архангела, в настоящей школе. Её скрывали чары Хлои. Она же и исцелила тебя. Твоя мама и папа входят в Альянс Нефилимов этого города. Скоро, как бы это не прискорбно звучало, тебе придётся проститься с ними на довольно большой срок, так как они переведутся в Небесный Альянс. Они станут ангелами.

— Что... — я потеряла переносицу.

— Моя мать — Зайза Ноллеглей, была помощницей Мэри — матерью нефилимов, но из-за твоей личности её сюда и сплывили, — она закатила глаза.

— Но видит бог, я этого не хотела. Без неё обычно жила, спокойно, уравновешенно...

— Ты пьянствовала и трахалась с каждым падшим, и даже с некоторыми блохастыми, Лиса.

Объявила Вудли.

— Да, ну и что? — Протестовала та.

— Это было лучше, чем слушать сопливые оправдания, что она не хотела меня бросать.

— Лиса!

Ноллеглей перевела свой взгляд на меня и продолжила:

— В общем, тебе придётся многое узнать, многому научиться. Но пока, все что тебе следует знать: это твоя комната, там вещи Питча, — она указала на угол, где стояли миска, и другие безделушки для моего друга. Школа как ты знаешь, состоит из трёх этажей. Мы на четвёртом. Тут вроде общежития для бездомных что-ль. В общем, — она встала и отправилась к двери.

— Вещи все разложены. Мы ждём тебя в общей комнате. И да... — она уже стояла в проёме, Вудли давно уже уделала ноги.

— Добро пожаловать в Альянс Архангела.

* * * * *

Солнечные лучи пробивались через тёмные шторы, создавая лесенки из солнечных лучей. Как только Лиса вышла, девушка закрыла двери и выдохнула. Неужели о том что она читала многие годы было правдой? Есть Ангелы, падшие, оборотни, нефилимы... Как же все странно.

Оголив все своё тело, Аматис почувствовала как лучи солнца играют на ее оголившихся ключицах. Боль пропала ещё минут двадцать назад. Теперь она чувствовала облегчение, но

не от того, что

узнала правду, а от того, что все еще жива. Взяв свои вещи из комода, девушка накинула на себя халат и вышла в коридор. Ноги были босы. Волосы взъерошены. А она продолжала идти тихо, почти беззвучно. Это был длинный коридор. Видимо, тут были большие комнатухи и в них было по шесть комнат с душем, общей комнатой, где находилась и кухня и гостевая комната и даже прихожая, в принципе, Амагис все устраивало, главное не в лесу. При одном только слове её кидало в дрожь и хотелось плакать.

Она приняла душ, оделась и вышла уже новым человеком. Вот только синяки пролегли так глубоко да тёмно, что казалось, Амагис явно наркоманка. Грязные вещи она выкинула в мусорку ещё в туалете, а уж потом направилась в общую комнату, как и сказала Лиса.

Неожиданно для самой девушки из-за угла выбежал Питч. Её любимый Питч! Её малыш! Собака кинулась на неё с радостным лаем, тем самым сбив её с ног и Амагис, упав на пятую точку искренне и радостно засмеялась. А тем временем Питч уже во всю облизывал её румяные от жара щеки.

— Питч!! — сквозь звонкий смех крикнула девушка и тогда обняла его так, что он повалился на пол вместе с ней и уже не смел дернуться.

— Мы вам не мешаем? — грозный тон Грегорна заставил девушку прийти в себя. Она при поднялась и отряхнулась.

— Мне нет.

Ответила она, как только на неё кинулась Реббека:

— Солнышко! Ты жива, — она взглянула в глаза дочери.

— И невредима... — прошептал отец и обнял своих девочек. Семья воссоединилась. Вот правда ненадолго.

— Будь поуважительней к Люциану, — прошептала мать дочери.

— Он тут заведует бойцами, он главный из тренеров.

— Я не буду ему подтыкать, мам, и ты это прекрасно знаешь.

Девушка села за стол ко всем остальным. Тут была Реббека, Адам, Вудли, Лиса, Хлоя и Люциан.

— Скажи спасибо Хлое за то, что ты до сих пор жива. Хотя ты могла и сдохнуть, чем ты думала когда прыгала туда!?

Зарычал знакомый раздражаемый всеми способами девушку.

— Но тут и твоя заслуга, Люц...

— Мам! Ты разве не слышишь как он со мной разговаривает!?

— Милочка, я тут старший по званию, и даже они подчиняются мне.

Такой поворот событий девушку несомненно выводил из себя.

— Ну так знай, — она встала со стула, насытившись этим разговором по горло.

— Я никогда, слышишь, никогда не стану твоей марионеткой, Грегорн. И уж тем более не буду благодарить твою подстилку.

— Прелесть... — прошипел он.

В этот момент, стакан в его руке лопается и вмиг разрезает кожу. Кровь начинает течь, а явно встревоженная Хлоя побежала за аптечкой, совсем позабыв, что ангелы исцеляются побыстрее ведьм и оборотней.

— Мне не хорошо, — соврала девушка и отправилась в комнату.

— И не нужно за мной идти, Мам, Лиса.

Девушка направилась в свою комнату. Такое ей явно не нравилось, такое ей не по нраву,

такое она ненавидела, даже в тех же книгах. Да никогда она бы не позволила собой овладеть, себя подчинить, как верную суку. Никогда. Стоило девушке только зайти в комнату, как Люциан хватается её за руку и швыряет в стенку, захлопывая при этом дверь и закрывая её на замок.

Аматис еле соображала, встреча её головы и стеной была весьма болезненной.

— Двери я закрыл, не пытайся убежать от меня.

— Да пошёл ты.

Грубо ответила девушка, за что была вознаграждена взбешенным взглядом Люциана. Она возненавидела его ещё больше. И чем больше он так делал, тем сильнее росла ненависть к этому человеку.

— А теперь, послушай меня и не веди себя как сука.

Хрипло приказал парень. Но не тут то было.

— И кто это мне говорит? Наш местный казанова? Кабель-изменщик. Что, — девушка явно играла с огнём.

— Не нравится, как я с тобой говорю? Ну так ударь. Почему нет? Может легче станет.

— Не буду я об тебя руки марать. Возомнила о себе героиню боевика, за которой бороться, вот только тут тебя никто не защитит. Разве что только Лиса, и то, она подохнет на первой минуте.

Это Аматис выдержать не могла и Люциану летит пощёчина. Он хватается её за руку и зажимает её наверху.

— Не смей прикасаться ко мне, грязная шалашовка!

Но почему? Почему именно на этой минуте она решила пролить слёзы? Почему именно на этой минуте она возненавидела его больше всего на свете и кинулась на него, за что и поплатилась...

Она вырвалась от рук Люциана и тогда её гнев вырвался наружу. Она с новой волной боли ударила его в нос, Люциан же в свою очередь ударяет её по щеке и Аматис отлетает. Почувствовав что-то неладное Питч начал скулить и царапать дверь.

— Ублюдок!

Крикнула Аматис, сплевывая кровь.

— Да, ты знаешь о верности, дружбе. Да, ты прав, никто за меня не заступиться. Я знак это. Мне придётся обороняться самой, и я сдохну, но буду знать, что это я сделала сама. Потому что я никогда не знала что такое простая поддержка. Да, ты прав Грегорн, ты абсолютно прав!

Она подошла к косметичному столику и взглянула на своё отражение. Он разбил ей губу. Стекала кровь и Аматис взяла платок, что лежал с правой стороны от её правой руки и вытерла кровь. Который раз он делает ей больно?

Она взглянула в глаза парню.

— Ну почему...

Он протяженно вздохнул её запах как только приблизился к ней слишком близко. Он вдыхал запах корицы и мяты, он дурманил парню голову.

— Ну почему ты словно магнит для моего поехавшего дедули и папаши?

— Что?

Девушка жадно вглотнула и отвела от него взгляд. Она чувствовала как он касался её, а его дыхание обжигало кожу. Больной ублюдок.

— Ах, твоя подружка тебе не сказала?

— Не сказала что?

Миг, и её глаза смотрят прямо в бездну двух.

— Люцифер мой дедушка, а Люциан первый — папаша, который так и жаждет с тобой встречи. Вот только что ему от тебя нужно? Явно не секс, ты не в его вкусе. Что ты от меня скрываешь, чертова девчонка!

* * * * *

Он словно озверел в тот момент, когда я смотрела ему в глаза. Он смотрел на меня с нескрываемой жадностью, животной похотью. Его я не переносила на дух. Я его ненавидела. Как же он меня бесил. Руки парень держал при себе, а это означало, что он меня тоже ненавидел.

— Я ничего не скрываю от тебя.

— Пожалуйста, скажи мне и все это...

Он не успел договорить, потому что в комнату врывается взбешенный папа и с нескрытой злостью смотрит на Люциана.

— Ты что, била его?

Погодите, что? Это я... Вот же сукин сын.

— Нет, с чего ты взял?

Холодно отвечаю я отцу.

— Тогда почему у него кровь на воротнике?

— Это он...

Но я сразу же одергиваю себя и вспоминаю: Ангелы имеют такую способность как целить и исцеляться сами. Я же сама убрала следы своей разбитой в порыве злости, губы. Вот же падла.

— Уходите с моей комнаты.

Вырывается у меня из уст. Я не хочу больше никого видеть, не сейчас. Слишком сложно, слишком трудно.

— Что?

С удивлением спрашивает отец.

— Убирайтесь вон! Все!

Я села на кровать, и как только собрался выходить Питч, я сказала:

— Нет мой дружок, вот ты остаешься.

Питч, радостно виляя хвостом запрыгивает ко мне на кровать, я встаю и подхожу к двери.

— Ну и какое этому есть объяснение?

Разгневано спрашивает Старк.

— Все просто Вудли, — я беру в руку дверь.

— Тут остался лишь тот, кому я доверяю.

Я захопываю дверь прямо перед ней и ложусь с Питчем под один кров, который я буду делить, будучи даже ни с чем.

После того как я узнала, что моя единственная и лучшая подруга нефилим, а мои родители почти что ангелы, я сошла с ума. Меня дергало всю ночь. Снились сны, что я убиваю вновь и вновь. Страшно каждый раз, когда ко мне стучался в комнату Люциан и угрожал, что если я не явлюсь на уроки, он меня расчленит.

Теперь все поменялось. Все тайны раскрылись. Я все узнала. Нил и Эшли были бойцами и главное замужней парой. Хлоя — ведьма. Про остальных вам и так все известно. Так же

меня определили на первый курс, там мы будем проводить больше всего времени в тренировочном зале, где уроки нам будет преподавать Люциан.

Так же я узнала, что кроме нашей школы, есть ещё парочка. В Альянсе рассматривают такую идею как обмен учениками. Ну или есть способ проще: свалить отсюда как можно дальше. Как можно быстрее и как можно глубже от всего этого, от ЛордВулф, от Люциана. Родители скоро отправятся в Небесный Альянс, под небесный свод настоящих ангелов, что буду следить за нами. Вот тогда-то я и собираюсь порвать свою связь с отцом и матерью. Вот тогда я заживу свободной и полноценной жизнью. Жизнью человека, а не нефилима. Ну а пока, я вспоминаю рассказ Лисы.

Этой девушке семнадцать. Она старше меня лишь на год. Люциану восемнадцать и это лишь по меркам человека. По меркам Небесного, ему около, наверное, двухсот лет. Хотя чёрт его знает. Ну, в принципе это выражение имеет свой смысл, потому что черт его точно знает — он ведь его родной дед, как ни как.

Облачение у этой школы было разное. Для первого курса — синее, для второго — тёмно синее, для третьего — чёрное. У девушек это были обтягивающие штаны, и майки. Весь комплект я не рассматривала. Но вот второй вариант я рассмотрела. Это были шорты из кожи. Топ и сверху свободная футболка и все это синее. Обувь тут была одна — бойцовские сапоги. Здорово, не так ли?

Старк теперь будет вести у нас правильное произношения заклинаний, поэтому это я точно буду прогуливать.

Гарисон — он же Пол Гарисон, Эйидл — она же Зои Эйидл, и наконец Локки — он же Николас Локки туда же. Поэтому учиться у меня не было желания. Я жду как бы побыстрее свалить с этого Поршлейда. Главное найти деньги, штат и дом. И самое главное не попасться нашему Ублюдку-Люциану, иначе, он либо покрошит меня себе на салат, либо скормит любимцам своего дедули — Церберам.

Вы сейчас наверняка задаетесь вопросом, почему же я, любительница легенд и всякой нечисти пытаюсь сбежать от неё. Я никогда не говорила, что восхищалась нефилимами. Никогда не говорила, что восхищалась Ангелами. Мой единственный любимчик это Михаил.

Все что умеют нефилимы, падшие и остальные так это убивать. Они идут сеять добро, но прежде сеют хаос. Они верят в то, что они делают мир намного лучше, не подразумевая, что мир справиться без них. Без них будет намного лучше. Да и где такое видано, что нефилимы присоединили к себе ведьму, ангела, волка в конце-то концов! Весь сброд. Даже волчонок — Джим имеется. И все как один на побегушках у Грегорна.

Вот тут-то я и увидела истинную сторону этого человека. Тут я и увидела всех, в их настоящем облики, и с делала вывод:

Лучше бы я находилась в неведенье все оставшиеся годы. Потому что тут мне явно не рады. А я не рада им. Потому что тут я чувствую себя не в своей тарелке. Я привыкла быть всегда сама, и чересчур много внимания отразиться на мне не самым лучшим образом. Мне не хочется видеть, чувствовать ломающуюся меня вновь. Не нужно мне это, да и я не хочу.

Я лежу уже тут около недели и трёх дней. Я не ем и никого не пускают к себе в комнату. У меня забрали Питча, хотя я слышу часовые серенады лая у меня под дверью. Не я его не пускают, а они.

— Открой дверь, Аматис.

Прорычал знакомый и грубый голос, чуть хриловатый. Чуть пьяный. От него несло даже за дверью и даже у кровати.

— Пошёл вон. У тебя есть своя комната, Грегори, вот там и спи.

— Будь моя воля, я бы прямо сейчас вырвал из петель твою дверь, — он стукнул в дверь кулаком и шептал:

— Но, ты, сука, ещё нужна Небесному Альянсу. Быть может, если я немного изменю тебя...

Я чувствовала его животное дыхание. Мне становилось жутко страшно.

— Немного подпорчу, но поверь, оно того стоит...

— Вали к себе. Там у тебя есть Хлоя. Вот и отыграйся на ней. К чему мне твой пьяный бред слушать?

— Да какой толк в том, что я трахаю её, если все равно, мысленно я трахаю тебя во всех изошеренных позах. И я уверен, тебе там очень и очень нравится...

— Иди проспись, Грегори.

Это было последнее, что я ему сказала, прежде чем он что-то прокричал бранью и отправился спать. Ещё минут пять и за стенкой послышались вопли и стоны.

Вот в этот момент все изменилось, его просто вывело из строя. Он напивался, и напивался и приходил, что бы обратить меня сукой и шлюхой. Он ненавидел меня, а я ненавидела тот день, когда встретила его, когда позволила ему касаться меня, когда впустила на порог моего дома. Крыльца... Совсем не важно.

Мне вовсе не хотелось приходить к нему на уроки, знакомиться с новым коллективом, сливаться с ними. Не хочу, не буду, не могу.

Этим днём я наполнилась по горло. Люциан уже уснул, а значит, что я смогу забрать Питча и лечь спать. Так я и поступила. Найдя друга в общей комнате, я взяла его за ошейник и притащила в комнату. Он так ждал этой встречи, так хотел наконец-то уткнуться в лицо любимой хозяйки и засопеть.

Как только мы оказались под тёплым касанием одеяла, мы с Питчем смотрели долго на друг- друга и так продолжалось совсем не долго, потому что в скором времени мы вдвоём, просто вымученные днём отдались свободному и спокойному сну. И даже там меня мучали кошмары.

Глава 10 "Запретный яд имени"

Противный звук чего-то маленького прозвучал около моей головы, за что я скидываю его на пол. Звук прекращается и только тогда, я открываю глаза и смотрю на то, что уронила. Чёрт! Будильник.

Сегодня я "просто обязана" пойти на учёбу, так говорит мама. Но я никому ничего не обязана, возможно я и одиноличница, но а у них достаточно много скелетов в шкафу. Кто знает, что у них там ещё, может космическая чёрная дыра? Кстати о дырах. В последние три дня, Люциан дал отбой своим пьяным прохождением ко мне к двери, тут что-то явно на него подействовало. Либо тяжела рука Лисы, либо нытья родителей, либо долгие цитаты Хлои, что он явно мне уже поднадоел. Склоняюсь я к первому и последнему. А хрен знает, что у этого дьявола в голове. А может в голове у него и вовсе ничего и нет...

Встав с кровати, я поплелась сонными шажками к ванной комнате. Питч благополучно повернулся в мою сторону и высунул морду из под одеяла. Сначала он посмотрел на будильник, а потом положив голову на лапу осуждающие на меня. Я взяла полотенце и вскинула руки:

— Что? Он слишком близко был возле меня, ты знаешь, — я открыла дверь ванной

— Я ненавижу слишком внезапные появления и громкие звуки и да, — я уже стояла в ванной.

— Доброе утро, медвежонок.

Как только я оказалась под струями тёплой воды, то окончательно проснулась. Все болезненные напоминание о моём неудачном полёте в недр водопада исчезли и мытье своей шкурки у меня происходило на уровне более приятного, сем болезненного ритуала.

Выбравшись из ванны, я включила фен и высушила волосы. Затем собрала из в виде пучка на голове. На губы я нанесла свою любимую тёмную посадку и вышла с душа. На мне было полотенце в тот момент, когда дверь моей комнаты закрывается и в неё сваливается Лиса с довольной ухмылкой.

— Мне казалось, что у второго курса сегодня что-то вроде посвящения в наставники первых, нет? — спрашиваю я, при этом скинув с себя полотенце и направляясь к комоду. Даже Питч прикрыл лапами глаза, а Лисе хоть бы хны. Она уселась рядом с псом.

— Так и есть, — кивает она, тем самым подтверждает мои слова.

— Но мне это не нужно, — Лиса откидывается на локти и смотрит на меня как на жертву.

— Ну да... — мысли в слух.

— Все же некоторые синяки так и не прошли, как бы не старалась Хлоя, — подметила подруга всматриваясь в мой бок.

— Может отдохнешь ещё? Ты только подумай, ударят тебя при борьбе в ребро и ты загнешься как ветка.

Я и без того прекрасно знала это, но я лишь отвечаю:

— Нет, нельзя Лис, я и так много пропустила. Тем более, — я села рядом натягивая новые сапоги на небольшой платформе.

— Грегори меня убьёт, узнав, что и на этой неделе я не приду.

— Это да... — Лиса встаёт с кровати, потирает затылок, при этом усаживаясь на стул, где, казалось совсем недавно сидела Вудли, и посмотрела на меня своими ярко

выраженными золотистыми глазами с карими крапинками возле хрусталика. Завораживающе красиво.

— Не понимаю, — качает она головой.

— Как ты терпела все то, что он высказывал тебе?

— Не знаю, — пожимаю я плечами.

— Быть может, потому что это был пьяный бред, шизанутого бойца? Давно его в голову били?

— Совсем недавно, вроде на той неделе разочек и прилетело...

Мы с Лисой захохотали, а Питч недовольно фыркнул.

— Все, все, медвежонок, уходим, а ты спи.

Я наклонилась и чмокнула его в лоб, затем мы с подругой вышли в коридор, тихо прикрыв дверь за собой. Нужные вещи уже были в моём рюкзаке. Из-за дождя, мне пришлось надеть штаны, майку и куртку облачения первого курса.

Мы вышли с комнаты и пошли на первый этаж школы.

— Так почему ты со мной?

— Присматриваю, что бы Люциан тебя не выкинул в ближайшую яму и не закопал живьем.

Я тяжело вздохнула.

— А он может? Он же ангел.

— Ну и что? — шипит Лиса.

— Он может это сделать, потому что ты особенная... Даже понять толком и не могу, да и мне не особо много рассказывают.

— Меня начинают раздражать эти секреты. — сквозь зубы отвечаю я и продолжаю свой путь.

— Меня, несомненно тоже, но у меня и самой-то много секретов.

Ничего не ответив на это я спустилась с последней ступени и подошла к стенду где висело моё расписание.

— Ну отлично! — восклицаю я и поворачиваюсь к Лисе.

— Уроки боя. Мистер Люциан Харон Грегорн. Кабинет 98. Ну просто обалденно, — я быстрыми шагами ухожу обратно в общежитие, как Лиса меня останавливает:

— Ну и куда ты, м? Боишься его?

— Так же как и ты.

— Ты намного сильнее, ты выдержишь. Ты стальная баба, Агатис, иди, а мне пора к Вудли.

Она помахала мне рукой и скрылась где-то в глубине школы. Я же отправилась искать кабинет Мистера Грегорна.

— Наконец-то рассказали нашему ангелочку, какого она сорта, — я вижу улыбающегося Джима, который встаёт рядом со мной. Я нашла кабинет Грегорна, и влилась в коллектив моего потока.

— Не знала, что оборотней берут в няньки, — недовольно кошусь на него я. Он хрипло засмеялся.

— У меня не было выбора, Лиса бы меня убила бы. Так что, считай, пока она не найдёт мне замену, я буду вторая Вудли Старк.

— Ага, — говорю я переминая ноги.

— Только побольше и массивнее. Я думала, — меняю я тему.

— Что волки бегают стаями.

— Так и есть, — я замечаю в его голосе нотки тоски.

— Я состоял в стае, а стая, как правило была кланом.

— Ну и где они? — не могу я вовремя остановиться...

— Я покинул их, как только узнал о смерти моей сестры.

— Ох...

Вздыхаю я, мне было его жаль. Хотелось взять его за руку и обнять.

— Но ничего, — он улыбнулся, но не в глазах была эта улыбка.

— Я справился, к тому же, меня приняли сюда, это замечательно.

— Жить бок о бок с нефилимами, зная, что они в любую минуту могут прирезать тебя, пока ты спишь? — удивленно спрашиваю я.

— Между нами нет никаких разногласий, я имею в виду нижних. У нас нет разногласий с детьми ангелов, тем более у нас общий враг — Лорды.

— Что ж...

Я хотела только ответить, но в класс входит учитель борьбы. Запах грозы, дождя и мокрого асфальта ударяет мне в нос со скоростью света. Я старалась не замечать его въедливого взгляда на моей сущности и повернулась к Джиму.

— Он это явно не одобрил, — хмуро говорит Ньютон, а за тем расплывается в широчайшей улыбке.

— Продолжай в том же духе и он лопнет от злости и жуткого негодования.

— От куда ты знаешь? — почти шепотом спрашиваю я.

— Я чувствую это. Не забывай, я же, вроде как охотничьего пса.

— Да уж.

Я улыбнулась в ответ.

— Но как бы мне не хотелось его загрызть, — продолжает парень.

— Не смогу, так как этот тип спас тебе жизнь тогда, на водопаде.

Сердце начало стучать быстрее, ноги стали ватными. Напоминание того дня для меня слишком болезненно, и этот запах...

— Тише, тише, — Джим кладет руку мне на плече, что бы помочь справиться с этим припадком.

— Эй, голубчики, у нас тут не клуб для всех влюблённых.

Сзади нас раздаётся рык и мы оба разворачиваемся. В нашу сторону смотрят две черные взбешенные дыры. Мысленно улыбаюсь, хотя я до мурашков боюсь его, но пытаюсь не показывать, тяжело всматриваюсь и встаю в строй.

— Три круга вокруг стадиона, а..

— Как это вокруг стадиона?

Мигом перебила я.

Я взглянула в окно, шёл дождь.

— Там ведь дождь.

Повторяю свои мысли, теперь вслух.

— А вам, — он подошёл ко мне в притык. Запах ударил ещё сильнее, да что ж такое! Заткнуть бы мой нос к черту! Стало трудно дышать.

— Мисс Родсвилд, пять. А теперь все на улицу, живо!

Скомандовал ангел.

— Зашибись, — злобно шепчу я, идущему рядом со мной Джиму.

— Засранец ещё тот, — отвечает мне друг.

— И давно он тут припадает?

— Этот сущий дьяволенок?

Бровь Ньютона выгибается, голубоглазка смотрит на меня. Я киваю.

— Может с месяц как.

— И уже присвоил себе статус главнокомандующего всем человеческим миром?

Злость кипит в моих венах, как вода, которая закипает при температуре ста градусов, вот только мой гнев не испаряется.

— У него это в сущности, ангел.

Отвечает парень, и мы выходим из кабинета.

* * * * *

" Изверг!" — кричала про себя девушка, как только вышла на улицу. Все стояли как истуканы. Дождь полил ещё сильнее, на зло всем. И сдалось ощущение, что мистер Грегор делает это нарочно. Все стоят и ждут команды Люциана, когда же им выбежать. Ослушавшись всех и вся, Амагис целует Джима в щеку, в знак благодарности, что он её поддержал и выбегает под ледяной поток нескончаемых капель, которые заливали глаза.

Амагис уже слышит, как недоволен её учитель и с улыбкой на лице продолжает бежать. Бежать становиться тяжелее уже на пятой минуте бега, когда уже вся одежда промокла насквозь. Губы девушки уже посинели. Она замечает только что пришедшую Лису, которая о чем-то спорит с Люцианом. "Осталось ещё три" — мысленно считает девушка и продолжает бег.

Дыхание слилось уже тогда, когда девушка закончила бежать и присоединилась к подруге.

— Ублюдок! — кричит Лиса и кидается на ангела, он де стоит непроницаемый. Джим держит девушку.

— Эй, тише ты, что случилось?

Спросила девушка выжимая свой хвост.

— Он не имел права тебя вытаскивать на улицу. Я забирают тебя с занятий. Ты была права, не стоило тебе сюда идти.

Тут оживляется, казалось статуя и глаза его далеко не были доброжелательными. Как и всегда, вовсе никаких изменений.

— Ты не забереешь её, Ноллеглей, иначе мне придётся доложить о снятии с должности наставника Амагис, а ты — он перевёл взгляд на Джима.

— Знай своё место, и никто не пострадает.

" К чему это было сказано? " — подумала девушка. Но промолчала. Люциан пошёл внутрь, а за ним все остальные.

— Если бы не твоя слабость к чужим членам Лиса, ничего бы этого не произошло.

Рычит Джим, тыкая в неё пальцем.

— Осторожней Ньютон, — говорит она, сквозь зубы.

— Я ведь могу и отрубить этот палец, а как известно, пальцы у волков не отрастают.

— Так почему же ты не рассказал Амагис, что трахалась с Индиго?

Амагис кажется знакомым то имя. Это главный с той стаи, с клана ЛордВулф. Она не знала, он ли был или нет, но его взгляд был похотливым в сторону Лисы, тогда девушка не предала этому значение, а теперь...

" Ты пьянствовала и трахалась с каждым падшим, и даже с некоторыми блохастыми,

Лиса. " — тогда сказала Вудли сидя на стуле подле комода и окна. Быть может, в списке этих "ухажеров" был и Индиго. Вот только в голосе Джима звучит далеко не обида, а ревность. Заметила ли её Лис?

— И почему не рассказала, всю правду, о спасении Ааматис?

Продолжал парень.

— Когда ты упала, — продолжил он, глядя на меня.

— Ещё слово, Ньютон, и я тебя лично придушу!

Закричала Лиса.

— Лис, — подруга посмотрела на неё.

— Не нужно. Джим, — Ааматис перевела взгляд на парня.

— Продолжай.

— Так уж вышло, что ты приземлилась именно на камни. Довольно рельефные.

Девушка закрывает глаза пытаясь вспомнить все то, что было после приземления. Ничего. Пустота. Сердце екает, только от чего?

— Ты сломала себе пару ребер. Одно из которых пробили тебе лёгкое.

И тут она понимаю, что тот синяк и вовсе не синяк. Это гематома, полученная при падении.

— У меня было внутреннее кровотечение, — продолжает холодно она.

— И как правило, с такими симптомами не выживают.

Заканчивает и прикрывает глаза, делает глубокий вдох и тихий выдох. Все спокойно Ааматис.

— Матс, все в порядке?

Девушку приводит в чувство голос Лисы.

— Да... Урок!

Девушка вспоминает злую мину Люциана и буквально летит на верх. В приёме она сталкивается с мисс Ноллеглей и своей матерью. Неодобряющие взгляды сыплются на Люциана. Но ничего не выговаривается его персоне.

— Ааматис, ты немного опоздала.

Размеренной оповещает мисс Ноллеглей, девушка кивает и проходит, снова становясь в строй.

— Стоит выделить три цели при нападении противника. Первое — его движения; анализируйте его, раскрывайте его тактику. Второе — быть на стороже; никогда не поворачивайся спиной к противнику, и третье, — Люциан повернулся к окну, свет упал так, что над его головой фактически был виден нимб, или же это были рога?

— Если вы не криворукие олени, то никогда не уроните свое оружие. С чего мы собственно и начнём. Выберите оружия.

Он раскинул руками и только тогда, Ааматис обратила внимание на все оружие, что висели там, некоторые она знала, а некоторые нет. Арбалеты, винтовки, пистолеты, ножи, клинки, луки, мечи... Всего так много, и это далеко не все, что там было. Одновременно и страшно и завораживающе.

Первая из всего строя двинулась Ааматис. Все внимательно следили за её движениями, что она выберет — вот что важно. Неожиданно для самой себя, девушка останавливает свой выбор на застекленном луке. Оправа лука была черной, тетива имела белый цвет. Этот цвет у девушки ассоциировался со смертью. Лук явно создан не для божественного, девушка почувствовала это, но не остановилась и смотрела на стрелы точно такого же цвета и

колчан. Внезапно, девушку охватило чувство взять его, прижать к себе, или же наоборот, натянуть тетиву и выстрелить. Хотя она и не умела стрелять. Ей хотелось. Желание такого охватило ее сильно, и крепко засело в душе. Неоспоримый факт того, что она может прямо сейчас взять его и выстрелить сверлил ей голову. Что же он так действует на нее?

Одним разом Ааматис делает безрассудную вещь и разбивает стекло кулаком, быстрый маневр, она хватается лук, поворачиваясь на сто восемьдесят градусов и выстреливает прямо в цель.

— В яблочко!

Радостно кричит девушка, явно не понимая, почему на нее так смотрят, а Люциан вовсе зол как никогда прежде. С руки стекает кровь. Осмеливается к ней сейчас подойти только Лиса. Она опускает руку Ааматис и серьезно заглядывает ей в глаза:

— Зачем... Ну зачем ты всегда поступаешь бестолково! Ааматис, ну что же ты за человек...

Девушка начинает кипеть от ярости не понимая, почему на нее смотрят, будто она убила стадо оленей голыми руками и вырвала их сердца.

— Что я сделала не так? Он сказал выбрать оружие, я выбрала.

— Да, — она переходит на шепот.

— Вот только, это оружие принадлежало Люциану. Это небесный лук, скованный лучшим небесным кузнецом. Вот поэтому он был в стекле. Он был его.

— Я...

Девушка запаниковала, ладони вспотели, биение сердца участилась, что делать!

— Я его положу...

— Нет, — Лиса останавливает ее рукой, дополняя предложение:

— Он был его до того момента, пока ты его не присвоила себе "Заветным выстрелом". Теперь он твой, до тех пор, пока кто-то другой не присвоит его себе. Но такого глупца ты не найдешь.

— А может..- замешкалась Матс.

— Нет, присвоить его можно лишь один раз. Люциану он больше не принадлежит.

Тогда последнее, что она услышала, прежде чем упасть в обморок, слова Грегорна о том, что он никогда не простит ей украденное у него на глазах его же оружие. И это стало причиной войны между ангелом и девушкой с ангельским луком. И оба они были загадкой для всех.

* * * * *

Между ней и матерью повисла тишина. Эта тонкая нить держала все эмоции Реббеки, но половина из них уже ушла в глубокий путь в разум девушки. После происшествия, мать Ааматис кинулась на Ноллеглей и неустанно повторяла одно за другим — и слова эти были не для детей. Она орала на Аадама, на саму Ааматис, на Грегорна, да на всех.

У девушки до сих пор стоит звонкий, отчетливый крик матери. Крик безвыходности. "Если бы я не доверила, не поверила! Вам дочь... Моя бы дочь была сейчас нормальной, но нет же, нужно выставить свой гребанный лук на обозрение всех и вся! Да вы подвергли всех опасности, зная как он привлекает нефилимов вы оставили это на самом видном месте. Чертовы умники! Теперь не только она проклята, но и я! Я мать проклятого ребенка. Только Люциферу и Люциану первому знакомо это чувство. И вот поэтому их свергли в ад, они делали лучше и я буду делать лучше! Я буду вытаскивать ее из этого дерьма!"

После совета, мать затащила девушку в комнату для беседы. Бубнив то же самое, что и

говорила в коридоре, общей комнате... " Звезда Люциана пробьет тетивой твое сердце и оно как сам хозяин, обретет темноту". От голоса Ребекки у девушки кровь стыла в жилах. Мат явно была в ужасе. Что же делать? Как быть?

— Ну скажи мне хот что-то!

Ребекка вновь кричит дочери, тем самым возвращая ее к реальной жизни.

— Зачем ты это сделала!

Она требовала ответ. Руки от ее зажимов ужасно болели, а кожу жгло, казалось вот-вот и похлещет кровь, но Амаитис старалась держаться.

— Если бы не твои тайны, мама, — начала девушка. Мать с опаской смотрела на девушку.

— Если бы вы были со мной рядом в момент моего взросления. Если бы вы не отдалялись с каждым днем от меня, то я бы не приняла такого решения. Но так уж вышло, что решения я привыкла принимать сама. Вот плоды твоей скрытности — ты их и пожимай.

Девушка встала и вышла из комнаты громко хлопнув дверью. Оставив мать со своими мыслями наедине.

Злость жгла ее сердце до боли в душе и в висках. Амаитис выскочила на улицу так же внезапно, как закончился дождь. У нее в руке уже был ее лук, одежда не до конца высохла с того момента, когда она была тут в последний раз. Совсем недавно.

Она направилась точно, куда задумала еще находившись в зале для борьбы. В кабинете мистера Грегорна. Она шла к манекенам, которые находились по среди поля. Не обращая внимания на слякоть, грязь и лужи, девушка шла настолько быстро, насколько позволяла одежда, которая вовсе не удобно сидела на теле девушки. В метрах десяти от манекена, она кидает лук и колчан на землю и продолжает свой путь.

— Ну и что ты задумала? — грубый мужской голос раздается из-за спины Матс. Она останавливается от пяти метров до цели и резко разворачивается на каблуках.

— Не твое дело, — так же грубо отвечала она. Стойко смотря ему в глаза. Он, казалось, ее сейчас испепелит.

— Серьезно?

Она усмехается, глядя на лук, который направлен против нее. На Люциана, что натянул тетиву. На его руки. Бог... Казалось всем девушкам, и лишь Амаитис он казался ублюдком. Еще с первой ночи, когда он хотел отыметь ее.

Она вопросительно приподняла бровь и вскинула руки в верх, в знак капитуляции.

— Я тебя не боюсь, Грегорн и положи...

Он стоял ровно. Прямая спина. Дыхание ровное, тетива натянута до подбородка. Он стоял боком. Сердце ушло в пятки, когда он выстрелил Матс в руку. Мгновение — выстрел в другую.

Она прикреплена к манекену двумя руками. Не совсем осознав все то, что произошло, она взглянула на руки. Поле оглушил девичий крик, в котором выразалось явное страдание. Боль скребла по костям, тело ломило, а перед глазами уже плыли черные точки.

— Так и распинали Иисуса на кресте, — он вытер большим пальцем слез и закрыл рот рукой, что бы Амаитис не смогла еще раз пронзительно закричать. Кровь тонкой струей стекала по руке и одновременно затекала в рукава.

— Знаешь почему я это сделал? Потому что теперь, когда ты у меня отняла оружие, я готов убить тебя. И плевать я хотел на то, что ты нужна ому-то из Альянса. Ты добилась моего гнева.

Он наклонился к уху и прошептал:

— Тебя никто не услышит и не попытается.

Страх одолел все иные чувства. Глаза жгло от слез и пелена из них мешала отчетливо видеть Люциана, хотя она и так знала, что там и кто... Он все еще держал руку на губах у Аматис. пока она теряла сознание. Она пыталась преодолеть это, но ни как не выходило, пока в разуме Люциана не послышался еле слышный голос девушки:

"Он выбрал меня". Глаза парня округлились, он словно не веря своим ушам и собственному разуму говорит:

— Повтори.

"Я потеряла контроль сильнее всех, я чувствовала его силу, во мне, он выбрал меня!"

Люциан убрал руку с лица Аматис и она тут же упала на траву. Больше не чувствуя боли. Все прошло и она взглянула на отдаляющийся силуэт. Она протянула руку и лук который лежал поодаль оказался у нее в руке. Встав с земли она прицелилась и — выстрел. Так второй, третий и не один не попал. "Да что такое!" — кричит разум Аматис.

— Молодец, стрелять ты умеешь, — констатировал парень.

— И на том спасибо, но мы конечно же не берем в счет, что ты чуть не убил меня!!!

Она кинула рук на землю.

— "Чуть"

Повторил он словно эхо.

— Ты пустил мне в руки стрелы!

Словно не слыша его кричала она.

— Ты отняла у меня мое оружие... И время, я ухожу.

— Теперь, — продолжала девушка, даже не обращая внимания на его движения. Она знает, еще минутой и он точно остановится.

— Когда я вижу внука самого дьявола и матери нефилимов, я задаюсь вопросом, ну почему он пошел божественной красотой в бабушку, а характером... Ты унаследовал лучшие качества. но не для людей. Для ада.

Он, как и предполагала девушка остановился. Но не повернулся.

— Ты похож на нее. Как же я раньше не заметила схожести между вами, — размышляла девушка.

— Но когда придет время и меня спросят; что хуже самого дьявола, я отвечу — его внук.

— Скажи мое имя, — прошептал он, вот только Аматис смогла услышать это отчетливо.

— Никогда, — решительно отвечает она.

— Может ты и ангел во плоти, но в душе ты дьявол.

Это были последние слова прежде, чем девушка скрылась в глубине дома, а Люциан ушел в пустоту.

Глава 11 " Младой сон девы "

В тот день, который был совсем недавно. Я чуть не произнесла имя Люциана, я впервые за все время, сказала, что никогда не произнесу этого имени в слух, хотя, в своем разуме я произношу его около миллиона раз в день. Еще вчера у меня было желание назвать его по имени, этого ангела, даже когда он заставил всех нас бегать под дождем, я хотела сказать ему саркастический ответ, что бы окончательно разозлить его, даже если я боялась Грегорна. Но когда он запустил мне в руки стрелы, я категорически не хочу произносить имени этого ушлепка. "Никогда" — наверное эти слова глубоко засели у меня в разуме. Так оно и надо, так должно быть.

В таком состоянии я провела еще два дня взаперти своей комнаты вместе с моим лохматым другом. Видеть Грегорна я не хотела, хотя и слышала его шаги, его голос, его вздохи. Каждую ночь, и каждый раз, когда он проходил мимо моей двери, или когда слишком близко находился к моей стене. Больше я не слышала стонов Хлои. Возможно, она пришла в разум и избавилась от плены любви и поняла, что он законченный алкоголик, даже если он и ангел. Ангелы выпивают больше людей. Ангелы-алкоголики. Единственными моими движениями были шаги от кровати, до миски Питча и обратно. Лиса не понимала причины моего резкого безразличия к учебе. Вудли приходила забирать Питча на прогулку и обратно. В моей комнате трижды на день бывает Страк, Ноллеглей и Ньютон. Родителей не пускаю. Не хочу снова слушать мамины нотации. Все думают, что причина моего поведения из-за лука. Частично, еще вчера, мне было не наплевать, а сегодня мне фиолетово. Ну проклята и что? Я, считайте, всю жизнь была проклята. Сегодня Старк грозилась вынести мою дверь, а Джим выкинуть ее в окно. Открывать им вечером я и вовсе не собиралась, поэтому легла спать.

Собиралась ли я выходить и сегодня со своей спальни? Нет. Собиралась ли Лиса воплотит в реальность угрозы Старк? Да. Итог: шесть часов утра. Выбитая дверь. Злая Лиса Сонная я. Оскалившийся Питч. Натация от Лисы началась...

— Так, хватит, — я прервала двухчасовую нотацию Лисандии и схватив вещи с полотенцем, пошла в душ, но даже туда Лиса проводила меня туда.

— Наконец- то решила себя привести в человеческий вид?

Рычала подруга.

— Да нет, — холодно отвечаю я и захожу в ванну.

— Просто запашек не из приятных.

Я закрыла дверь прямо перед носом Лисы и залезла в ванну. Двадцатиминутные процедуры в ванной привели меня в почти адекватное состояние и оделась в обычную одежду. Она пахла стиральным порошком и духами Лисы. Наряд на мне сидел чуть мешковато. Почти две недели не есть, почти не спать, а думать, как бы побыстрее уехать с этого штата, города, страны. Но вспоминая все проблемы, что свалились на меня как снег в середине июля, мне остается только закрыть глаза и думать что их нет. Но так проблему не решить. Клан, нефилимы, ангелы, Люциан... господи, да еще эти тренировки, что он ведет. А я ведь была на одном единственном уроке — на его. Некоторые косились на мне, задаваясь вопросом, новенькая ли я, или та девушка, что просто явилась без приглашения. Хотя какая мне разница до их мнения? Вот именно, и из-за своей грубости у меня нет друзей. Кроме Лисы и Ньютона, да как они меня все еще терпят?

Как же все-таки приятно ощущать теплую ткань на своем теле, а не нижнее белье, в котором я пробыла два дня. Как я уже и говорила, в комнате я сидела два дня. Что я делала одна в комнате? Читала. У меня этих книг пруд в пруди. А Питч недовольно фыркнул от кошмаров, но я гладила его по спинке и он так же сладко засыпал.

Стоило мне только выйти из душа, как на меня взглянули те самые ненавистные мне глаза. Он стоял подле своей комнаты. Руки в скрещены на груди, а взгляд далек от реальности. Лицо мрачнее тучи. Ждет Хлою. Она ходила на курсы к правильному произношению заклинаний к мисс Вудли. Хотя она и нефелим, а вот греческим она владела просто превосходно. Так же латинским, русским, французским и кажется польским. Я уже давно не смотрела на него, передо мной возникла Лиса, а Грегорна и Хлои след простыл, словно они были видением. Мимолетно пролетели мысли о записках. Кто же все-таки подкладывал мне эти записки, неужели волчата? Как только я оказалась в Альянсе, то мои опасения не уменьшились, а наоборот. Вдруг, это кто-то из этих людей, что смотрят на меня каждый день. Побыстрее бы уехать...

— Ноллеглей, — обратилась я к подруги, мимолетно взяв свои ключи от машины и рюкзак. Я больше не могла находиться тут, мне нужен был свежий воздух, мне нужны люди. Чужие. Которые не обращают на меня никакого внимания и бегут по своим делам.

— Не нужно сторожить двери моей комнаты. Для этого у меня есть Питч.

— Ха-ха! Нихрена не смешно, куда это ты намылилась? А хотя знаешь, не важно, — она хватает свою куртку и выходит вместе со мной.

— Я все ровно иду с тобой.

— Нет, со мной никто не идет. В магазин я сама в состоянии съездить.

Мы спустились на первый этаж. Слишком громко. Я направляюсь к своей машине.

— Нет, я тебя не пущу!

Орала подруга в приступе агонии, когда я села в машину и завела мотор, закрывшись от нее.

— Туда и обратно, Лис. Иди на учебу. Я приеду, обещаю.

Я кивнула и выехала со стоянки школы. Выехала за барьер магии Хлои. Выехала к опасности.

* * * * *

Девушка выехала на территорию псевдо-школы и отправилась по трассе, выехав через лес. Он пах листьями и мхом, как и всегда, как впрочем и пахнет лес. День стоял пасмурный. Музыка в машине не раскаляла обстановку, даже наоборот, ухудшало его. На пол пути у Матс свело желудок в голодном спазме. "Ну вот" — подумала девушка. Через определенное время, девушка оказалась в единственном Супер-маркете и припарковав машину у входа, вылезла наружу. В ноябре, все дожди обходят Портшлейд кругами, наматывая их, словно на палец, можно посчитать сколько за год их тут бывает. Около 360? Или же безостановочно? Черт его знает.

Аматис направилась к входу, но ее кто-то окликнул. Повернувшись, она увидела знакомого ей человека. Блондинистые волосы отдавали свечения солнце, будто над головой возвышался нимб, у девушки зарябило в глазах. Когда успело выглянуть солнце? Зелено-голубые глаза смотрели на Аматис с каким-то чувством, вот только что это, она та и не узнала. Перед девушкой привстал сам Джордан Вилвос.

— Привет, — он мимолетно кинул улыбку девушке и она сделала то же самое в ответ.

— Привет, — ответила Аматис спокойным и умеренным тоном.

— Как ты?

Они вошли внутрь.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Давненько я тебя в школе не видел. Где пропадала-то?

Его руки были в карманах темных джинсов. Живот девушки предательски заурчал и Вилвос расплылся в улыбке.

— А хотя знаешь что? Не говори мне тут, лучше давай обсудим это за чашечкой кофе.

Девушка явно напряглась, но ответила должным тоном:

— Почему бы и нет?

— Отлично, тут на втором этаже есть небольшая кофейня. Там делают замечательное эспрессо, ты ведь любишь эспрессо?

* * * * *

Мы зашли с парнем в небольшую кофейню и присели за ближайший столик. За долю секунды перед нами стоял официант.

— Два эспрессо пожалуйста.

Официант кивнул и удалился прочь.

— Ну так что?

Джордан сложил руки на столе и уперся подбородком о кулаки. Это выглядело как вопрос.

— Где ты была?

— Так вышло, что мне пришлось перевестись в другую школу, — меня перебил официант, поставив передо мной кружку горячего кофе.

— Ваш заказ.

— Спасибо, — поблагодарила я и он снова исчез.

Врала я очень убедительно и самое страшное, что мне не было стыдно, словно это было правдой.

— Принцесска не справилась с такой нагрузкой?

Задорно спросил парень и заулыбался как мартовский кот. И с каких это пор, мне дают клички? Я что собака какая-то?

— Нет, — я отпила кофе, пытаюсь скрыть свое раздражение.

— Семейные обстоятельства.

— И дом уже там себе подыскала? Друзей?

— Это что, вопрос?

— Нет, не в коем случае. Прости, если ввел в тупик, — парень стремительно смотрел на меня. Я отпила и обожгла язык.

— Друзей нашла, правда не так много, но мне достаточно.

Сейчас мне казалось, что его глаза переменялись в холодно-зеленый цвет, улыбка стала жестче. " Только веет от него чем-то мертвым" — так сказала Лиса, и она полностью оказалась права. Мне захотелось выплюнуть все то, что выпила. Какой же потупляющий запах, как же противно! Да что со мной такое?

— Джордан, — я встала, придумывая оправдания.

— Прости, но мне нужно идти. Не самое лучшее, что я могла придумать, но лучше это, чем лепетать чушь.

— Понимаю, — кивает он и жмет мне руку.

— Мы ведь еще увидимся.

Эти слова звучат в утверждении и я покидаю маленькую кофейню. Мне резко захотелось обратно, под защиту, под чары, к Лисе, к Джиму, к Питчу. Обратно, под надежное крыло дружбы и здания. Запрыгну в машину, я завела ее и рванула со стоянки. Что за чувство засело у меня глубоко в душе? Почему паршиво-то так? Почему страшно?

Проехав пол пути и оказавшись на середине трассы, я позволяю посмотреть в зеркало заднего вида. Туман, все затуманено, и с какой это стати, туман по среди обеда? Небо затянула по самое не балуй, дождь так и просился на землю. Силуэт. Я замечаю едва слабое движение в тумане. Сердце екает и я резко торможу. Теперь-то уже совсем не до шуток. Этот силуэт стоит в метрах ста. Темный, страшный, убивающий. Нащупав свой телефон на соседнем сиденье, я стала набирать номер Лисы. Один, второй, третий. Ответа нет. Полил дождь и теперь этот силуэт стоит в тридцати шагах от машины. Все размыто, ничего не вижу. Набираю Маму, папу, Вудли, Джима и даже Хлоя. Не ответа! Черт! остается перешагнуть свою гордость. Мои последние пять минут. Я нахожу номер Люциана и набираю. Автоответчик.

— Так уж вышло, что я смогла оставить это сообщение тебе. Это последние мои пять минут. Сейчас я стою по среди трассы Баркерт/98. Тут нет машин, нет людей, а значит и нет свидетелей, знай, — силуэт стал двигаться и я сглотнула. Шаг за шагом. Секунда за секундой.

— Если вы найдете мой труп, знайте, эта авария не случайна, ее спланировали. Дождь ему играет только на руку. Задаешься вопросом кто? Я сама не знаю. Он в капюшоне. И сейчас расстояние между моей машиной и им значительно сокращается. Он знает, что я не дамся живой, и попытаюсь его сбить. Но ведь ничего не выйдет, так?

Я улыбнулась, вытирая слезы.

— У меня лишь единственная просьба к тебе, Грегорн. Скажи всем тем, кому я звонила... Что я не дозвонилась.

Бросив трубку, я нажимаю на газ, десять метров. Пять, два. Один. Машина. резкий толчок. Я лечу кувырком в ней, закрывая глаза и чувствуя стекло у меня в теле. Чувствуя пелену тьмы. Чувствуя смерть. Ну здравствуй, ждала?

* * * * *

В голове девушки слова Аматис откликались эхом в рассудке. " Я не дозвонилась" — далее звуки тормозов, битого стекла и даже не писка. Она знала на что идет.

Лиса сидела на уроке, как по громкой связи послышался голос мисс Ноллеглей:

" Все ученики школы, прошу пройти по своим комнатам, или разъехаться по домам. В связи со страшной автокатастрофой произошедшей из одно с наших учениц, школа просит вас иметь долю уважения. Аматис Мэри Родсвилд. Мы будем надеяться..." — тогда Лиса уже не слушала мать. Девушка влетела в кабинет и сбросила микрофон, по которому был объявлена эта новость, она не хотела этого слышат, она не хотела, что бы это слышали это все. Зачем, ну зачем мама так поступила!? Тут уже были все, и включая Люциана. Мать Аматис трещала по швам, отец держал ее. Слишком уж много боли принесла им Зайза в их семью и Лиса понимала. В кабинете зазвучали слова девушки, последние. " У меня лишь единственная просьба к тебе, Грегорн. Скажи всем тем, кому я звонила... Что я не дозвонилась" — эту запись она прослушивала снова и снова, после аварии. Посмотрев в телефон, она увидела три пропущенных, у остальных по одному. Она положилась на Лис, но та не взяла трубку! Какого хрена!

Гудки... Дальше послышались гудки, гудки — длиною в человеческую жизнь. В жизнь

Аматис. Дрожащими руками она выхватила телефон у Люциана и со слезами начала набирать знакомый номер. Она не верила. Это не могла быть ее девочка. Недоступно, недоступно, недоступно...

— Она не возьмет, Лис, — первой двинулась к девушке Хлоя. Лиса упала на колени и судорожно набирала и набирала этот номер.

— Нет, — она помотала головой.

— Она сильная, она возьмет!

— Джим, выведи ее и Реббеку!

Приказала Ноллеглей.

— Это все вы!

Закричала девушка в пылающей ярости.

— Все ты, какая же ты мразь, мамочка! Да чтоб вас всех! Да чтоб вы горели в аду, особенно ты и твой любимчик Грегорн. А вы что сопли пустили? Она ведь вам была безразлична. Даже когда он, — девушка указала на Люциана.

— Ударил ее. Да все это было подстроено! Она не могла тогда его ударить первой, как он посыпал ее словами... Как называл ее шлюхой! Как грозился трахнуть, как заставлял ее бегать больше других. Так еще и на глазах у остальных. Вы грудка имбицилов, делающих вид, что она вам важна. Хотя на самом деле, она важна лишь двум людям и псу. Пошли, Джим. — "По сути двум псам" — промелькнула у девушке в голове.

Они выбежали с девушкой под ливень, и парень взял управление машины на себя.

Как только она увидела эту аварию, надежда на жизнь умерла. Аматис лежала на носилках, но не как труп, о господи! Девушка побежала к подруге, тем временем все остальные прибыли. "Группка дебилов" — так говорила про себя девушка. Лекари-маги. Обратни — волонтеры. Скорая нижних, только они могли помочь.

— Что с ней?

Ответ был ясен. Тело перекошено, а вот лицо... Улыбка на лице и закрытые глаза.

— Признаки жизни есть, но они малы. Она борется за свою жизнь и это облегчит нам работу.

Совершенно спокойно отвечает маг.

— Как она?

Подошел и Джим.

— Раздроблена тразобедренная кость, локтевой левой сустав. Позвоночник и пальцы на ногах. Внутреннее черепно-мозговое кровоизлияние. Ребра вонзились в печень и половина ребра в сердце.

— Как она выжила, — тихо спросила Хлоя прикрыв рот рукой.

— Жизнь ей поддерживает вот эта штука, — она указал на цепочку Аматис.

— От него жуткая энергия. С такой мы не сталкивались. Но могу сказать одно: пока он на ней, жить она точно будет.

* * * * *

С того момента прошла словно целая вечность, но нет, прошла лишь неделя. Аматис маги восстановили, вот только из комы, она сама должна себя вытащить. Сейчас ее привезли в ее родную комнату. Запах лекарств заполнил ее, будто в больнице. Сейчас в комнате стоял тот самый ангел, что когда-то стрелял ей в руки. Жалеет ли он о содеянном? Или ликует в душе?

— Поговаривают, — Лиса вошла в комнату.

— Что в коме, она все слышит и чувствует.

— Так и есть.

Холодно ответил он. "Ходящий ледник, вот только глаза пламенем горят, когда он смотрит на Аматис" — подумала девушка. После этой аварии он переменялся. Стал более уравновешенней. Вот только еще больше запил. Стал более равнодушным, но в комнате Аматис молчит, молчит и смотрит на еле-ели вздымающую грудь — единственны признак, что она жива.

— Проникни к ней в сознание, — просит девушка, зная, все силы ангела.

— Не могу, — сожаление в голосе отвечает он.

— Она воздвигла железную стену. Мне ее не пробить.

Сам он хотел не меньше Лисы забраться в разум к этой несносной девчонке и посмотреть, о чем она думает, где находится? В аду? У его папаше, возможно, или верх воздвиг над ней папаша? "Где же ты?" — думал он. Как же давно он не слышал ее голос, смех, не видел ее глаз, слез... Хотя, с каких это пор ему не наплевать? В душе снова появилась легкость, он глотнул бурбон. Он не любит ее, даже не нравится она ему так зачем ты сидишь? На кой черт ты тут, мальчишка?

* * * * *

Неприятное ощущение холода прошлось по всему телу. Что произошло? Все что я помню, так это то, как летела в машине. Ну хоть память не отшибло. Неприятное ощущения боли в животу и во всем теле. Да где я вообще? Пытаюсь открыт глаза, но старания мои приводятся к нулю. Телом пошевелить я не могу, глаза закрыты. Что происходит? Внезапно, я услышала голос, родной до жути голос, эта была Лисандия.

— Что?

Она явно была удивлена. Я пыталась открыть рот, что бы ответить, сказать, что я жива, но не могу пошевелить своим чертовым телом! Лишь мысли. Убивающе жестоко.

— Какого черта ты сделал?

Я слышала, как она по кому-то дубасит. Да с такой силой, что до меня доносятся хруст костей. Запах дождя и асфальта ударил в нос, и родной запах Лисы пробивался приятно в носовые рецепторы. Что происходит!

— Угомонись!

Парень был спокоен, что между ними происходит?

— Убирайся вон! Отойти от нее, подонок!

— Да выслушай же ты меня! Если я спустился по поручению Архангелов, то это не означает, что я буду выполнять их больные прихоти.

— Славненько! Я же запомнила, что предо мной стоит сынок Люциана Люцифера первого, собственной персоной. А кто тогда подстроил эту аварию!?

— Послушай, а?

Девушка затихла.

— Они хотели ее смерти из-за ее сущности. Не знаю как вышло, что она стала... Она на половину ангел и человек и ангел и демон и не смотри на меня как на идиота, я сам толком ничего не знаю, и нет, узнавать я тоже не хочу. Я сначала им не поверил, а потом удивился, когда она с ловкостью завладела моим луком. От обычного нефилима я такого не видал. Она не подвластна никому, и их это пугает. Я же смог ее приучить, только когда запустил ей в руки стрелы...

— Ты что?

Перебила его девушка. Воспоминания... Они как волна за волной нахлынули на меня. Подонок!

— Запустил ей в руки что? Ты спятил?

— Я тогда не...

— Да плевать я хотела! Это же моя Аматис! Наша! Если ее мама узнает об этом, он в порошок тебя сотрет.

— Я ангел, меня оберегает Бог...

— И вышвырнет твой прах ему в лицо.

— На столько серьезно все? Она ведь не мертва, к тому же это не моя вина!

— Я ничего не расскажу, — что!? Вот же черти!

— Но вот сама Аматис...

* * * * *

Стоял в тот день пасмурный день. Прошло около двух недель, она не выходила из комы, она была в коме. Люциан заметно нервничал, о чем-то говорил девушке, но сомнения были по поводу сказанного, а вдруг она не услышит или не вспомнит? А может и не поймет так, м? Мать и отец заботливо обходились за своей дочерью и лишь частенько бывают в ее комнате Джим, Люциан, Аматис и Питч, который по непонятным всем причинам в определенные дни не подпускает никого к своей любимой хозяйке, словно чувствовал беду. Словно защищал ее. Но Лиса знала, что защищать ее нужно от психа-ангела, что постоянно ошивается у нее в комнате и даже частенько засыпает на стуле, упершись о стенку: у этого стула не было спинки. Если бы никто не знал его, подумали бы, что их "все — любимый" Люциан втюрился беспамятства, но его прекрасно знают. Поэтому, он просто играет в хорошего ангела-хранителя? Или что он делает? Лиса не понимала. Зачем ему это все.

Сам же Люциан не понимал, что он с ней делал, почему сидел почему он находится так близко, совсем возле ее кровати. Подле ее маленького хлюпенького тела. И вот сейчас, он сидит рядом и в очередной раз смотрит в стенку над головой Аматис. Словно тот пес, что защищает ее ото-всех напастей. Как вдруг, ветром Лиса забегает в комнату и начинает кричать:

— Напали, — она отдышалась, а Люциан нервно напрягся. Привстал.

— Напали на школу! Твою ж мать, Люциан, я знала, чувствовала, что все это добром не кончится! И знаешь кто к нам явился? Чертов Джордан Вилвос!

Люциан тяжело вздохнул, вот же засранец.

— Не хочешь объяснить?

— Не сейчас, — Люциан направился к двери.

— Оставь Питча, а сама поди и помоги стальным.

Лиса ничего не ответила и сделала в точности, что он сказал.

— Кто он на самом деле?

Она шла на уровне с Люцианом. Только сейчас он заметил, что она в темно-синем облачении, а в левой руке у нее ее любимый меч. Как она его прозвала? Кажется Танатос. И вправду он нес только смерть.

— Падший.

Холодно ответил Люциан. " Ну почему так холодно! Почему со всеми он словно Северно-ледовитый океан! " — пронеслось в голове Лисы.

— Они что, все сумасшедшие?

Они уже спустились туда, где шли жесточайшие бои. Кровь, кровь, кровь...

— Нет, — он отбился от напавшего на него падшего.

— Есть парочка нормальных.

— Тут его нет! Вилвос исчез! — кричит кто-то, явно адресовывая это Лисе, но Люциан оказался быстрее, проворнее. И по крайней мере он знал, куда он направился.

Минут пять и он оказался в у комнаты Аматис, откинув резко дверь Люциану тут же ударил запах крови. Питч лежал в собственной лужи крови.

— Ты не представляешь, как я давно хотел прихлопнуть эту шавку. В тот день, он не дал мне к ней притронутся, — его рука скользнула по щеке девушки.

— Я бы с ней повеселился, но он отвлек меня! А что на счет тебя, Люциан...

Его рука поползла под одеяло и нервы не выдержали, Люциан подался вперед, раскрывая крылья, которым не хватало пространства в этой комнате.

— Опа, Ромео в нем проснулся, — он убрал руку.

— Не переживай, если тронешь ее и Джульеттой станешь ты, или лишишься не только своих крыльев, но и руки.

— Ты готов отдать жизнь за это?

И вправду? С чего это он? Сердце не екает, все просто — потому что его нет. При одной мысли, что она узнает, что ее родителей сослали в Небесный Альянс, от куда редко, к стати, возвращаются, всю старость и молодость там... Люциану это известно. А если она узнает о собаке, она ведь его любила, и сильно? Ничего. Пусто, ему безразлично. Но он молчит. Молча смотрит на девушку. И тогда выпаливает:

— Ее не убить не одному Арханеглу, ты ведь пытался, верно? Трижды. Но ничего не вышло. И сейчас не выйдет.

Джордан на удивление отпустил свой меч.

— Ты прав, а вместо этого, я расскажу Арханеглам, что вместо поручения убить смертную, ты решил сделать ее своей. Ты ведь ее уже поцеловал, так? Пометил свою девочку?

Глава 12 "Семейство проклятых"

Там, где находился Харон, стояло множество других архангелов. Которых возможно сочли бы за проклятых, но они бы ощутили смерть в своем сердце, когда узнали, что эти черти — небесные светила. Страшно ему? Самое страшное, чего боялись небесные светила, так это полное безразличие к тому, что ему предъявляют ту новость, за что обрывают крылья. И ведь самое ужасное, что он и вовсе не боится их лишиться.

— Ты признаешь свою вину, Харон? — архангел был напряжен, а когда Харон, которого на земле прозвали Люцианом повернулся к ним с тем самым спокойным и не пробиваемым никакими эмоциями лицом, золотая кровь архангела забурлила в жилах, как фонтан.

— Ты влюбился в смертную девчонку?

— Вы ведь понимаете, — Люциан Грегорн сделала шаг на встречу, но архангел сделала два шага назад. В сознании он усмехнулся. Бояться.

— Что такое заявление с вашей стороны придется доказать, иначе, дорога вам к Богу. И не самая приятная, я вам скажу. Иногда, когда он в гневе...

— Люциан! — Крикнул единственный шанс архангелов избежать кары господа — Арандель, известный как Джордан Вилвос. Он был сразу вторым после великого воина Харона. Арандель был мужественным, но недостаточно сильным, что бы победить Харона. Он был воином от рождения, на руках у Аранделя были доспехи, которые приросли к его рукам, а метка воина, превратилась на Земле в обычную татуировку в виде крыльев, хотя, кто как видит.

— Хватит пудрить им мозги! Говори как есть и ничего не утаивай. — Злобная улыбка пробежала по лицу Джордана.

— Падшим разве разрешали указывать ангелам? — в ответку бросил Люциан. Улыбка на лице Джордана исчезла.

— Я падший пока, а вот ты, уже гнилой и внутри и снаружи. И обрывания крыльев тебе не поможет, ты останешься таким же пустым и гнилым, Харон. Даже если ты и ангел-то по ошибке Божьей.

Архангелы зашумели, зашушукались и переглядывались меж собой.

— Тебе ведь было поручено убить ее, а не влюбляться! — возмутился Сариил, а глаза его стали темными как тучи.

— Возможно и ошибка я, но во мне есть капля души, небольшая, но есть, и она говорит, что эта девушка не стоит смерти, вырывай мне крылья, и покончим с этим, Гавриил.

Гавриил был единственным ангелом среди архангелов, и он единственный понимал Харона. Сочувствующим видом, он подошел к ангелу и возвысив над ним Небесный Клинок оторвал от ангельской плоти его крылья. Прошептав ему на ухо: "Я верю, Харон, ты вернешь их, а девушка эта, превратит в прах этого мерзавца."

Она сидела в гостиной, боясь войти в комнату к Аматис. А как ей сказать то, чего совсем не стоит? Как сказать, что ее пес умер у нее в комнате, а родители во время нападения были в Альянсе и уже не вернуться, возможно даже никогда. А может она не услышит? Может так, а? Как же сказать лучшей подруге, да к тому же и единственной, то, что страшно говорить в жизни, а тут, от горя, она может умереть. Но приказа матери не слушаться, ДА ЧЕРТ БЫ ИХ ПОДРАЛ ВСЕХ! Не люди, просто животные! А Зайза? К:

Зайза могла допустить такое? Как они могли увидеть сквозь чары Хлои! Как они могли проникнуть в школу! Где такие же как и Лиса еще дети! Да! Дети. Как могли допустить, что стража убита, а с ними и половина только что выпущенных учеников! На автомате, с этими мыслями, девушка вошла в комнату к подруге. Сложно! Как же тяжело лежат эти слова у нее на языке! А крик как кость застрял в горле. Главное что бы осталась жива, главное, что бы не услышала...

— Привет солнышко, ты как? Наверное все так же пусто, там?

Лисандия присела на стул рядом с Аматис, там где место Люциану, вот только он пропал куда-то, сразу же после нападения. Никто даже не удосужился отправиться за ним, настолько сильно никто его не любил. Он был жесток. Да и сейчас не цветок жизни, знаете ли.

— Не знаю как начать...

Первые горячие слезы спустились вниз, и упали с холодным потоком эмоций вниз, на пол. Было сложно говорить то, чего вовсе не хочется, то, что может морально уничтожить человека.

— Я не хотела этого бы тебе говорить, но была бы не права, я была бы не права по отношению к тебе... Было нападения, Питч убит. Я знаю как ты любила его.

Сразу же рука Лисандии упала на руку Матс, она была холодна, кровь вовсе прекратило свое движение. Стресс в состоянии комы это ее хуже. Но ужасно не выражающее лицо. Лицо без эмоций.

— Видимо Питч защищал тебя от Вилвосо. Мне так жаль, моя родная, так жаль... Ты должна знать. Это еще не все. Твои родители отправились в Небесный Альянс. Их не будет некоторое время, но я верю, они найдут выход вернуться к своей дочери. К своей маленькой и самостоятельной Аматис.

В комнате повисла тишина, и как только Лиса осмелилась взглянуть на Аматис, то увидела ее слезу. Единственную. Она плачет внутри. А значит и плачет сердце. Ей больно. Она чувствует. Она жива. Но от этого становится не легче. Подруга приложила тыльную сторону руки и вытерла мокрую дорожку.

Тогда она почувствовала впервые чью-то боль. Она шла изнутри, она видела немые страдания человека, который не способен что-то сейчас сделать. Но она уверена, она борется, и борется за то, что бы на свободе прикончить Вилвосо.

* * * * *

— Ну что ж Харон, теперь ты падший.

— Н-да? А я и не заметил.

Люциан стоял рядом с Гавриилом. В голове столько мыслей, и все они сходятся к одной общей цели: прикончить этого белобрысого ублюдка Вилвосо.

От падших, как правило пасло гнилью и трупным запахом. А от Люциана веяло дождем, это был его запах, приевшийся с самого рождения, и до конца жизни.

— Знайте, — он уже стоял у врат между небесным и земными мирами.

— Если вы тронете эту девушку, против вас восстанут нефелимы и множество ангелов, и уж поверьте, вы падете похуже моего, вы будете молить о пощаде, и не Всевышнего, а ее, потому что это она заставит вас пасть.

Как только он шагнул в врата, то оказался у двери своей подруги. "Не подруга она мне!" — противоречил Люциан собственному разуму и вошел. На его месте сидела Лиса, что вот-вот и посинеет от страха.

— Господи!

— Не вспоминай при мне его имени, этот индюк мне осточертел.

Люцина присел на другое место, по другую сторону комнаты и вбил свой взгляд в хрупкое тело девушки которая еле, еле вздымала свою грудь.

— Где ты был?...

— Будто вы меня искали, — хмыкнул парень.

— Будь серьезнее.

— Был на Небесном совещании по моему изгнанию.

— Я же просила!

— Я и серьезно! Не веришь?

Он вскочил и сняв с себя черную майку обнажил голую спину, на которой были два ярких и не заживших шрама от крыльев.

— Ого... За что это тебя?

Лиса резко села на стул от шока и схватила руку подруги, что бы прийти в себя.

— За не повиновение, а в общем, не важно, как она?

— Узнала, — кивнула девушка. И в комнате повисло молчание. Так тихо, словно в морге.

— Так значит ты пал.

— Меня уронили.

— Не верю, — девушка мотнула головой.

— Падшие пахнут смертью, а ты, ты нет. Ты пахнешь как-то иначе. Точно не разберу. Асфальт? Цемент? Кремний? Чем?

— Будь внимательнее Лиса, дождь, ну или Мокрый Асфальт, а там уж как тебе больше нравится.

— Ты мне не нравишься.

Поморщилась она.

— Нет? — с спросил ангел.

— Нет.

* * * * *

Он снова сидит рядом со мной. Хоть я и не жилец сейчас, за то, я прекрасно чувствую его запах. Люцина не покидает моей комнаты, хотя, я хочу этого уж больше всего на свете. Я его терпеть не могу. Да и когда очнусь пойду прочь с этого места. Уйду под землю. И буду там жить. Он читал мне книги, но не те, что я люблю. Он читает мне Лавкрафта, а я люблю Кинга. Он читает мне Хэмингуэя, а я люблю Гаррисона. Он постоянно ведет со мной беседу и рассказывает о том, как жил, а мне это нахрен не нужно. Он трогает мои волосы, за что я готова его убить. Его голос у меня уже в печенках сидит. Лиса! Забери этого лживого ублюдка от меня!

В коме я лежу уже больше двух месяцев. В принципе мне отлично, не считая того, что я готовлю план расчленения одной персоны. Он будет страдать в муках. Вилвос умрет и не как герой. Я убью его на глазах у Архангелов, которые послали убить меня, на глазах у ангелов, на глазах у родных и близких. Я буду убивать его так, что бы он молил не о пощаде, а о скорейшей смерти.

В комнату вошла Лиса.

— Слушай, я тут подумала, может поцелуешь ее?

Когда я очнусь, я убью и ее!

— А хотя нет, давай я.

— Эй, спокойнее, чего такое? Что стряслось?

— Мамаша опять лекцию прочитала, я чуть не заснула.

Люциан захохотал.

Я удивлялась все больше и больше, когда осознавала, что они становятся лучшими друзьями. Падший и Нефелим. Она ведь таких убивает, а тут она с ним дружит...

— Как у вас там с Джимом? Этот лохматый сегодня заходил.

— К Аматис? Снова?

Кто бы знал, о чем он мне тут говорит! Он ведь в тебя безумно влюблен, дура!

— Да, снова сидел тут около часа, потом вышел и ушел.

— Чего это он сюда ходит?

— Все сюда ходят что бы душу успокоить.

И вправду, все ходили сюда, рассказать, как им жаль моего Питча. Они заново открывают мои раны. Родителей я видеть не хочу. А вот остальные хоть и сожалеют о том, что вспоминать я вовсе не хочу, помогают мне справиться с одиночеством, которое царит во мне уже как вечность...

— Он слишком часто ходит сюда.

— Ревнуешь?

— Ага, Аматис.

Была бы я сейчас не в коме, засмеялась бы так, что аж захрюкала. И не надо мне тут, а как же манеры!? Да к черту эти манеры! Я в коме, мне абсолютно наплевать. Да и господу на меня по всей видимости тоже. Говорят, когда ты в коме, то находишься меж двух миров. Ну так вот. Фигня это все. Тут холодно и темно. Кругом обман.

— Да ладно тебе, — рука Люциана дотронулась до моей. Я бы вырвала, да нечем.

* * * * *

Как только Люциан дочитал ей книгу, то почувствовал слабый холодок пробежавший по телу словно холодная вода. Не обратив внимания, он встал и положил книгу на стопку других прочитанных книг, и взял следующую. Он любил читать ей, так же сильно, как любил свободу. Как только он сел на стул, то запустил эту книгу прямо в лицо Аранделю.

— Убери свои грабли от нее, иначе...

— Иначе что? Великий Харон убьет меня? Постой-ка — он вскинул руки. — Ты же пал. Впрочем, кем родился, к тому и возвратился. — Вилвос уселся на стул.

— Чего приперся?

— Надо поговорить.

— Тебе надо, не мне. Я буду с тобой говорить только тогда, когда ты признаешься Архангелам, что это ты подстроил аварию ей, зная, что она никому не навредит. Если ты признаешься, что поступил как трус, признаешься, что соврал. Тогда может я и поговорю с тобой.

— Она опасна для общества. Это был мой единственный аргумент, единственный шанс вернуться к ангелам.

— Ну и заодно меня упечь на вечное скитание по Земле?

— Я не хотел этого!

— Но ты соврал там! Ты бы мог поступить иначе... А поступил как велело тебе сознание, ты ведь был мне братом...

Вот они: Харон и Арандель. Вот они двое братьев ангельских. Один пал, а другой живет. Вот верное доказательство невиновности и преступления. Преданности и

предательства. Они как огонь и солнце. Только один из них сияет ярче остального, у того, чья душа казалась мертвой. Вот и они Братья, что разошлись по другим дорогам. Один выбрал любовь, а другой: войну, смерть и голод.

— Но ты никогда не был мне им... Мне нужна она, — подбородком он указал в сторону девушки.

— Ты ведь знаешь, что просто так я тебе ее не отдам.

— Знаю, поэтому и прошу отдать ее Нам, не мне. Так будет проще.

— Нет. Я ее не отдам, и ни один архангел не прикоснется к ней своими озабоченными руками.

— Неужто это они ей угрожали оттрахать ее, подшофе? Можешь не отвечать, — он указал рукой знак "стоп". — Я и так прекрасно знаю подробности.

— Пошел вон.

— Ты еще пожалеешь об этом выборе.

— Ты не стоишь того, что бы жалеть.

Когда первый луч солнца пробился через штору в комнате, он осветил ее угольно-шоколадный цвет волос. Люциан любил наблюдать за опущенными ресницами Аматис, как на них играли пылинки. Ее волосы вновь приобрели настоящий цвет, и это придавало какой-то бледности что-ль. Они немного выросли, и стали чуть ниже боков. Она и вправду походила на спящую принцессу, которую ничем не разбудить.

— Такая белая, как смерть... — тихо произнес он. — И все так же в коме.

"А ты снова ночевал в моей комнате."

— Что? — Ангел поначалу не понял, что случилось, но потом он понял.

— Аматис?

"Нет, это ее дух, у-у-у-у!"

— Даже будучи в коме ты умудряешься острить мне! Как... как ты смогла связаться со мной?

"Раньше мое сознание было тоже в коме, я могла слышать, а теперь, я подумала и вуаля!"

— Как ты?

"Я планирую, как я буду убивать Вилвоса."

Люциан улыбнулся. Она прекрасна.

— Полагаю, ему жить осталось не долго, как только Анрханелы узнают, что ты не несешь никому вред, то ни его убьют собственными руками.

— Ты ведь пал...

— Давай не об этом. Как ты себя чувствуешь?

"Знаешь, тут вполне не плохо, правда тихо что в морге, но это только на руку. И я терпеть не могу Лавкрафта."

— Буду знать.

"Слушай, ты слышишь это? Моя голова!"

В голове Люциана раздался крик девушки.

— Что случилось?

"Возьми меня за руку!"

Как только он взял ее руку, то оглох от пронзительного крика, это был не человеческий крик.

— Это Михаил! Не блокируй его крик, прислушайся и тебе станет легче. Аматис!

Все стало тихо.

— Аматис!

* * * * *

Голова раскалывалась, словно в нее вылили раскаленный свинец. Так жгло глаза, а сознание терялось где-то в крике. Нехотя я послушалась Люциана и прислушалась. Крик уменьшился так, что он показался мне мелодией:

"

Sed iuravit ut Lucifer:

'Filiis ultio veniet

Et qui ventus erit

Anima tua et cor tuum

Mittam Archangelum ad aeternam damnationem

Si non amore, eum anima humana (др. Лат)

."

(И сразился он с Сатаной

И свергнул его он,

Но поклялся Люцифер:

'С сыновьями отмщение придет

И тот, кем любимым станет

Твоей душе и сердцу твоему

Отправит Архангела на вечные муки

Если не полюбит его душа человеческая)

* * * * *

Он томно ждал ее, и вот, она объявилась.

— Ну что там?

"Все плохо. Походу Архангела взяли в плен"

— Не носи ерунду, никто не способен...

"Что? Что случилось? Ты тут?"

— Тут, но, знаешь, есть предположение...

"Я... я помню вот что: Он заключен на вечные муки одним из сынов Люцифера. Как-то так. Точно не знаю."

— Это невозможно. Моего папашу свергли в ад. Дядя умер лет уже как сто. Они два сына Люцифера.

"С сыновьями отмщение придет... Может он имел в виду не его сыновей? А сыновей сыновей Люцифера?"

— Я один в семье.

"А дядя? Много ты о нем знал? Его дети..."

— У кого, дети? У Дракулы? Серьезно...

"Все может быть!"

— Я могу узнать это у моего отца...

"Ну да, и спуститься в ад раньше времени, что бы навестить семейство проклятых?"

— Ну а что ты предлагаешь?

"Ничего, просто оставим все как есть".

Он тихо пробрался в закрытую библиотеку, для того, что бы достать книгу Еноха, что бы найти все нужное, для посещения ада. Эту самую книгу хранят под заклинанием, поэтому к

этому делу он привлек Хлою и Лису, только они знают о случившемся. И как хорошая подруга Лиса, она должна знать о планах Люциана. Найти ее было сложно, но дело было сделано, все нужное Люциан достал по мгновению, и ритуал они могли начать в любой момент, но девушки отговаривали ангела от этого, мол, опасно. Он смеялся. Что может быть опасного дома? Дом — это место, где нет опасности, к тому же, он сможет сам постоять за себя если что.

— Я достал.

Он пришел вовремя и сел в круг. По кругу были расставлены свечи, пахло различными травами, в том числе и бергамотом.

— Бергамот?

— Тут жутко воняет травами Хлои, я решила чуть приукрасить.

— Лиса!

— Ну что мистер Зануда!?

— Хватит меня так называть!

— ЧШ! Замолчите оба. Мы на запрещенной территории, цыц!

— Так, вот, я принес.

Он протянул книгу Хлое. Пока та нашла нужную страницу, они продолжили разговор с подругой.

— Ты точно уверен, что хочешь этого?

— Более чем, к тому же я падший, мне туда и дорога. Но я не заселяться с папашей к дедуле, а так, просто, поболтать.

— О чем же таком важном вам следует поболтать, что ты норовишь попасть в ад?

— Волнуешься, м?

Как только Лиса хотела открыть рот, Хлоя ее перебила.

— Я открыла портал! Но знай, времени у тебя не много. Максимум два часа. Справишься?

— Надеюсь.

— Удачи.

— Матс тебя убьет.

— Она не узнает, — он подмигнул Лис. — Читайте молитвы и ставьте свечки, может и вернут, святошую.

Затем, он прыгнул в портал.

Клубы дыма и криков. Жара ударила по лицу, а вон ударила в нос. Как только он приземлился, то узнал родной дом: вои, крики, стоны.

— Дом, милый дом, — пропел парень.

— Неужто, и ты их огорчил, сын?

Глава 13 "Сильнее воистину"

В этом месте по прежнему пахло смертью, а смрад просто долбил в ноздри. Город из пепла и адамантия. Люциан тут не бывал с самого рождения, лет в 5, он уже покинул это места и стал одним из воинов Архангела Михаила. А тот души в нем не чаял. Так же прекрасен как отец и дед, кстати о отце...

— Ты? Хотя, почему я не удивлен, что ты тут.

Скрывать не было смысла, он недолго любил отца, и из-за восстания против Михаила. Нет, конечно же он не ярый поклонник верховного архангела, но у него есть лишь один секрет, что должен узнать Люциан. "Всему свое время, Харон".

— Ты все так же отрицательно настроен против меня? — взглянув на этого падшего ангела, можно было подумать, что он далеко не скучал по своим крыльям, он стал демоном. Кроваво-красные глаза и пепельные волосы, в точности как и у деда? Посидел? Или он столь долго не ходил в душ, что пепел и липнет? Со стороны, два падших были невероятно похожи, так сильно, что казалось от матери у него ничего не осталось, это так думал он, но от матери у него осталось сердце, которого, к сожалению не было у его отца, дяди и дорого съехавшего с катушек дедулю.

— Ну зачем тогда явился, раз на столь зол на родного отца?

— У меня есть вопрос.

У отца падшего глаза полезли на лоб, а в глазах блеснула странная искра, будто он о чем-то догадывается, но это всего лишь догадки, но какие?

— Ты спустился в ад, ради одного вопроса? Ты что там, косяки покуриваешь?

— Не ради одного, а ради разговора.

Он был серьезен как никогда.

— Что ж, — отец пошел вперед, убрав руки за спину. — Если ты пришел спрашивать на счет столь несправедливых архангелах, то зря пришел. Они из-за своих личных принципов погубят все человечество, а в это я не вмешиваюсь, как-то раз попытался, из-за чего был обречен на ад.

— Ты сам сюда вернулся, не прибедняйся.

Люциан скривился от одного упоминания об этом дне.

— Что тебе нужно? — Отец развернулся и взглянул исподлобья. Он всегда так делал, когда был в ярости, но сейчас сын не боялся его, ему не три года.

— Мне нужно знать, был ли у моего дорого дяди сын.

— У Влада? (Настоящее имя Дракулы Влад Цепеш) — Отец удивленно вскинул бровь потом успокоил свои эмоции и его мина ничего не выражала.

— Был, — с легкостью ответил он. — Вы почти с ним схожи, — он продолжил движение.

— Он как и ты, не одной породы, если ты полу демон, полу ангел, то он полу человек, полу демон.

— Он что, оттрахал человека? Это вообще как возможно? Он же мертвый, там уже все фурычить не должно.

— Выбирай выражения! Это твой дядя как ни как.

О да, Люциан прекрасно помнил Дракулу. Величественный вид, он был всегда непредсказуем и он как ни странно любил дядю. Но это прошло, он умер, а чего любить

умершего, верно?

— Мне нужно знать где он, как его имя?

— Я тебе что, ходячий справочник?

— Отец! Срочно!

Люциан помнил про сказанное Хлоей у него всего на всего два часа, которые тут длятся очень медленно, но по-человеческим меркам час уже давненько прошел.

— Ладно, ладно! Орешь как в первые минуты своей жизни! Кайл Цепеш его зовут. Живет там же где и ты, вы встречались, и довольно часто.

— Чего?

Люциан ни как нем мог ожидать такого поворота событий. Его цель была у него под боком, рядом. Все это время он был рядом. Осталось узнать кто он.

— Ты ведь знаешь его, скажи мне.

— Знаю, — кивнул отец. — И раз ты так настырно про него спрашиваешь, хорошего от тебя точно не жди, твоя обдолбанная башка может натворить глупостей, а мне этого не нужно. Он мой племянник, и я дал слово следить за ним.

— Ты не понимаешь что он такое. — Люциан был в ярости, в свирепой ярости, вспоминая слова Аматис, о том, что это он мог выманить Михаила. Лучше сказать сейчас. Михаил — это единственный архангел, который был важен отцу. Он был для него примером, даже после изгнания, он понимал, что тот не знал правды. Ведь Архангелы нагло подставили отца. Михали должен был все узнать, но Люциан старший передумал, он просо ушел.

— Он мой племянник и твой брат! Он наша семья!

— Наша семья говоришь? Ну так вот знай, что ТВОЯ семья не заточила бы Михаила.

— Ты что несешь? — Тот схватил сына за плечи и взглянул в глаза, так он узнавал, говорит ли он ему правду, или лжет.

— Твой племяша выкрал Михаила и заточил, ты ведь знаешь о том, что он буквально стал для одной девушки Богом? Ты это знал! Ну так вот, по милости Аранделя, она коме, и спасти ее мог только он. Он кричит ей! Ты понимаешь? Она такая же как и я, но она слышит его мысленно! Они связаны, и если умрет он...

— Он не умрет! Это не возможно. Я найду Кайла и поговорю с ним.

— Нет уж, найду его я, и чего-то ты мне не договариваешь. Ты ее знаешь, и не только то, что это приемница Михаила. Что такого ты еще знаешь, а?

— Поверь мне, если ты это узнаешь, ты его убьешь, — Люциан начал проваливаться в некий поток жизненных сил, который не хотел его отпускать. и последнее, что он услышал, это было: — А если убьешь его, то убьешь и ее.

Как только он вернулся в мир людей и дерьма, на него накинута Лиса.

— Ты вернулся! — но как только она увидела его лицо, то отстранилась.

— Свою часть плана я выполнила, я пошла, пока меня не выгнали из школы, всем спокойной ночи. — Хлоя собрала все свои свечи и ушла прочь, оставив друзей вместе.

— Ты какой-то бледный, что узнал-то?

— Он поцеловал ее. Я был прав на этот счет.

— Кто кого поцеловал? Ничего не понимаю, ты узнал кто такой это сын Дракулы?

Люциан повернулся к Лисе. Она ненароком испугалась этих глаз, они были чернее обычного, такие черные, как космическая дыра. Что там произошло?

— Мало того, что этот гаденыш, который свободно разгуливает по Придждпорту, так еще и присвоил к себе Аматис! Сукин сын, я его на куски порву!

— Угомонись! — Лиса остановила парня рукой. Она как ни когда была вовремя, она была нужна ему. Она поддержит. Она его лучшая подруга. И когда это он успел с ней сдружиться?

— Ты можешь мне объяснить, какого черта он тут делает, почему ему принадлежит Аматис, и наконец самый главный вопрос: Кто он?

— Кайл Цепеш. Какого хрена он тут делает, я понятия не имею, но знаю одно, если найду, я его в собственном дерьме утоплю.

— Почему ты так злишься? Люциан, что такого, в том, что она ему нравится?

— Она не проста ему нравится, Лис, она ему принадлежит. Мой папаша это знал, вот же старое дерьмо! — он кинул книгу Еноха на пол и пнул ее.

— Эй! Поосторожней с реликвией ладно? — она присела, что бы убрать ее и вытянула руку.

— Если ты сейчас же не объяснишь мне, какого черта тут происходит, я тебя этой книгой долбану.

Он опустил взгляд вниз. Ему было трудно говорить. Казалось, он ничего к ней не чувствует, но почему-то сердце терзает ладья.

— При их поцелуе, он был одурманен ею, то есть влюблен. Этого было достаточно, что бы он связал их друг с другом. Это как у оборотней. Он ее пометил. Теперь она его. И никто не имеет право к ней прикасаться. Иначе, он имеет право его убить. Таков закон.

— Это вообще как? Он..

— С нефелимами такое невозможно. Он смешан с расой человека и демона, она с расой ангела и демона. Этого достаточно для связи.

— Я не пойму одного, — она присела рядом и положила руку на плечо.

— Тебе-то что с этого? Убудет что-ли? Или ты любишь ее? Так отбери. Убей.

— Дура что ль? — Он посмотрел на нее глазами говорящими о ее дурном бреде.

— Хочешь сказать, что она останется с ним навсегда?

— Да, если он сам не отдаст ее к такому же не чисто-кровному.

— Она ведь его не любит, — она взялась за голову поняв все, что сейчас произошло. — Это ее окончательно убьет. Она никогда не сможет быть с человеком, которого не любит.

— Ей придется полюбить. Иначе, она погибнет от собственных рук.

* * * * *

Amor humanum mortem portat

Sed virgo est fortior, immo

Fortior gloriam, fortior in lucem.

Fortior miraculum-artifex universi, fortior.

Purus ut cor

Eius anima est fortis sicut ferrum et glacies,

Quod eius fortis spiritus dabit nobis virtutem

Oculi eius apprehensa adamantem, quod fortis

Immo saeculis.

In manus eius motus — bellum

Et factus est facile et movere

Sicut dies veniet benedictio.

Et ad centesimum, quando luna oritur,

Da vires ad contemplationem mortem magnum malum.

Vel mori, ille vel ilia est.

(перевод с латинского: Любовь человеческая гибель несет,

Но девичья сильнее воистину,

Сильнее во славу, сильнее во свет.

Сильнее Чудотворца, вселенной сильнее.

Чиста и непорочна, как само сердце

Душа ее сильна как сталь и лед,

Что крепок ее дух придаст нам силы

В глазах ее вспыхнет адамант, что крепок

Воистину веков.

В руках ее движение — война,

А стать легка и движет ею,

Как ясный день придет благословенье.

И в сотый раз когда взойдет луна,

Дадут силы на созерцания смерти великого зла.

Либо умрет он, либо она.)

* * * * *

Идя по заброшенной старой улице и давно забытой Уолт-стрит парен сложил руки в карманы и громко насвистывал лунную сонату Бетховена. Прохладный декабрьский ветерок разбрасывал мусор с мусорных контейнеров. По всей видимости эту улицу сделали пригодной для свалки.

Русые волосы парня разносил все так же ветер, разбрасывая их по лицу. Они попадали то и дело в нос, в рот и в глаза. К счастью, показалось небольшое здание, которое служило приемникам хозяйки домом. Паренек открыл дверь и вошел внутрь. Приятный теплый холодок окутал его и щеки вмиг приобрели розовый окрас.

— Кайл, да что б тебя! Не впускай холод, входи быстрее сам.

Из темного угла вышла женщина Лорен. Она была всем для волчьей стаи, ее руководителем, но, к счастью, временной. Взгляд ее был вроде как добр, но за добрую женщину ее не считать. Она самая настоящая ведьма и Кайл это прекрасно понимал.

— Ты пришел? Я удивлена.

— Что за глупые вопросы Лорен, ты сама меня позвала в свой собачатник.

Кайл присел на пыльный красный стул, что стоял чуть поодаль от той вешалки, где уже висит его пальто. Это кресло пахло дубом.

— Я бы попросил! — Рядом сидел Индиго. Его образ особо не внушал доверия. Янтарные волчьи глаза сливались с его белой и длинной шевелюрой, но образ портил несколько прядей, выкрашенных в синий цвет.

— Не сквернословь, бродяжник, иначе заплатишься.

— Интересно чем же? А? Ты забыл с кем речь ведешь, псина блохастая.

Кайл встал и его взор был направлен на Индиго. Он был правой рукой Лорен и незаменимым воином, она буквально дрожала за него, но вида не подавала. Глаза парня приобрели бордово-черный оттенок глаз, он был зол и раздражен.

— Ты вообще представления не имеешь, что я могу с тобой сделать. По сравнению со мной, ты мох недоросший, я покромсаю тебя не мелкие кусочки, скормлю тебя Церберам, а после, испепелю твои кости.

Индиго вжался в кресло. Его уверенность покинула волчонка и он оказался

беззащитным. Отношения с Кайлом у них и так было не очень с самого начала, но Индиго теперь все испортил, сегодня или завтра Кайл покинет стаю и они будут беззащитными щенками, которых бросила мать.

— Кайл! Прошу тебя, перестань, я позвала тебя по-иному поводу.

Парень не остыл, но отошел от Индиго и сел обратно. Лорен приказала взглядом своему прислужнику покинуть данное помещение в целях безопасности и он, тихо кивнув, ушел.

— У тебя пять минут Лорен, а после, я покидаю это место, вы мне осточертели.

— Как мне известно, наша Амагис, внучка Поулы должна стать наследницей этого всего, как она тебе?

— Она не подойдет, она слабохарактерная и нервная. Тем более она не согласится, она на стороне нефелимов, — Лорен ликовала внутри. Никто не сможет отобрать у нее трон! Эта власть одурманила ее разум, она как зомби, что хочет только одного.

На самом деле Кайл себя обманывает, эта девушка ходячая сталь, пока она хрупкая, но боль делает нас только сильнее. И он собирается помочь ей выбраться из этого дерьма. Ну здравствуй Михаил. Кайл мысленно улыбнулся.

— Эти нефелимские отпрыски? Нужно было сжечь их школу тогда. Поэтому она сейчас в коме.

— В коме она потому, что не умела водить, всего-то. И не преувеличивай. Если это все, тогда я пошел.

Кайл встал, подошел к двери и уже накинул на себя пальто.

— И еще одно, — она подошла почти вплотную. — Мне нужно что бы ты выяснил что с ней и где она.

— Ты думаешь я совсем тупой? — он уже стоял на улице и обернулся к женщине.

— Вам она нахрен не сдалась, вам нужен ее талисман, и нет, я не буду в этом участвовать, а тронете ее, я вас уничтожу.

Парень быстро скрылся за углом на улице Уолт-стрит.

* * * * *

В комнате как и прежде царила тишина, Лиса присела рядом с Люцианом и посмотрела на девушку.

— Ну когда же ты проснешься? Мне без тебя скучно, моя милая...

— Расскажи о ей, — выпалил Люциан, прежде, чем успел подумать.

— Ты и так все о ней знаешь, — с досадой в голосе произнесла девушка. — Хотя, я хотела тебе рассказать одну вещь...

— Перед этой аварией, задолго даже до нее, ей приходили странные письма, они были какими-то пошлыми и страшными, даже мне было жутко.

Для Люциана новым это не оказалось, было ясно, что делал это Арандель. Тупой кретин.

— Как ты думаешь, она посмотрела на друга, когда она проснется, она будет чувствовать все так же ту боль, или она утихнет?

— Эта боль никуда не денется, такое не забыть, она сможет стать только лучше с этим всем.

— Она тебе нравится?

Этот вопрос заставил Люциана врасплох. На самом деле он не понимал своих чувств и не хотел об этом говорить.

— Нет.

Лиса с жалостью посмотрел на девушку.

— Я не представляю как она сможет полюбить твоего брата, — тихо прошептала Лис.

— Она не сможет, он суший ад на земле ей устроит.

У Лисы глаза полезли на лоб, видимо реакция на то, как Люциан обыденно это сказал, словно это обычное дело.

— Нужно его убить!

— Мы не можем, пой папаша за ним наблюдает. А с этим я поделаться ничего не смогу, родного отца я не убью. Уж прости. Каким бы он ни был.

— Что же тогда делать?

— Она сама должна справиться с этим дерьмом.

* * * * *

Discit a vinctum de Terra amoris

Intellegent veritatem humanae affectus,

Cur vos postulo eum

Et non patitur eam tenebris puer

Obrnite ad honorem eius dignitatem, ut eius

Quid suus ' similis esse carcerem, in amore et coniuncta cum angelo, Maria?

(перевод с латинского: Узнает узник Земли о любви

Поймет истину человеческих чувств,

Поймет зачем нужны ему,

И не позволит он темному мальчишке

Обратить честь ее достоинством своим

Каково это быть заточенной в любви и связанной с ангелом, Мэри?)

"Михаил!".

* * * * *

— Я его прикончу и все. И плевать, что за ним наблюдают. — Люциан облокотился о стол и сложил руки на груди. Он на вид был спокоен, но на самом деле внутри него бушевал огонь. Лиса никогда не видела Люциана в столь злом виде как прежде. Весь совет сидел в кабинете мамы Лисы. В ее огромном светлом кабинете. Вудли Старк, Люциан Грегорин, мистер Локки, миссис Эйидл, сама Зайза Ноллеглей, ее дочь и Джим Ньютон.

— Я согласна с мистером Грегорном в одном: нужно было рассказать о письмах, Лиса, а не скрывать от нас столь важную информацию, а вы, мистер Грегорн, должны были сказать, кто это был. Но теперь время упущено и ничего не вернуть. Мы никого убивать не будем.

— Но это пока. — Так же настырно ответил бывший учитель борьбы, юный Люциан. Лиса положила руку ему на плечо, дав взглядом понять всем, что она остается за него. Матери не нравился ни лучший друг Лисы, ни парень. Связалась с цирком, а сама толком-то и ничего не знает.

— Лиса сама не хотела говорить об этом, мама. Я пообещала хранить секрет, и помочь ей в этом, но не смогла.

— Я ему голову проломлю, — зарычал Ньютон.

— Мистер Ньютон, подавите свои животные инстинкты ради бога. Нам нужен здравый смысл, а не ваши желания оборвать жизнь ангелу. Заметь, Джим, Ангелу! — Повторила Зайза.

— Вы уж простите ребятки, нос вашими жестокими порывами к насилию мы ничего не

сможем решить. Вы слишком юны.

— Мне 287 лет. — Спокойно и безразлично ответил Люциан, когда у всех обвисли челюсти.

— Эй, Лиса, у тебя кажется челюсть заело, дай помогу, — он улыбнулся, а та ударила его по руке.

— Эй! За что?

— За твой тупой сарказм! — Обиженно процедила та.

— Не отвлекаемся! — Оправившись грозно произнесла мать.

— Как мне известно, только с 300 лет, ангелам по людским меркам исполняется 19.

— Верно, — кивнул Люциан мистеру Локки.

— Николас! Я сказала не отвлекаемся, — пригрозила Старк.

— Мы остановились но том, что Арандель, теперь известный нам как Джордан Вилвос угрожал Аматис в письмах и подстроил ей эту аварию. Позже мы продолжим этот разговор, когда проснется сама Аматис, а теперь прошу всех разойтись, собрание окончено.

* * * * *

— Лорен! И снова ты? Ты оставишь меня в покое когда ни будь, м? — Кайл приложил трубку сотового телефона к уху и расположился на белом диване, сложив ноги на стеклянный кофейный столик.

— Мне стало известно, — мурлыкала дама. — Что эта школа жалких полу-ангелов открыла двери свое никчемной школы, отбросам общества.

— Мне-точно? Ты позвонила мне только по этому поводу? Тогда прости, это время я не собираюсь тратить на твой бред.

— Кайл! Ты невозможен! Дослушай же ты наконец!

Парень молчал.

— Харон нашел того, кто похитил Архангела, и собирается тебя найти. Он все знает.

Ох, милая Лорен. Ты права он знает все в отличии от тебя. Как же жаль, что Михаил уже на свободе и скоро отмщение будет с ними, а Кайл собирается покинуть их как достойный человек. Она оплатит тем, что считала его мальчиком на побегушках. Своим личным зверьком. Кайл закурил сигарету и выдохнул сгусток белого мутного дыма.

— Нужно как-то это исправить, избавиться от архангела.

Кайл ненароком подавился и подорвался к окну.

— Ты что, совсем ополоумела со своей шайкой! Убить Архангела? Может ты мне еще и самого Господа Бога прикажешь прикончить. Это же так легко! Просто взять и выстрелить в него с обычного лука, да? Ты дура, Лорен.

— Не смей! — она все поняла. Но все слишком поздно.

— Не смей, слышишь Цепеш! Не смей уходить к девчонке! Эта соплячка ничего тебе не даст!

— Как девушка — нет, а вот как партнер — возможно.

Лорен еще всего не знала и даже не догадывалась о том, что она уже принадлежит ему и как девушка, и как друг, и как партнер и многое другое.

— Да я...

— Что? Пошлешь своих ничтожных прислуг ко мне? Ну ты только не забывай, что как только Аматис узнает о них, она сможет взять в руки свои владения, и как только узнает, что ты сделала у нее за спиной, ты будешь уничтожена.

— Но твой отец!

— Был лжецом, я выбираю сторону добра.

— Нет Кайл, ты выбираешь ее, а это совсем иное дело! Это все равно, что быть никем.

— Уж лучше быть никем, Лорен, чем быть обезумившим от наследие не принадлежащему тебе. Грядет война, и ты это прекрасно знаешь, тебе ничего не исправить и я лишь перехожу на сторону победителя.

* * * * *

Duo fratres faciem amorem tibi

Et puerum suum morietur, et virgo mortuus.

Quod sumo a filia evae:

Una cum mortuus in anima, aut in secundo

Cum a mortuis corpus.

(перевод с латинского: Два брата столкнуться с любовью к тебе

И чадо их вымрет и дева мертва.

Что выберет дочь Евы:

Одного с мертвой душой, или второго

С мертвым телом.)

* * * * *

Он сидел и уставился в одну точку, что бы переварить все то, что было сказано недавно на собрании.

"Ты зачем пришел?" — голос Аматис был разбит и раздражен.

— Почему ты не сказала мне про письма.

"Я разве должна тебе что-то говорить? С каких-то пор я должна отчитываться перед тобой?"

— Я знаю о тебе все, — с грустью на устах говорил он. — Даже того, чего не знаешь ты.

"И что я должна ответить?"

— Ты чувствуешь что-то?

"Ничего."

— Такая же холодная как и твои глаза.

Люциан встал и вышел из комнаты.

Никто никогда не узнает о том, что думаешь ты в момент своей комы. Что ты чувствовала и как справлялась с тем, что уже не вернуть. Она должна сама решать свои проблемы гнетущие ее изнутри. Обвинения в том, что она виновата в смерти Питча, в том, что ее бросили родители. И благодарность за то, что не оставили лучшие друзья. Они рядом. Глаза далеко не всегда выражают душу человека. Порой глаза могут улыбаться, а в душе гореть пламя гнева или скорби. Мы сами выбираем себе наши эмоции, сами решаем показывать нам их или нет. Мы сами решаем то, что в нас есть и что с этим делать. Сами решаем губить себя или заставить подняться с дерьма и идти дальше. Поле потери ничего не остается кроме того как смириться с этим и принять тот факт, что не обернуть время вспять и что ты уже потеряла дорогое тебе существо. И разве под предложением Люциана была правда?

Глава 14 "Пробуждение"

— Какого хрена я приперлась в такую рань сегодня, мам? — Лиса потерла глаза, как только вошла в кабинет и уселась последней за стол, кого они ждали. Настенные часы тикали шесть часов утра, на улице уже светло, и только солнце поднимается из-за горизонта так же лениво как и девушка только что потянулась.

За столом сидели все те, кто был на прошлом собрании, что было неделю назад, все те, кто знал Аматис. — Подумала девушка и уставила свой взор на Люциана, он чуть заметно приподнял уголок рта, приветствуя лучшую подругу, та кивнула. За круглым столом сидели все до единого. Вот только они были озадачены видеть тут очень вспыльчивую Лису, которая постоянно рвет и метает за свою лучшую подругу. Сейчас она не к стати, но Люциану было бы забавно посмотреть, как подруга будет изощеренно избавляться от обидчицы Аматис. Он сам бы не прочь, да только.... Он дал себе самому понять, что на нее ему поделом. Она не достойна его, вот и все.

Лиса же заметила странное поведение в Люциане за эту неделю, он словно отрекся от своих слов, когда сказал Лисе, нет, он уверял, что будет защищать Аматис. Но сейчас, он даже не сидит рядом с ней, как это было раньше. Аматис лежит в тишине, впрочем это как-то странно говорить, но без него комната окончательно опустела. Но ее волосы, одежда, и прочее другое пахло именно им. Запаха дождя. Они даже дополняли друг-друга, он пах дождем и мокрым асфальтом, а у нее глаза цветом серой тучи и настроение метает разъяренные молнии. Но, эти противоположности не хотят сходиться. И будь даже между ними сильнейший магнит мира, они бы отталкивались от него и разлетались друг от друга на сотни тысяч километров.

— Сегодня я собрала вас тут по трем причинам, которые нам предстоит разобрать. И одной из причин является эта особа. — Все уставились куда-то в темный угол. Так как солнце еще не встало, правую сторону солнце еще не освещало. Лиса медленно и сонно, как кошка повернулась и уставилась на жертву, которую сейчас придушит.

— Ты, — девушка подскочила со стула так резко, что тот упал с грохотом вниз, отчего заставило вздрогнуть многих. Зайза знала, на какой риск идет. Она прекрасно понимала, что свою подругу она защитит, да и к тому же, может повыбивать этой девушке как минимум зубы, это лучше, чем то, что бы она с ней сделала не будь тут людей...

— Я даю тебе минуту, на разъяснения, какого лешего ты тут забыла, прежде, чем оторву твою белобрысую голову и размажу мордой об этот самый стол. — Она указала на стол, где сидят наставники и учителя с отвившими челюстями. Кроме, естественно, одного. Так вот почему они так странно пялились на девушку, словно на отрешенную.

— Минута это мало, мне нужно многое рассказать, — прошептала та почти полу-тоном. Сейчас она выглядела иначе. Ее зеленовато-карие волчьи глаза казались запуганными, словно ее загнали в угол. Блондинистые длинные волосы были спутаны и похожи на воронье гнездо. Что-то с ней произошло. И что же?

— Меня это не волнует, — от злости, Лиса сжала кулаки, ногти вцепились в кожу почти дырявя ту. — Ты жалкая, ничтожная сука...

Ей не дали договорить и окликнули.

— Лиса! — Это была мать девушки. Но сейчас ей было все равно.

— У тебя меньше минуты, отсчет пошел.

— Убей ее сразу, — сказал Люциан и все уставились на него ошарашенным взглядом, а Лиса оскаленно улыбнулась. — Она ведь помогла Вилвосу подстроить ту аварию, она там была, и помогла машине перевернуться. — Константировал последнее он.

Зайза кинула разъяренный взгляд в его сторону, и немые слова "Ей не нужно было это знать! Не сейчас!". Он лишь посмотрел на Лису, на лице у девушки пропала улыбка, и теперь она была готова кинуться на ту. Что собственно и сделала. Она подлетела так быстро, что волчица не успела сообразить и откинуть ее от себя, что было поздно. Девушка упала на белобрысую начиная бить ее по челюсти, первый вопль раздается по всей комнате. Елена не смела ее калечить, зная, что бывший, но все же сильнейший из всех остальных воинов ангел, убьет ее немедля, терять ему уже не чего, а вот лучшую подругу он не позволит дать в обиду. Они и сами не понимали как так вышло, что они стали лучшими друзьями. Прошло не так много времени, но Аматис, будучи в коме умудрилась их свести. И только потому, что она была оба дорога им, как ни крути, глаза Люциана не утаились от Лисы. Она единственная, кто могла заметить искру, которая пролетала со скоростью света, но она была. Была и остается, как бы он не хотел ненавидеть ее всей душой и сердцем, которого у нег нет и в помине не было, казалось всем, но только не лучшей подруге. Они как брат и сестра. И впервые Люциана это не пугало, в глубине души от радовался этому.

— Хватит! — Рыкнула Зайза, но Лиса продолжала колотить девушку, от той почти ничего не останется, костяшки девушки было ободраны. Кровь шла ручьем. Но ей было больно от того, что такая мразь как она еще жива, она хотела ее прикончить и побыстрей. Но чьи-то крепкие руки схватили девушку и оттащили. К Елене сразу же подбежала Хлоя, которую видимо позвали в порыве ярости Лисы.

— Отпусти! — Кричала Лиса. Она узнала этот запах. Запах лучшего друга. Она вырывалась, но он был сильнее.

— Нет. — Твердо ответил он. — Я не хочу что бы через пол часа твои руки опухли и были похожи на черничный пирог.

— Мама попросила?

— Да, — кивнул он. — Но я сделал бы это в любом случае.

Он усадил подругу на стул поодаль от всех и присел на корточки, достав аптечку. — Здорово ты ей вмазала. — Улыбнулся ангел.

— Почему ты не сказал раньше? — Лиса зашипела вместе с перекисью, которую вылил Люциан девушке на костяшки.

— Я сказал тебе как только сам узнал, до этого я не знал. — Его взгляд потемнел и говорил о том, что он сам бы нашел ее и прикончил, ему не составило бы это особого труда найти ее и расчленил. Но он это не сказал. Он нанес на руки заживляющий крем после еще одного и замотал обе руки в бинты.

— Я тебя не понимаю, — она помотала головой и взглянул в глаза ворону. Так она его называла. Ворон. — Сначала ты сидишь с Лисой до посинения, ожидая ее, пока она проснется, а потом исчезаешь, словно этого никогда и не было.

— Потому что я не ожидаю ее пробуждения.

Слова на столько глубоко ранили девушку, что она вздрогнула. Ей было в первую очередь жалко Аматис. Разве она заслужила подобного обращения? Пока Лиса была погружена в с Люцианом в свои мысли, Зайза начала разговор.

— Так ты знаешь, как разбудить Аматис?

— Ангел... Ангел был прав. — она тяжело дышала. Хлоя исцелила ее, но шок остался и

надолго.

— Я помогла подстроить аварию, но тогда я не знала, что эта девушка была связана с Михаилом. У нее дар Богословия. При рождении, Михаил спустился к ней и благословив. В общем, для такой как она Бога нет. Он не знает о ее существовании. Единственный ее Бог он сам. Но недавно мне стало известно, что он пропал, и Архангелы не особо-то и гоняться за его поиски, но недавно Всевышний спросил о нем, никто не знал что ответить. И сказали, что он пропал. Бог наказал найти его в целости и сохранности доставить обратно в Небесный Альянс. Сейчас его ищут, и, возможно я знаю где он.

Таких новостей явно никто не ожидал за сегодняшнее утро. Все разом проснулись и начали оживленно о чем-то спорить, когда Лиса развернулась к Люциану и посмотрела ему в глаза.

— Он у Кайла Цепеш. Ищите его и найдете Архангела. — непринужденно и равнодушно ответила Лиса не смотря на остальных. Затем встала и опять взглянула ему в глаза. Они не хотели этого говорить, никому. Ведь это его двоюродный брат. Люциан стал ждать ее действий.

— Я ошибалась в тебе, — эти слова неимоверно ударили по скрытым чувствам Люциана. Но это было справедливо, после тех слов, что вырвались случайно, но Лису это задело сильнее чем либо. Он не мог понять, почему все постоянно кружит вокруг этой Аматис, будто она вселенная.

— Я думала, ты сможешь поменять свое отношение и хотя бы перестать ее ненавидеть. Это все из-за того сраного, черт бы его побрал Люциан, лука!? Как ты думаешь, — она ткнула ему в грудь палец. Она не взымалась, почти, но тогда она почувствовала то, чего никто не знал. Сердцебиение. Размеренное и тихое, словно миллиарды крошечных молоточков. От удивления она отстранилась от него, но вмиг пришла в себя. — Она заслуживает такой ненависти лишь из-за оружия? Она заслужила все то, что произошло с ней?

— Да, и что же с ней произошло? — Лиса ахнула от его слов. Тот спокойный и размеренный Люциан попал. Появился тот, что был в начале знакомства. Черствый и злой, вот только сейчас, она поняла, эта маска. Это была маска. А те чувства, что он питал к Аматис были реальностью. Он скрывал и скрывал он тщательно. Но зачем? Ангелы не имеют... Твою ж мать! И Лиса все поняла.

— У нее никого нет. По крайней мере не тут, не на Земле. Она пережила свою смерть дважды и сейчас пуста внутри. Ты действительно думаешь, что она хочет проснуться и лишь из-за того, что бы отомстить тому кто убил ее пса? — Все слушали их перепалку внимательно, одна Старк понимала к чему клонит Лиса. И что она поняла. Она конечно же все расскажет свое няне, но не при людях и не сейчас. Потом.

— Она этого не хочет. — Все ахнули ее заявлению, столь жесткому. — Она сломлена. Она была надломана, когда приехала сюда. Потом и покушения на Питча и на угрозы, она стала раскалываться как тростинка. Но потом, когда ты впустил ей в руки стрелы, когда я послала ее к черту, когда все мы, как-то надломали ее, позже мы смогли непроизвольно сломать ее все разом. Она жила не для родителей, что первые поспособствовали ее крушению. Она жила ради своего единственного друга, что был с ней довольно долго, он был ей близок. — Кто-то тихо вытирал носовым платком слезы, а кто-то в открытую хлюпал. Сама Зайза, великая Ноллеглей, которая никогда бы не позволила себе такого, пустила слезы в ход. Лиса сохраняла стойкость. Железную стойкость. Она должна. потом она поговорит с

Старк и ей будет легче. Она пойдет к Аматис и будет улыбаться вопреки тому, что девушка умирает. Изнутри.

— Как ты думаешь, почему она сделала такой шаг тогда? Потому что либо она, либо умер он. А потом уже она. Ее бы никто не спас саму от себя. Аматис бы сама наложила бы на себя руки. Ты не видел ее безграничную любовь. Ее искренность, ее открытость, ее душевную красоту, хотя ты был ангелом. И ты им должен остаться. Но почему-то только я это вижу. А она для тебя очередная распутная девка? Ты знаешь это не так! Ты врал мне все это время, а я верила, будучи уверена в том, что мы с тобой друзья, Грегорн, Грегорин... как хочешь звись. Но ты просто нечтожный ангел, ты — Ворона.

Лиса развернулась и пошла прочь с комнаты, но решила все-таки договорить, она встала в проеме и вновь взглянула Ворону в глаза.

— Сейчас, она надела ту же маску что и ты, ей не для кого больше жить. И поверь, она не хочет своего пробуждения. Давно ты ее слышал? Неделю назад? Она не желает говорить, потому что осталась одна. Одиночество убивает. А ты, находишь повод ненавидеть ее, лишь потому, что она не выбрала кем ей стать и какое оружие ей предназначено? Так говори это своему Богу! Но, запомни Грегорин: я никогда не прощу тебя за это. Ты теряешь друзей слишком быстро. Быстро для ангела.

— Я знаю кто этот Кайл, — прервала всех Елена. — Это Эрик. Эрик Грей.

— Я поздравляю вас с раскрытием этого дела, но я больше не хочу видеть ни одного из вас, кроме тебя, конечно, Старк.

Лиса вышла из комнаты громко стукнув дверью. На этом и закончилось утро девушки.

* * * * *

Omnia secreta revelabitur per puerum

Et amare, fortasse nihil?

Ille sincera, sed quod suus ' iustus

Visum est cor mortuus

Dilexit, ut, quae ipse facit eum negavit

Et prophetavit mori in inferno.

Se, nisi se? Aut numquid et vos, nisi?

(перевод с лат: Все тайны раскроет мальчишка

И влюбит в себя, возможно зря?

Искренен он, да вот только

Казалось сердцем мертв

Полюбил он ту, что совсем он него отреклась

И прорекла на смерть в аду.

Спасет ли он себя? Или спасешь ты?)

* * * * *

— Эрик? — Все обдумав Люциан разозлился, да так, что стукнув по столу, тот с треском раскололся.

— Да что такое?! Не собрание, а какая-то трагедия! — Завозмущалась Зайза.

— Братишка, ты чего так заволновался? Я тут, а то вон, глядишь и окно выбьешь. Распутник! — Кайл блеснул своей широчезной и лучезарной улыбкой, а главное белоснежными зубами в проеме двери. Он не успел опомниться, как тот накинулся на Эрика и был прижат к стене.

— Я тебя сейчас по-братски к папаше отправлю, — зарычал во весь свой грозный тон

Люциан.

— Чего ты так взъелся? — брат пожал плечами, будучи заключен в тяжелой хватке двоюродного брата. — Я ведь у тебя ничего не отбирал, а хотя нет, постой... — В его взгляде плясали черти, как и у его долбанутого отца. Это семейное.

— Я забрал то, что тебе было по истину дорого, что так оно и остается, я забрал то, чем ты дорожишь больше всем на свете. Ты даже ради нее от крыльев отказался. Ты думаешь я не знал, м? Отсутствия знаний того что мы не братья, мне не помешало. Я узнал об этом еще в день своего пятого день рождения, когда тебе было шесть. И узнал все о тебе, о милый ангел, — последние слова он промел так изящно, что захватило дух бы у каждого, не будь он демоном.

Люциан не выдержал и ударил его в челюсть, та с хрустом вывернулась в другую наклонность, но Эрик легко смог поправить это.

— Ради нее, я бы не стал лишаться крыльев, она этого не стоит. И уж тем более. Дорогой мой братишка, я ее не держу. Забирай, раз оно тебя так нужно, я ее ненавижу. Ненавижу. — Он был разъярен и Эрик с неохотой поверил ему и заглянул в глаза. А затем он улыбнулся. Он сделал то, что планировал.

— Как хорошо, что эти чувства взаимны, Грегори. — В проеме стояла та самая из-за которой поднялся крик. Сзади стояла пораженная Лиса, пораженная от его слов. Он окончательно упал к ней в глаза. Он ничтожен. Он больше для нее никто. Аматис, бледная, в белой, как сама смерть платье, доходившем ей до коленей. Волосы были распущенными. А глаза были потухшим. Теперь они были черной тучей, ручки бледно сжались в кулаки, взгляд точно направлен на Люциана. Все стояли в шоке, Люциан отпустил Кайла, а тот в свою очередь широко улыбался, сие персоне. Аматис тихо развернулась на своих босых ногах и медленно уходила, Люциан было похватился, но рука Лисы остановила его:

— Не тронь и так ее разбитое сердце.

— Лиса, — он не успел договорить, так как получил смачную пощечину.

— Это тебе за ту ересь что ты нес. Ненавидишь? Не хочешь ее пробуждения? Значит убирайся из ее и моей жизни. Облегчи ее и нам и себе.

Оба они знали, что ни она, но он не говорят правду, но никто не осмелился сказать, Лиса ждала первый шаг от него, а он был слишком горд. Тем самым все и кончилось. Он снова остался один, потому что снова выбрали ее. Снова выбрали это Матс, и наверное были правы.

* * * * *

Я сидела в крошечной пустоте, который даже не приглушал стук моего сердце, даже оно остановилось с моими жизненными органами, кроме легких. Больше песен Михаила я не слышала. Обычно он поет без умолка и я могу едва это разобрать, я кричала ему поначалу, билась в истерике, пыталась достучаться. Но потом поняла, что мне этого не нужно, возможно я и не хочу просыпаться. Там у меня ничего не осталось, никого. Только Лиса, Старк, да Джим. Они единственные, которым я могла бы довериться. И доверилась бы. Но я не доверяю себе собственную жизнь, потому что я идиотка, и то, что я могу с собой сделать, будет крайне сокрушительным.

— Не стоит так думать о себе, — предо мной привстал мужчина, с бородой и голубыми глазами. Он был облачен во что-то старое и поношенное, но особого вида я этому не придавала. Я взглянула на него и встала. Какая-то приятная теплота пробежала по телу, словно это близкий человек.

— А... — я обернулась по сторонам. — Вы кто?

Мужчина улыбнулся, и ответил:

— Твой Архангел-хранитель, дорогая, твой Бог милая, твой первый отец. — Как только он расправил крылья, которые пронзали светом мою душу, я ахнула.

— М-Михаил? — Вырвалось у меня истерическим воплем и я прыгнула к нему в объятия. Он сразу же меня обнял и прижал крыльями, от них шел жизненный заряд энергии, который бушевал во мне. Я чувствовала, что мои органы начинают работать, как сердце вновь забилося, я услышала собственное дыхание.

— Что это со мной? — я отстранилась и взглянула на моего хранителя.

— Тебе пора милая, хватит сидеть тут. Я знаю что ты не хочешь, но ты — моя кровь. Ты сильнее и станешь еще сильнее будучи подавленной. Смерть делает только сильнее. Не спеши покидать их, мы всегда сможем увидеться, только позови, — он указал на мой кулон. — Он поможет тебе.

— Как это пора? — покачала головой я, чувствуя, как совой собственный разум выталкивает ее из той обители, где она пробыла, казалось, вечность.

— Говорят, если умеешь ждать, то получишь свое. Но ты не горела желанием получать, а ждать и подавно, он улыбнулся и подошел ко мне. Что это означало?

— Береги себя, я всегда буду тебя оберегать, но когда настанет тот день, когда ты не будешь знать ответа. Доверься впервые сердцу, а не разуму, Мэри. Доверься сердцу.

Михаил поцеловал меня в лоб и тогда я раскрыла свои глаза. Проморгавшись я осмотрела где я была. Моя комната. Она выглядела иначе, как-то болезненно. И вещи Питча исчезли. Чувства, как это должно было произойти не нахлынули. И это оправданно. Я ничего не чувствовала внутри, лишь пустота, что давала о себе знать. Вот это самое страшное, когда тебе плевать. На все. На лучших друзей, на родных, на смерть.

Я попробовала пошевелить ногами. Я их не чувствовала, ноги будто были ледяными глыбами. Я приподнялась на руках не с первого раза, но когда мне это удалось я села и взглянула в собственное отражение. Это была не я. Это была какая-то девочка, о которой можно сказать, что она пережила довольно много, в глазах ее погас свет, а на лице уже никогда не появиться улыбка. Я попробовала встать, но снова облажалась. Тогда, я схватилась за край кровати и попробовала встать, ноги поначалу совсем не хотели слушаться, но затем, я уже могла уверенно спокойно идти. Я подошла к зеркалу. На мне была белая ночнушка до колен, нижнее белье и все. С волос сошел серый цвет и остался прежний. Волосы небыли запутанными, их расчесывали. Я взглянула в окно. Уже весна? Взглянув на телефон, что лежал рядом у меня на прикроватном столике, который всего оставила или Лиса или Джим. Я посмотрела на дату. Пятое марта. Я была в коме около двух месяцев. Я закрыла глаза и выдохнула. Тогда я решила выйти из комнаты. Открыв дверь. Я прошла по гостиной комнате, а затем вышла в коридор. Я точно знала куда идти, кабинет Зайзы. Я почти дохожу до него и открываю дверь. И вижу то, как Люциан схватил Эрика за шкуру и прижав к стене, а весь круг, который собирался тут на собрании уставились на них.

— Я забрал то, что тебе было по истину дорого, что так оно и остается, я забрал то, чем ты дорожишь больше всем на свете. Ты даже ради нее от крыльев отказался. Ты думаешь я не знал, м? Отсутствия знаний того что мы не братья, мне не помешало. Я узнал об этом еще в день своего пятого день рождения, когда тебе было шесть. И узнал все о тебе, о милый ангел, — я ничего не понимала, но не стала останавливать нарастающую драку. Затем вспомнив разговор Лисы и Люциана, я поняла, это был Кайл, двоюродный брат Люциана.

Разговор шел обо мне.

— Ради нее, я бы не стал лишаться крыльев, она этого не стоит. И уж тем более. Дорогой мой братишка, я ее не держу. Забирай, раз оно тебя так нужно, я ее ненавижу. Ненавижу. — Он сказал это так правдоподобно как только можно было. Непонятное чувства раздробленности снова посещает мое сердце и я отвечаю, не выдерживая свою ярость и гнев: — Как хорошо, что эти чувства взаимны, Грегори. — Все сначала озадаченно посмотрели на меня, а потом открыв широко глаза пришли в ступор. Глаза Люциана не сдвигались с моих. Эрик широко улыбался.

— Аматис... — Сзади тихо прошептала Лиса. То ли от счастья, то ли от тех же слов, что сказал Люциан. Он были лучшими друзьями, но видимо были — это ключевое слово. Я посмотрела на нее боковым зрением. Она упрямо смотрела в глаза Люциана, словно не признавая, что такое могло случиться, я же не была ошарашена этим. Я только восстала из мертвых, а мне уже обратно хочется покинуть этот дерьмовый мир.

Мы смотрели друг другу в глаза в немом диалоге, он произнес:

— Чего уставилась?

— Не переживай, я больше никогда не посмотрю на тебя, потому что ноги моей тут не будет. — Тихо отвечаю ему я, и разворачиваясь на босых ногах я возвращаюсь в комнату, что бы поскорее уехать. Я слышу как лиса начинает что-то говорить, Люциану, я останавливаюсь, на его оклик, но вмиг продолжаю шаг.

Ему следует исчезнуть из моей жизни, и этого мне хочется сильнее смерти. Я захожу в комнату и запираю ее на замок, достаю свои вещи и начинаю складывать в сумки. Их было не так много, я была готова через десять минут. В комнату постучали. Не обращая на это никакого внимания, я завершила одевать джемпер. Сев на кровать, снова проигнорировав стук, я взяла новые полу сапоги на толстом каблуке и шнурках и стала их обувать.

— Аматис, это я, открой, — за стеной послышался голос Лисы.

— Я занята. — Резко выронила я, слишком громко затягивая шнурок, что не осталось не замеченным. А ведь я почти незаметно оделась.

— Ты собираешься уезжать?

Я выдохнула и встала на ноги потерев переносицу.

— Да, я возвращаюсь домой.

— Как домой? — Лиса начала колотить в дверь. — Ты что, уезжаешь обратно в Нью-Джерси?!

— Нет, — я качнула головой и облокотилась на прикроватный столик, разговаривая с подругой через дверь.

— Я возвращаюсь в Пордшлейт, в мой дом, там, где место. Я тут не нужна. Мне тут ничего не родно, понимаешь?

Лиса выдохнула и перестала колотить.

— Можно мне с тобой? — С надеждой в голосе произнесла она.

Я отрицательно покачала головой. Нельзя было допустить это, я не хотела сейчас ни с кем видаться. Даже с Лисой.

— Нет Лис, я справлюсь сама. Дай мне время, ладно?

Минут пять стояла гробовая тишина, затем, она наконец-то ответила:

— Не забывай про меня. — И ушла. Я выдохнула и прикрыла вновь глаза. Снова пустота, ничего нет, я не чувствую.

Я взяла вещи и в последний раз вздохнула чужой запах в комнате, развернулась и

решила покинуть здание через черный вход. Я нашла запасные ключи от машины родителей и решила воспользоваться их черным пикапом.

* * * * *

Дорога выдалась довольно тошной в сопровождении Джима, если он думал, что я его не замечу в темном лесу, то он далеко ошибался. Но ничего не оставалось делать, как смириться с этим фактом. Доехав до дома, я открыла ворота и заехала. Пока я ходила их закрывать, все мои вещи парень занес в дом, я чувствовала псину за добрых 50 метра. Ему следует хорошо помыть свою шерсть. Я с выдохом зашла в дом и увидела очередное письмо на столике у выхода, я развернула его, уже не боясь ничего и принялась за чтение:

«Моя дорогая Матс, мне так жаль, что пришлось оставить тебя, на этот раз может навсегда, я знаю, ты не поймешь. И не надо. Этому нет оправдания. Нет оправдания нашему поступку. Раз ты читаешь это, значит ты пришла в себя и ты уже дома. Ты покинула школу. С одной стороны ты поступаешь правильно, они принесли тебе много боли и страдания, а с другой, она твоя семья, вторая, скоро ты это поймешь. Не отрекайся хотя бы то Лисы. Ты ей нужна, также как и она тебе. Хотя, не мне это решать, верно? Это твоя жизнь, и я тебе полностью доверяю. Не соверши глупость, о которой придется пожалеть.

С любовью

Мама.»

— Зря ты доверила мне мою же жизнь, лучше бы ты была бы рядом, а не писала эти тупые и никому ненужные письма. — Сказала я в пустоту, скомкала письмо и выкинула куда-то в глубь дома.

Войдя к себе в комнату, я удивилась от увиденного. Передо мной стоял Джим.

— Можно я останусь? Я не хочу возвращаться туда.

О, как же мне знакомо это чувство.

Глава 15 "Больше смерти"

— Эй, Матс! У нас есть что ни будь холодненькое? Я просто умираю от жары.

Знайте, если вы вдруг живете с оборотнями, то они великие капризы, которых стоит поискать, потому что зимой им не жарко, а вот летом невольно терпеть летнее жарко-палящее солнце. Для таких случаев у меня всегда было несколько формочек со льдом в морозилке.

Да, сейчас лето, пятнадцатое июня ели быть точной. И нет, мы не встречаемся. Джим по-прежнему безгранично теряет голову от Лисы, а она отвечает взаимностью. Мы живем вместе с лучшим другом уже четыре месяца. Эти четыре месяца я не видела ни школы, ни Лисы ни того, из-за кого эта школа была покинута, я не жалела. Я разрешила ему остаться, иначе это одиночество сожрало бы меня не только изнутри. Он спал в спальне родителей. Теперь эта комната была вся в мужских вещах и там намертво пахло его духами. Думаю, они не будут против, тем более, они вообще не вернуться. А если и вернуться, то зря, я их не жду.

Но у нас часто возникали конфликты по поводу Лисы. Она часто приходила и внезапно на нее находили порывы злости ко мне, она врывалась ко мне в комнату и кричала на меня, но постоянно получала отпор тем, что я находилась на крыше, и попросту не хотела с ней разговаривать. Те четыре месяца, она обуславливала так:

— Немного времени? Я дала тебе неделю, две, месяц! Но не сраных четыре месяца без общения и твоего общества, ты убиваешь меня этим! Ты делаешь только хуже.

Я на это тоже не обращала внимания, возможно так и было, но я так хотела, и меня невозможно было переубедить.

— Садись, я налью тебе сока.

Я попросила Джима сделать двери гаража, которые часто заедали на половине. Он справился на удивление очень быстро, и заслуживал своей награды. Я достала из холодильника цитрусовый сок и налив сок в стакан, поставила перед ним, держа в руках пак от сока.

— Спасибо, — он выпил все, до дна.

— Еще? — Спросила я и он кивнул в знак согласия. — Как с работой?

Парень должен был устроиться на работу, но про нее еще не слова не сказал, либо его не взяли, либо он не знал ответа.

— Меня приняли, — кивнул он, но не очень радостно. Что за работа интересно?

— Так это же хорошая новость! А куда? — Я присела на стол и налила себе сок.

— Охранником в «Наездники». — Я чуть ли не поперхнулась и злобно посмотрела на него.

— Ты что, сдурел? — Отчеканила я. Злобы не было придела. Я волновалась за Джима, и поставила ему условия, на которых он не в коем случае не должен идти на ту работу, на которой опасно.

— Там много всяких барыг и бандитов, я тебе что, не ясно тогда сказала Ньютон!?

— Ну не кричи, не кричи, — спокойно проговорил он и встал со стола пересев ко мне поближе. Я обиженно надула щеки и не смотрела в его сторону.

— Вакансий больше не было, это была единственная, ты же знаешь.

С этим клубом у меня были не самые приятные воспоминания, а тот факт, что каждую ночь я его буду туда отпускать, вообще выводило меня из себя. Он не был моим парнем и не

был братом. Но он стал мне дорог, я не могла бы смириться с тем фактом, что тот единственный человек, который мог привести бы меня в порядок и успокоить ушел бы навсегда. Этого я не допущу. И это он знал в глубине души. И понимал, из-за этого мило улыбнулся, обнажив свои белоснежные волчьи клыки.

— Зачем тебе вообще работать? У нас денег навалом, каждый месяц приходят снова, что тебе еще нужно?

— Пойми же ты, — он потянул меня на себя и усадил на колени как маленькую сестричку, которая вредничала. Он был старше меня на год, ему было семнадцать. Но он выглядел массивнее и семнадцать ему явно не дать. — Мне нужны свои деньги, я и так живу с тобой, мало того, что разделяю твою еду за твои же деньги, так еще и за твои деньги вожу Лису то в кино, то в кафе, — он мотнул головой. — Так не пойдет.

— Мне ведь не сложно, и ты это знаешь, — я приобняла его за шею и чмокнула в щечку, мои губы запомнили его щетину, что он не трогал уже неделю точно. — Она моя лучшая... — Я сглотнула, не могла договорить слово «подруга», наврядли она меня считает таковой.

— Ты для нее остаешься подругой, — ответил он, словно читая мои мысли. Но он просто понимал меня с полу слова. — Она просто очень злиться на тебя.

— Оно и видно, — он улыбнулся моим словам, а мое лицо оставалось каменным.

— Ты когда в последний раз улыбалась? — Я все еще сидела у него на коленях свесив ноги вниз, они не доставали до пола. На столько он был высоким, а я крошечной по сравнению с ним. Джим почувствовав мое напряжение крепко обнял меня прижимая к себе и целуя в макушку.

— Мне сейчас не до улыбок, Джим.

Сейчас было и впрямь тяжелое время. Кайл, называющего себя Эриком Грей, стал предъявлять права на то что бы хотя бы начать встречаться, потому что так не должна себя вести девушка уже принадлежавшей ему. Да плевать мне хотелось на это все! С ним встречаться я уж точно не буду. Я не его собственность, и если бы я знала, что тот случай в комнате обернется мне крахом всей моей пустой и никчемной жизни, я бы уже давно попросила дедулю Грегорна прикончить меня и не париться с остальными проблемами.

— Я понимаю малышка, но без этого ни как. Кто ж знал, что Кайл жуткий собственник, да к тому же и...

— Полное дерьмо. — Закончила я за Джима и тот выдавил слегка милостивую улыбку. Которая доставляла мне тепло на душу.

— Пожалуй, ты права. — Он все еще не отпускал меня со своих медвежьих объятий, что мне очень нравилось, мне это было нужно. Как ни что иное. Я решила прервать нашу идиллию лучших друзей.

— Лиса придет сегодня?

— Да, — медленно ответил он, а затем я почувствовала, как он улыбнулся.

— Что?

— Она будет просто в ярости, когда снова узнает про твой побег, — он расхохотался, за что получил от меня нагоняй и подзатыльник.

— Я просто не хочу сейчас с ней разговаривать, и не нужно мне твоих противоречий на счет этого, Ньютон. — Я встала с его колен и поцеловав его еще раз в щеку поставила сок в холодильник.

— Я в комнату, если что, котлеты на сковородке, я подогрела, а картошка уже

сварилась.

— Хорошо, мамочка. — Он улыбнулся, и улыбка эта была от уха до уха. Вот же засранец.

Я поднялась на второй этаж и мне в спину ударил холодок. Я обернулась, но никого не заметила. Пожав плечами, я вошла в комнату, для того что бы открыть занавески. Я не открывала их еще с самого утра, поэтому в комнате стояла духота, я открыла окно во всю и вздохнула свежий воздух.

И тогда я ясно почувствовала чье-то присутствие, и обернувшись я увидела его. Глаза цветом обсидиана не горели как прежде, в них был лед. Плечи его были напряжены, а волосы находились в творческом беспорядке. Эта наша первая встреча после того случая.

— Чего тебе? — Я была зла, но старалась этого не показывать. На мне сейчас была маска безразличия, которую я научилась прекрасно носить. Она врослась в мое лицо и не хотела больше отпускать. Он молча смотрел мне в глаза, будто искал что-то, но не находил. Чувства? Их нет, я мертва. Не пытайся. Я заблокировала свой разум от него, он ничего не узнает о моем внутреннем разломе, о моей трещине в сердце. Не он сделал меня такой, но он один из немногих. Иронично, что часто наносят боль близкие люди.

— Убирайся, иначе я позову Джима.

— И что он мне сделает? — Он впервые заговорил, я вздрогнула. Его голос звучал не как всегда, резче, злобно, словно ревность ломает ему кости. — Занюхает до смерти?

Как хотелось закричать, что бы он проваливал, биться в истерике и сказать ему о том, что он полный мудака, но я воздержалась от подобного «Лакомства».

— Чего тебе, говори, а затем проваливай, — я отвернулась от него, обмотав себя в крепкие руки, я схватилась за плечи, меня бил озноб, хотя термометр указывал на +30 за окном. Мне было холодно и холод этот шел изнутри, такое происходило, когда я вспомнила обо всем, чего не требует помнить память, но они засели глубоко, отгораживая счастливые моменты жизни и замораживая их. Они исчезают, а страхи прошлого — они остаются.

— Ничего, — он мотнул головой и несколько прядей упали ему на лоб. Он был юн. Восемнадцать ему было всего восемнадцать...

— Захотелось вспомнить, как это, снова видеть твои туманные глаза, Аматис. — Он назвал меня по имени и сердце застучало быстрее. Прекрати! Ты сдаешь меня со всеми потрохами, черт бы тебя подрал!

— Это все? Теперь уходи. — Слова были уже туже. С каждым словом мне становилось тяжелее держать все эмоции во мне.

— Без тебя там тихо, — начал он. Я сразу поняла где, моя комната. Наш блок. — Тебя там не чувствуется, запах твоих духов исчез. Ничего. В твоей комнате осела пыль, никто не осмеливается зайти туда. Твоего имени не произносят, словно ты призрак. Лиса ходит угрюмая и срывается на всех, кого не попади. Зачем ты это сделала? — Было очень странным то, что Лиса отвергла его, а он до сих пор волнуется за свою подругу. Я знаю, точно знала, он считает ее подругой, лучшей, как это и было. Лисе нужно остыть, но на это уйдет много времени.

— Я сделала так, как должно быть, в гробу я видала вашу школу, а теперь проваливай! — Ярость вырвалась наружу вперемешку со всеми воспоминаниями, это становилось смертельное оружие.

— Ты действительно этого хочешь? — Он в мгновении ока оказался рядом, его запах дождя и мокрого асфальта впился мне в нос, да так, что я прикрыла глаза от наслаждения.

Он поднял мой подбородок и заглянул в глаза. Собравшись со всеми мыслями, я ответила:

— Больше смерти. Уходи и больше не приходи, видеть тебя не хочу. — Я закрыла глаза и отпрянула.

— Хорошо, я больше не вернусь, Амагис. — Глаза я не открывала, но знала он уже ушел. Шлепнувшись на кровать, я их открыла и только тогда поняла, что по щекам бегут слезы. Он всегда напоминал мне о моих проблемах, он был как ходячая напоминалка, о смерти Питча. Он был для меня ничем, я его ненавидела, и лишь за то, что недавно я узнала, что с самого начала это он хотел убить меня. В комнату вошел Джим.

— Я слышал какие-то голоса, — я присела на кровать, и он взглянул мне в заплаканные глаза.

— Матс, с тобой все в порядке? — Он закрыл дверь и встал напротив.

— Ничего не в порядке, — я мотнула головой и тогда, истерически зарыдала, и закрыла лицо руками. — Мне невероятно больно, Джим, вот тут, оно болит, — я указала на сердце. Джим присел рядом и обнял, как брат, по истине тепло и с любовью.

— Ох, детка. Ты справишься, давай, я с тобой полежу, — он уложил меня на левую сторону кровати. Сам он лег рядом. Я инстинктивно положила ему голову на грудь, чувствуя, как она вздымается каждый раз, когда он радовал легкие свежей порцией кислорода.

— Давай, тебе нужно отдохнуть, я буду рядом, а ты спи, ладно?

Я качнула головой, и когда он меня поцеловал в макушку, я закрыла глаза, пытаюсь огородить себя хоть ненадолго на все нависшие проблемы, которые хотят меня сожрать кусочком за кусочком, пока не насытятся и оставят от меня лишь кости.

— Спасибо, Джим. — Это были последние слова, пред тем, как погрузиться в дремоту. Мне это нужно было как никогда, а Джим поспособствовал этому как никогда вовремя.

* * * * *

— Харон! Остановись! — каким же было ясным удивления Архангелов, когда падший пришел к ним в Небесный Альянс. И лишь Гавриил был несказанно рад возвращению ангела.

— Да уйди ты, ушлепок! — Рыкнул виновник шума и обошел стражу.

— Ты что, совсем страх потерял? — Налетел на него Арандель. — Если есть вести, выслал бы весточку, чертов падший!

Он был зол лишь от одного его присутствия, это ему так с рук не сойдет! Его вот-вот хотели назначить главой небесной армии, а он как всегда все портит. Гад!

— У меня для вас новость, и эта новость живая, — Люциан злостно улыбнулся, и Джим насторожился. Что-то в этой улыбке не так.

— Михаил?

Шепот архангелов прекратился и все переглядывались лишь между ближним ангелом. Они посчитали его убитым еще с того самого момента, когда он пропал. Хотя, никто и не спохватился его икать, уж больно правильным он был.

— Но ты... Ты ведь мертв.

— Мертв я был только для вас и то, потому что ни один из вас не удосужился поискать меня, так братья? — Они укоризненно отпустили глаза вниз, что бы не встречаться с его взглядом.

— Вы меня очень расстроили, — он покачал головой.

— Мне стало все известно о замыслах против моего творения, — голос Михаила был изменен, теперь он был невероятно зол. Архангелы еще никогда не видели его в бешенстве. Обычно, он даже в самых сложных ситуациях сохранял спокойствие, а тут... — Харон мне

все рассказал, ах вы гадкие труссы!

— Ты сам виноват, Михаил. — выступил за всех Уриил. — Ты не имел права делать ее своим созданием! Это против закона Всевышнего!

— Что б ты знал, — он подошел вплотную к Уриилу. — Один из беглецов ада, насытил ее мать своей смертью, и если бы она оказалась полу-демоном, вроде того, что заточил меня, нам бы всем не пришлось бы это на руку. Мне пришлось это сделать, и я ни о чем не жалею. Она станет моей преемницей.

— Она тебе даже не дочь!

— Фактически, — падший встал рядом с Михаилом. — Оно так и есть, в нее его кровь, а значит и гены. Так что, можно с точностью сказать, что эта женщина только выносила ее и все.

— Заткнись, тебя никто не спрашивал! — Крикнул Арандель.

— Она опасна!

— Откуда тебе это знать? — резко спросил Михаил Гавриила. — За все время препровождения с ней в коме, я понял, что она не опасна. Она добра ко всем и готова отдавать свое тепло всем.

Люциан вспомнил недавний разговор с девушкой и невольно сжал кулаки от злости.

— Расскажи. — Он обращался к Вилвосу. — Расскажи все то, что сделал с ней. Все ведь мы знаем, что это ты подстроил ей аварию.

Злость кипела в нем, да так, что на его лице выступили красные пятна.

— Что? — ошарашенно спросил Михаил.

— Мы ведь были как братья! — Как девчонка заверещал Арандель.

— Знаешь, недавно мне стало известно, что я вовсе и не брат тому, из-за которого я пал.

— Арандель, — в руках у Михаила блеснул небесный клинок.

— Я провозглашаю тебя изгнанным из рая, теперь тебя ждет наказание на Земле. Я приказываю тебе вернуться к Аматис и просить прощения. Если ты будешь прощен, то ты и будешь прощен мной, а если нет...

— Она его убьет не раздумывая, — прервал его Люциан.

— За это я ее прощу. Надо платить за ущерб, который нанес, Арандель.

Это было последним, что он услышал перед тем как снова пасть.

* * * * *

— Эй, — я почувствовала легкое покалывание в боку и открыла глаза. — Это уже прогресс, сегодня ты проспала целых три часа! А не как обычно. — Джим улыбался во все тридцать две, а я лишь цокнула языком.

— Чего тебе, блохастый?

— Матс! Я просил меня так не называть!

— Да мало ли что ты там просил, мне так нравится. Ты же меня не послушал, когда я просила не работать в тех местах, где тебя могут прикончить.

Он напыщенно встал с кровати. — Сейчас придет Лиса, я решил тебя разбудить.

Я кивнула и встала, чтобы оценить свой внешний вид. На мне были легкие белые шелковые шорты с рюшечками по бокам. Майка на очень тонких бретельках цветом нежного персика, заправленную под завышенные шорты и растрепанные волосы. Я взяла расческу и расчесала их как следует. Концы у меня побелели от той краски, я обесцвечивала волосы, но они как на зло приходили в свой привычный тон спустя пару каких-то месяцев. Еще один минус полу-ангела и демона. Месяц назад меня взбесило это все, и я состригла волосы по

лопатки, окрасив их в пепельно-серый цвет. Такими были мои глаза, сама я... Я тлела изнутри, тлела и все это видели. Расчесав мои прямые волосы, я взяла портфель, в котором лежали все нужное на случай, если Лисе опять приспичит залететь ко мне словно фурии. Надев свои белые босоножки на танетке я встала на носочки, что бы поцеловать его в щечку.

— Жди меня к вечеру. — констатировала я, и подошла к окну.

— Ты когда уже научишься пользоваться дверью, а, малышка?

Я уже стояла на крыше.

— Мне больше нравится окно, — и спрыгнув, аккуратно, убедившись, что Лисы нигде нет, отправилась в парк.

Бродить по пустынным улицам города, стало моим любимым занятием. Я прихватила с собой альбом и черную гелиевую ручку. Я направилась в свой любимый парк. Но стало тошно от того, что по большей части этот пар занимали мои знакомые нефелимы со школы. Они появлялись каждый раз, когда я приходила сюда. Видимо их заставили следить за мной. Но это уже чересчур большое внимание к моей персоне.

Укутавшись в свои собственные мыли я и не заметила как пришла в тот самый парк, который находился седи маленьких ларьков, и единственного торгово-развлекательного центра Портшлейта.

Я присела на полянку возле озерца и достала тот самый блокнот. Уже вычерчивая нужные мне линии для будущей картины, меня кто-то позвал. Я не обратила внимания, думала показалось, но голос казался сладко знакомым, он во мне что-то разжег и я не понимала что.

— Амагис, — теперь этот голос звучал довольно близко и тогда я развернулась. Мое тело наполнилось злостью, а кровь прилило к лицу. Так вот что за так знакомый мне голос, так вот, что во мне проснулось. Ненависть. Ненависть к Вилвосу, которого я сейчас прикончу.

— Зря... — Я встала с травы, и кинув уничтожающий взгляд одному из нефелимов. Он понял и быстро начал выводить людей под предлогом, что в нескольких метрах нашли бомбу. Очень креативно.

— Зря ты пришел. — Теперь я смотрела на его потрепанный вид. Я поняла, его уронили. Он пал, да так, что с треском о какой-то булыжник я надеюсь. Он выглядел убитым, как я тогда, после аварии, которую он мне и устроил.

— Амагис! Прости меня, прошу тебя! — Он начал отходить, потому что я начала надвигаться на него, не чувствуя земли под ногами, я чувствовала лишь собственную ненависть, что поглощала меня и сжирала живьем. Я точно знаю что сделаю.

— Простить тебя? — я озадаченно взглянула на него, но это была лишь игра с масками, я их быстро меняла. — Видишь ту толпу людей, которые смотрят на тебя словно на жертву? Ну так вот, это нефелимы. И они не хотят твоего прощения. — он громко вздохнул. В его глазах сиял страх.

— Оу, что ты, не бойся. — Я улыбнулась, но эта была натянутая улыбка, не настоящая, за то первая за все эти четыре месяца. — Тебе нужно бояться не их, а меня. — я сделала лицо жестким.

— Прости пеня! Прощу, прости!

— Ты только зря пришел. — Я остановилась и качнула головой. Он остановился следом. — Ты его не получишь. А теперь беги.

— Что? — он недоуменно взглянул на меня.

— Я сказала беги! Иначе я сейчас же тебя убью.

Он сорвался с места, словно психически-больной. Он бежал не быстро, потому что он хромал на правую ногу. Он бежал и что-то мямлил, просил прощения, молил, но получал под дых одним и тем же словом «НЕТ». Он бежал так, как будто от этого зависела его жизнь, и это было действительно так. Я собирала все свои эмоции: боль, страх, гнев, ненависть, любовь. Я собирала их в один флакон мести, которым я назвала смерть. Я шла медленно, что-то шепча себе под нос, но, когда мне все это надоело, я догнала его и повалила на землю. — Помнишь, что ты сказал тогда, когда готовился убить моего пса? Когда ты посигнул на самое дорогое у меня в жизни, когда в первый раз сделал ему больно, а когда убивал, ты помнишь, что говорил? Помнишь!?! — кричала я, подставив ему под горло ногу.

— Помню, — едва слышно прохрипел он.

— Не слышу!

— Я помню! — вскрикнул он и поморщился от невыносимой боли в горле.

— И что же ты сказал?

— Я убью тебя, и тем самым убью эту мразь. — Он повторил в точности те слова, он хрипел и чуть ли не задыхался, но он их говорил.

Я присела на корточки рядом с ним и наклонилась к нему на ухо.

— Знаешь, каждый победитель получает свой кубок, а я приготовила тебе твой.

Я подрываюсь с места и достаю тот самый клинок, чем убивал его Питч. Он тогда выронил клинок, его забрали и спрятали глубоко в подвале, я возвращалась в школу, чтобы забрать его. И после, я всегда носила его с собой, он был спрятан у меня на поясе.

— Помнишь его? Помнишь свой клинок, Вилвос!?! — Он быстро закивал головой, а я снова наклонилась к нему, и взглянул ему в глаза. Он испытывал ужас.

— Знаешь, что на самом деле я хотела больше смерти? — Он мотнул головой, наши губы находились в сантиметре, и мое дыхание сбивало его с толку. — Твоей смерти. Держи свой кубок! — прошептала я и вонзила ему этот клинок прямо в сердце, в этот же момент, он закричал и распался на тысячи мелких кусков света.

Глава 16 "Замкнутый круг"

— Ваше имя, — потребовал молодой парень, сидевший в приемной, отделения полиции Придждпорта. У него были зауженные глаза, которые близко посаженные, острый тонкий нос, светлые волосы и грубый голос. Ему было около двадцати пяти, а может он просто хорошо сохранился.

— Джим. — Кротко ответил парень. Он хотел поскорее увидеть свою лучшую подругу, которая получит он него нагоняй.

— Полное имя, пожалуйста, — парень взглянул на Ньютона через стекло, держа в руках ручку наготове, чтобы занести в журнал посетителей.

— Слушай, рядовой, не зли меня, иначе я тебя по стенке размажу, — прорычал парень и сжал руки в кулак.

— Гражданин, мне нужно знать вашу фамилию и ваше имя, а также все то же для вашей спутницы. Мы вам тут не центр помощи. Ясно? Поэтому утомоните свой пыл, и будьте добры, — парень кивнул и перевел взгляд на молодую особу, что стояла рядом с посетителем.

— Извините его пожалуйста, — девушка обогнула парня с шикарной улыбкой и Ньютон стоял уже позади девушки. — Мой парень очень переживает за лучшую подругу, давайте я вам все скажу?

— Хорошо, — согласился тот и уткнулся носом в журнал. — Ваше полное имя и Фамилия, а так же вашего спутника, пожалуйста.

— Лисандия Адель Ноллеглей. Имя моего спутника: Джим Альберт Ньютон. Парень быстро записал сведенья, и снова перевел взгляд на девушку.

— К кому вы пришли и зачем? — он захлопнул один журнал и взял другой.

— К Аматис Мэри Родсвилд. Забрать ее хотим, можно?

Рядовой снова начал искать что-то в журнале, и спустя пять минут, он нашел ту, которую искал.

— Так, вы внесли залог, хорошо. — кивнул он.

— Вот только за что мы его вносили, что она сделала? — Джим сменил девушку, а та положила руку ему на плечо.

— Странные вы какие-то, заплатили залог, и не знаете за что, — парень покачал головой в разные стороны. Джим решил промолчать, иначе он начнет обращение прямо тут и сейчас. — Хранение холодного оружия, и разведения огня в неподобающем месте. Вам прямо по коридору, удачи.

Парень и девушка двинулись туда, куда указал им рядовой, и как только дошли Лиса не смогла сдержать своего гнева. Теперь Джим и Лиса сменились своими ролями.

— Как это понимать, чертова девчонка?! Ты что снова натворила? Теперь ты не отмажешься от меня! Я тебе так вмажу, по самые не балуй!

— Лиса, — Джим схватил девушку, колотящую по решетке. — Оставь ее, дай ей сказать.

— Сказать что? Что она спятила? Что она глупая маленькая девочка, которая ненавидит весь мир? Я все прекрасно это знаю!

— Замолчи.

Две пары глаз посмотри в сторону Аматис и замерли. Они никогда еще не слышали такого голоса. Он был отрешенным, словно ее ломали от косточки до косточки, но ей было

глубоко наплевать на это, потому что она была бесхребетным существом без нервных окончаний. Ее глаза были чернее некуда, а злостная улыбка не сползала с ее губ. Она встала и подошла к решетке так близко, что парень, который сидел рядом отошел на пару шагов дальше от нее.

— Ты ничего не знаешь Лиса, просто делаешь вид, на самом деле ты не знаешь ничего обо мне.

Лису ударили под дых, и она открыла рот, чтобы противоречить ей, но какая жалость, что не нашлось ни одного подходящего слова. Это не она, не ее Амагис, это кто-то другой. Таким может быть только тот, который отомстил человеку и не жалеет об этом.

— Ты убила его. Джордан мертв, ведь так? Вот что за огонь ты там развела. Трава попросту загорелась из-за его пепла.

Амагис не была шокирована ее словам, но она стала мягче, отошла от решетки и села обратно.

— Уходи.

— Ну уж нет, — Лиса сложила руки по бокам. — Я терпела это целых четыре месяца, я не слышала твоего голоса столько же, и столько же не слышала смеха. Я не желаю вот так просто сейчас уходить только потому, что так сказала ты. Я больше никогда тебя не послушаю, потому что это доставляет мне невероятную боль, что поглощает меня. А значит, либо ты сейчас выходишь отсюда, либо ты СЕЙЧАС ЖЕ выходишь отсюда!

Дверь со скрипом открылась и Амагис стояла на пороге. Она могла давно это сделать, потому что помимо клинка Джима, у нее был свой клинок.

— Я скучала. — Амагис подошла к Лисе и обняла ее. Секунду Лиса не понимала, как это произошло. Она разрушила ту стену, ту преграду, что Амагис возвысила над их дружбой. Не сдержав свои порывы, Лиса заплакала, и обняла свою лучшую подругу, которую видит теперь совсем иначе. Она видит ее сильной, сила которая таится у нее в душе. Ту маску, которую она видела с самого первого дня ее пробуждения, маску безразличия была снята, она разбила ее. Она разбилась о слова Лисы, которые Амагис тайно хотела от нее услышать. Теперь она знала, что она в крепких дружеских руках Лисы, теперь она сможет доверять не только одному, но и двум лучшим друзьям.

Дружба разрушает все преграды, но не разрушает преграду боли, что все еще сильнее любой другой, но это заглушает чувство любви к обоим людям, которых она любит и которыми она дорожит.

— Давай я вас отвезу домой, нам есть что обсудить. — Джим похлопал девушке по спине, и они вышли с отделения полиции.

* * * * *

Дорога домой была томной, мне не хватало воздуха в этой машине. Лиса и Джим сидели на переднем сиденье, а я сидела сзади. Я видела их влечение друг к другу, и меня радовало то, что оба дорогих мне человека сходятся, я надеюсь, на всю жизнь. А иначе, я кого-то из них убью. Улыбка непроизвольно напросилась на губы, и я улыбнулась. Вот сейчас она была искренней.

— Что это? — Восторженно вскрикнул Джим и посмотрел в зеркало заднего вида. Я обернулась по сторонам.

— Что? — Встревоженно спросила мы в один голос с Лисой.

— У нее на лице улыбка!

Я затихла. Это и вправду была улыбка на моем лице. Я нахмурилась и сказала:

— Вы заставляете меня улыбаться, ваша любовь мне греет душу.

Они оба снова уставились на меня.

— Джим! Дорога!

Ньютон уклонил машину в бок, так как не заметил, что вылетел на встречную полосу.

— Ты, блохастый, решил нас угробить, м?

Я свела брови на переносице и сложила руки на груди.

Лиса захохотала очень звонко. И на лице Джима расплылась улыбка.

— Я люблю тебя, Аматис, — сказала Лиса. Мои щеки разгорелись румянцем, и это не осталось не замеченным.

— Просто, — я прокашлялась. — Просто будьте вместе, ладно?

— Да мы вроде и не собирались расставаться, — Джим положил руку на руку Лисы и посмотрел ей в глаза, затем снова на дорогу. Я покачала головой.

— Я имею в виду, никогда. Не расставайтесь никогда. Это странно, но я хочу видеть ваших детей, хочу быть им крестной, хочу увидеть, как маленькие волчата будут прибегать ко мне полакомиться свежим домашним молоком.

— П...приехали, — Джим громко вздохнул, а я грустно улыбнувшись открываю двери и выхожу из машины.

— Я устала, пойду посплю, ладно? — Ребята молча кивнули, и я отправилась в наш дом, пустующий и ожидающий нас.

На часах девять часов вечера, я только вышла из душа, чтобы окончательно проснуться. Что бы смыть с себя все то, что я сделала. Тяжело вздохнув, я села на кровать, и как только я села на мой телефон пришло смс. Это был Джим.

«Только не бей меня, ладно? Как ты уснула, я отправился в школу, на совет... В общем, Кайла отпустили, так как признали невиновным в содеянном. Я еду домой, нам нужно кое-что обсудить.»

Меня будто ударили кирпичом по голове. Настроение пропало. Какого черта?

* * * * *

Он почувствовал взгляд брата на своей спине и обернулся.

— Мне казалось, Аматис тебе сказала больше не появляться в ее жизни. — Кайл встал рядом с братом и сложил руки на груди.

— Ну а тебя она хочет кокнуть, хоть в чем-то мы с тобой схожи. — Грубо отвечал тот. Кайл закатил глаза в ухмылке.

— Ну не скажи, мы с тобой не только и в этом похожи.

— Заткнись, ты мне надоел, — Люциан отречено покачал головой и посмотрел на Кайла. Тот был в черной майке-пьянице, свободных спортивных серых штанах и в легко-продуваемых кедах.

— Ну не нужно отрицать тот явный шаг, что она тебе нравится. — Начал перечислять брат и зажимать одновременно пальцы на левой руке. Сломать бы ему эту руку...

— Кайл, — Люциан прижал брата к дереву, как это было в прошлый раз, тогда, когда проснулась Аматис. — Я сказал хватит.

— Ладно, ладно. — Парень поднял руки в знак капитуляции и сказал то, что совсем не ожидал услышать от него Люциан.

— Я пришел сюда предложить тебе одно замечательное пари.

— Ну и смысл мне на него соглашаться? За последнее время ты меня только разочаровывал.

— Это будет тебе весьма интересным, это касается Аматиc, смотри. — Парень встал напротив брата.

— Я влюблен в нее, скрывать не стану, просто толку нет. — Он улыбнулся и качнул головой. — Я отдал бы за нее жизнь, если бы потребовалось. И в этом мы с тобой похожи, да, братец? — он легонько ударил Люциана по плечу и встал рядом, наблюдая, как Аматиc разгневанно швыряет вещи по комнате и ругается бранью.

— В общем, к чему это я. Я дам тебе шанс, так, скажем подарок. Когда Аматиc будет исполняться семнадцать, у тебя будет шанс, в этот самый день. Если она поцелует тебя, я отдам ее тебе.

— А если поцелую я?

— Я тебя убью, все логично, правда?

— У меня вопрос, почему это ты решил дать мне шанс? — Люциан был серьезен понимая всю искренность брата.

— Да потому что она никогда меня не полюбит. А быть со мной в браке без любви, она умрет внутренне. Истлеет, как тлела недавно. Я не хочу для нее такой участи.

— Зря ты мне это предложил. Она меня ненавидит.

Тут взгляд непроизвольно обоих перевелся на окно и они увидели те самые туманные пару глаз в окне. Они смотрели на них, и смотрели они в бешенстве.

— Пошли на хрен от сюда! — Голос ее был на столь угнетающим, что можно было бы содрогнуться.

— Дорогуша, выгонять потенциального самца, не самое лучшее приветствие! — Прокричал вслед за девушкой Кайл.

— Подожди еще немного, Кайл. И я найду причину прикончить тебя!

— Жду с нетерпением, — он подмигнул ей, и она, со всей дури захлопнула окно и зашторила шторы.

— Не пеши с выводами, брат.

* * * * *

— Индиго!

Лорен измеряла комнату шагами так быстро, что не могла остановиться. Она о чем-то задумалась, о чем-то очень важном. Ее алые губы изогнулись в улыбку, как только Индиго зашел в комнату.

— Да моя госпожа.

— Присядь. — Она указала своими длинными пальцами на стул, который стоял поодаль от окна. Индиго послушал ее и сел туда, куда было велено.

— У меня для тебя новости, дорогой мой. — Она повернула весь свой корпус к молодому человеку и подошла на расстояние пяти шагов. — Недавно мне стало известно о положении нашей любимой ведьмочке Тринити Хилл. Весь ее клан и стая которой она принадлежит поможет нам с ритуалом и с захватом этих нефелимов.

— Что требуется от меня? — Быстро отчеканил Индиго. Лорен улыбнулась.

— Мой милый, ты думаешь в правильное русло. — Женщина облокотилась о небольшой комод и подпела его руками. — Ты останешься тут, будешь докладывать мне каждую неделю, о том, что затеяли наши ангелочки.

— Хорошо, но, как долго вы там будете? Ты берешь весь клан?

— Весь клан? — Она томно засмеялась. — Я беру лишь самых лучших. Мы отправимся в Испанию, и будем лишь к сентябрю. К этому времени ты должен узнать все, что они

скрывают. И надеюсь, — она встала и подошла к Индиго, схватив его за подбородок. — Что ты не подведешь меня, мой верный волчонок.

— Я бы не посмел... — Он остановился, когда Лорен накрыла его губы своими. И как же было странно, что Индиго на самом деле тридцать два года, а Лорен крутит им как марионеткой в своих руках.

— Я знаю, мой милый. — Ответила Лорен.

* * * * *

Эти двое придурков стояли и пялились в мое окно целых двадцать минут, после того, как я зашторила шторы. Закатив глаза, я снова открыла окно.

— Я что, не ясно выразилась? Проваливайте! — Мое удивление сейчас стоит в сторонке и молча удивляется тому, что видят мои глаза. Я же говорила не появляться Люциану в моей жизни, и когда этот самодовольный кретин нарушал правила?

— Даже не пригласишь нас войти? — Спросил утырчок-Кайл. Я фыркнула.

— И не подумаю. Если войдет он, я его кастрирую.

— А если войду я? — Он улыбнулся свое похабной улыбкой.

— Ты познакомишься с такой тройкой как: сковородка, нога, дверь.

— Да ладно тебе, Матс! Не будь такой букой!

— Да пошел ты, дебила кусок!

Я снова зашторила шторы, и на сей раз не собиралась открывать. Я услышала звук входной двери, она захлопнулась, и я полетела вниз.

— Я видел этих двух ушлепков рядом с твоим окном. Все в порядке? — Джим подошел ко мне и приобнял за плечи.

— Да, — я кивнула. — Со мной все хорошо, даже не сомневайся. Только... Где Лиса?

— Разговаривает с Люцианом. — Эта новость была для меня очень даже какой «ахренеть не встать!». Я мотнула головой.

— Так, ладно, тогда говори, что хотел.

— Тебе это не очень понравится, — Джим присел на диван. — Точнее вообще не понравится.

— Не тяни, а. — Я присела на против Джима.

— В общем. Начнем с Кайла.

— Ты прав, мне не нравится.

— Да выслушай же, дубина!

— Ну!

— В общем. Его освободили из-под стражи, так как Михаил не винил парня за содеянное и сказал ему что он прощен.

— Ну зашибись просто! Спасибо тебе мой папочка, я тебе очень благодарна!

Крикнула я в никуда. Почему я назвала его папочкой? Да потому что, можно было считать, что он моя крестная фея. Только крестный и ангел. Вот только, от меня почему-то постоянно все скрывают, что-то не договаривают по этому поводу.

— Ну а Люциан твой ангел-хранитель.

На мое лицо выступила краска злости. Какого черта!

— Что за... — Хотела сказать я, но меня прервала Лиса. Которая привела Люциана и Джима в дом. Мой дом!

— Лиса! Что за хрень ты вытворяешь? — Я соскочила с места, но не осмеливалась подойти.

— Я решила собрать всех за одним столом. Что бы мы обсудили все то, что нам нужно и разойдемся тогда мирно, ладно?

— Ничего не ладно!

— Матс, — Джим положил мне руку на плечо. Это отнюдь не успокоило. Но я согласилась. Не знаю почему. Наверное, мне захотелось услышать всю правду от этих двух... Я не могу подобрать правильных слов. Я не знаю, что они для меня представляют. Наверное, потому, что они для меня ничего и никогда не значили. Один открывает во мне невероятный холод внутри, который вырывается наружу и надевает мне на лицо маску безразличия. Такую же холодную как Близзard (один из самых холодных ветров). Если бы мне далась такая возможность, как, убить их обоих, я бы убила. Кайл напоминает мне о том, что я больше не принадлежу свободе. Я больше не свободный ветер, я заточенная в клетке птица, которая будет во веки веков только в этой жуткой и вонючей клетке и только с ним. Это меня убьет.

Мне кажется, каждого бы убил тот факт, что мы больше не принадлежим самому себе. И наша жизнь уже не в наших руках, а в руках того, кого мы ненавидим. Часто сумасшедшие люди, каковых мы считаем, притворяются лишь сумасшедшими. На самом деле, они повидали ту жизнь, которые мы не смогли рассмотреть. Что же случилось в моей жизни? Смерть, потеря, слезы, и уход близких. Заточение в клетки и потеря эмоций. Разбитое сердце и огромная дыра в душе, и чего я смогла добиться? Ничего. За все эти чертовы десять месяцев я получила только разбитую вдребезги себя. Я перенесла достаточно смертей. Эшли, Нил... Которые оказались лучшими друзьями Лисы и молодой замужней парой.... Я пережила свою смерть и смерть Питча. Я пережила смерть моих чувств, и крах моего внутреннего мира. С несокрушимой я стала ничтожной. Вот так сломала меня школа, казалось бы, небесного божества.

— Начинай, — приказала Лиса ангелу, который сидел напротив. Я не смогла смотреть ему в глаза, иначе, я бы не выдержала и врезала бы ему.

— Я помню, что обещал тебе, не приходить больше в твою жизнь.

Голос Люциана звучал также, как и тогда, когда он занимался с учениками. Он изменился, больше нет такого теплого тона, как был. Его глаза полностью потеряли интерес ко мне и моей душе. Меня это даже не затронуло. Ни сколько. Мне было все равно. И кажется, мы оба остановились на том, что мы друг-другу, абсолютно безразличны.

— Но вышло совсем иначе и теперь я твой ангел-хранитель. — Я сжала кулаки под столом, так, что ногти пробили кожу и я ощутила теплую и жуткую жижу, что стекала по моим запястьям.

— Я знаю. — Монотонно говорю я, но не заглядываю ему в глаза.

— Теперь я, — Говорит Лиса. — Мы с Люцианом померились, и возобновили дружеские отношения. Джим, ты не против?

— Нет конечно.

Как мило! Нет. Это противно. Джим находит мои руки под столом и берет одну из них, я не разжимаю кулаки. Все спокойно пили чай, а мой стоял даже нетронутым.

— Почему ты не пьешь? — Лиса осторожно взглянула на меня. — Я заварила тебе твой любимый, с мятой.

— Спасибо, но я не хочу. — Так же быстро отвечаю я.

— О, спасибо за подсказку, — Кайл улыбается и подмигивает Лисе, отчего та чуть ли не с оскалом фыркает и закатывает глаза. — Теперь я буду знать, какой чай подавать в постель

моей будущей жене.

Эти слова меня окончательно вывели меня из себя. Я подрываюсь с места, и стул со скрипом отлетает прямо в стенку. Я беру кружку с горячим чаем и швыряю прямо в Кайла. Кружка в мгновение ока влетает в него и падает на кафельный пол, разбиваясь вдребезги. Горячая вода обжигает парня и тот подскакивает, как и все остальные.

— Ты что, сдурела? Какого черта ты вытворяешь?

— Никогда, слышишь? Никогда не смей заикаться о нашей совместной жизни! Ее не будет! Никогда!

— Да? — В ярости кричал он.

— Тогда какую ты жизнь себе представила? Тебе не видать нормальной жизни! Ты сможешь быть только со мной! А если посмеешь влюбиться в иного, нефелима, или в этого блохастого... Я убью их всех, всех! И только потому, что ты моя. И все это будут знать. Потрахаешься с кем-то кроме меня, никогда не сможешь родить! Потому что ты бесплодная для таких как он! — Парень указал в сторону Джима. Все раскрыли рты, а я стояла как каменная статуя, с каменным лицом.

— Тогда убей меня сразу.

Это была моя последняя фраза перед тем, как покинуть их общество, пред тем, как уйти в себя окончательно. Я совершила большую ошибку, когда позволила Лисе впустить их в мой дом. В голову ударили воспоминания, и они были отнюдь не веселыми. И это было начало для моего нервного срыва.

Глава 17 "Мне жаль"

Очередной день снова для меня ничего не значит. Закрываю глаза и провожу языком по сухим губам. Моему организму не хватало воды, уже третий день я не выхожу из своей комнаты. Не желаю этого делать, поскольку, ничего хорошего меня не ждет. Я пролистываю книгу и ухожу в нее с головой. Уже четвертая книга, еще немного и я ее дочитаю. Скоро, мне не останется ничего кроме того, как тупо смотреть в одну точку.

— Матс, хватит там сидеть, ну ёма-ё! Что же ты с собой делаешь, — ласковый голос Лисы пробивается через деревянные двери. Я молча закрываю глаза. — Пожалуйста, Матс, ты хотя бы поешь, а? — И я снова молчу.

Так проходят мои дни. Да, именно так. Джим меня не трогает, я слышу, как он ходит по дому, как шуршит тарелками, как смеется. Можно было бы подумать, что ему наплевать на меня, если бы не то, что я абсолютно его не слушаю. Лисе удавалось лишь изредка достучаться до меня, а Джима я не слушала. Я перестала слушать мужской пол сразу после того, как прокляла их сразу с Цепешом.

Опять листаю книгу и веду сонными глазами по строкам. Иногда, я даже не понимаю смысл, не хочу, а может просто из-за того, что не могу сосредоточиться. Я не могу спокойно спать. Все время просыпаюсь в ожидании чего-то, вот только чего, я не знаю... Я схожу с ума, и еще немного, и я собственноручно убью себя. Вот почему я говорила, что Михаил совершил неисправимую ошибку, когда доверил мне мою же жизнь.

— Я не хочу. — Мой голос звучал сухо, с хрипотцой. Иногда мне не хватало воздуха. Но единственное, что мне хотелось, просто остаться одной, что бы меня не трогали и перестали называть мое имя.

— Так дело не пойдет, — чей-то кулак врезался в мою дверь, я вздрогнула, я присела на край кровати и от отвращения к себе, закрыла глаза. Трехслойные мешки под глазами, впалые скулы, щеки пропали, руки стали меньше, ноги худее в два раза. Я не была похожа на анарексичку, но и на здорового человека я тоже не была похожа. Губы побелели, а волосы выглядели как гнездо коршуна.

— Либо ты ешь, либо я насильно заставляю тебя это сделать, Родсвилд! — За дверью послышался голос Джима. — Живо! Я жду.

— Жди, Джим. — Лишь отвечаю я и ложусь обратно на кровать. Моя голова началась кружиться.

— Ты больна. — Его голос уже был спокоен и уравновешен.

— Сам ты больной, и причем на голову. Уходи отсюда! — Я злилась? Нет, я просто не хотела слышать его голос. Почему? Потому что это вызывало отвращение. К Нему? К себе.

— Ха-ха-ха! Ни хрена не смешно, открывай!

— Нет? Нет. Уходи, Джим.

— Ну все, ты меня достала!

В эту минуту моя дверь с грохотом падает на пол, и я вижу глаза Джима. Его прекрасные, голубые ужасающие глаза. Он бы очень зол. А когда увидел меня, втрое разозлился. Я прикрыла свое тело одеялом. Мне было холодно.

— Боже! Матс! — Ко мне подлетела Лиса. Села рядом и обняла. Мне этого не хватало, да, я скучала по ней.

— Да что ты там прикрываешь? Я по тебе уже вижу, что ты живой труп, — Джим

сложил руки на груди. Злость не уходила, но она ослабла сожалением. Я сморщилась.

— Не нужно меня жалеть, Ньютон. — Я мотаю головой и снова сажусь на край кровати. Лиса осматривает мое тело и закрывает рот рукой. — Я сама выбрала себе такую участь, хочешь ты этого, или нет! — Я пытаюсь встать, но в этот момент, моя голова просто раскалывается на миллионы кусочков, а в глазах начинает рябеть, ноги становятся ватными, и я падаю, вот только не долетаю до пола, потому что крепкие руки Джима подхватывают меня.

— Отпусти меня, я вполне сама могу дойти до кровати. — Хриплю я. Эта была ложь. Я слова-то с трудом связываю в сложные предложения.

— Нет дорогуша, мы идем сейчас не в кровать, а на кухню.

— Я не хочу! — Тут Джим резко ставит меня на пол и прислоняет к стенке. — Слушай меня внимательно, Родсвилд. То, что я скажу, будет только раз. — Я молчу.

— Ты очень важна мне. Ты мне как сестра, понимаешь? Я потерял когда-то все. Семью, стаю. Я был изгоем. И когда я пришел к тебе, я был уверен, что ты моя судьба. Ты моя маленькая девочка. Ты мне как сестра. И я считаю тебя своей сестрой. Ты мне помогала справиться с тем, с чем я не мог, никто не мог. Ты дорога не только мне, но и Лисе. Сложно признавать и тем двум, что ты ненавидишь. А сейчас, я вижу тебя вот такой. Мне больно. Мое сердце не выдерживает. Я думал, если оставить тебя в покое, то ты все-же выйдешь. Но в глубине души я знал, что это не так...

Я останавливаю его, мои глаза хотели бы наполниться слезами, но их не было. Так же, как и воды. Дрожащими от недостатка воды, пищи и сна руками, я обнимаю Джима. Вдыхаю его волчий запах. До боли родной мне. До боли приятный. Вот он мой герой. Вот он, настоящий брат. Иногда я жалела, что он на самом деле не мой брат. В семье я была одна.

— Прости меня, Джим, прости... Мне сложно, и я... — Я не хотела признавать то, что я сейчас скажу, но эта была правда чистой воды: — Я боюсь. Боюсь того, что будет в будущем. Я не хочу ничего.

— Эй, малышка, — он обхватывает своими руками мое лицо и улыбается. Так искренне. — Все будет хорошо, ладно? Мы с Лисой поможем тебе, да, Лис? — Лиса стояла и плакала с улыбкой на лице, она подошла ко мне и обняла крепче чем когда-либо.

— Конечно! Ты наша девочка и ничья больше. Мы тебя не оставим, солнышко.

Я улыбнулась и вытерла дрожащими пальцами ее слезы. Они переживали за меня, переживали за свою малышку. Я улыбнулась.

— Я вас люблю. Спасибо, за то, что не бросили меня.

— Бросили, — Джим удивленно вскинул бровь вверх. — Да тебя попробуй брось, сразу же полетишь через прогиб, — я начинаю хохотать и снова его обнимаю. Он целует меня в лоб.

— Что это такое? — Мы все втроем поворачиваемся на голос. И видим то, что я бы хотела меньше всего. Точнее вообще не хотела. Какого же они тут желают? Эти двое что, всегда теперь вместе ходить будут?

— Ты какого хрена ее трогаешь? — Кайл направился к нам, а точнее к Джиму. Он был зол, и я сделала то, о чем возможно пожалею.

— Только тронь его, — я встаю перед Джимом. Я была в его же футболке и коротких шортах, которые скрывала эта футболка. На удивление я стояла твердо. Мои глаза снова ничего не выражали. — И тогда, ты больше никогда не увидишь этот свет, понял?

Кайл остановился.

— Ты воняешь псиной! — Его кулак прошелся по стене, оставив кровавый след на том месте. — Я же сказал, что убью его, если ты с ним пересподишь.

И тогда меня настигло озарение. Так вот оно в чем дело.

— Ты думаешь, что я с ним сплю? — Я начинаю хрипло смеяться, отчего бешу его еще больше. — Ну ты и кретин, Цепеш. Вы оба с ним кретины, — я указала на ангела. Он смотрел, нет, пялился в открытую на меня. И Кайла это не раздражало, тогда почему его раздражал тот факт, что я пахну Джимом? — Я с ним не сплю и даже не встречаюсь. Он с Лисой, дебил. А теперь пошел вон с моего дома.

— Не смей мне указывать, иначе...

— Иначе что? — Я остановила его и подошла на два шага, которые разделяли нас. Теперь я могла почувствовать его запах. А его и не было. Он не пах. Ничем. — Убьешь меня? Ударишь? Вот только есть один нюанс, который ты не заметил, из-за пелены свое ревности, напыщенный индюк. Рядом стоит мой ангел-хранитель, — эти слова мне дались с трудом. В глазах снова начинало рябить, тело трясло, но я продолжала стоять и смотреть этому наглому уроду в глаза. — Он не позволит ни одному из того, что я перечислила случиться. А сзади меня, стоит мой Лучший друг Ньютон, который с радостью разорвет тебя на части. А Лиса... Она тебя покромсает, если это потребуется, и ты не посмеешь ей навредить, иначе, тебя убьет Грегорн. А если ты хоть что-то посмеешь сделать Джиму, — я ткнула пальцем в его твердую грудь. — Я тебя лично убью. И не только физически.

Минута молчания. И смех, смех этого придурка.

— Ты мне стала нравиться еще больше. А теперь, — он подошел ко мне и вскинул себе на плечо. — Собирай свои вещи, мы едем ко мне.

— Какого черта?! — Крикнула я.

— Что за дрянь? — Крикнула Лиса.

— Если ты сейчас же не оставишь ее, я тебе глотку порву, Кайл. — Прорычал Джим. Если сейчас начнется драка, кто-то один точно умрет. И я не хотела жертвовать Джимом.

— Я не поеду с тобой, я тебя ненавижу, пошел ты в жопу!

— Разве что в твою. — Грубо ответил он и понес меня в свою машину. Он кинул меня на заднее сиденье. Затем заблокировал машину и пошел обратно в дом, за моими вещами?

— Я тебя ненавижу! Ненавижу! — Я кричала и била кулаком по стеклу. Силы стали уходить. Вокруг начало все кружиться, и я просто на просто упала в темноту.

* * * * *

Юноша сидел на краю кровати и наблюдал за девушкой, она была столь невинной, во всех смыслах, что он хотел ее еще больше. Больше чем кого-либо. Он не хотел ее делить, но спор есть спор. Чертов Люциан! В глубине души он знал, что она выберет его, но пока он наслаждался тем моментом, когда он мог до нее дотронуться. Он хотел попробовать на вкус ее сладкие губы. Хотел бы ощутить ее всю.

Она начала вертеться и резко распахнула глаза. Они были туманными, только отходили от двадцати двух, часового сна.

— Какого хрена? — Она опомнилась и соскочила с кровати. Пока она спала, ее удалось привести в порядок. Нужные лекарства восстановили ее прекрасную кожу, алые пышные губы, но голос все еще был хриплым. О, как это возбуждало! — Где я? — Агатис схватила парня за шкуру. Он сидел и широко улыбался. Так широко, как только мог человек.

— Ты у меня дома, дорогуша.

— К-как? — Девушка рылась в памяти, пыталась вспомнить хоть что-то и

вспомнила... — Вот же сукин сын! Я уйду!

Тут Кайл подскочил и зажал девушку меж его телом, и стеной. Та начала барахтаться, он схватил ее руки. Их лица оказались в миллиметре друг от друга.

— Отпусти меня, идиот! — Это забавляло парня, он уже явно представлял ее в постели.

— Теперь ты не имеешь права куда-либо от меня уходить, считай, что я тебя украл. Навсегда, — его горячие губы коснулись ее шеи, и она воспротивилась этому.

— Перестань, ты мне противен!

— Но почему-то, тогда, на той вечеринке, ты даже была не против потерять со мной невинность, — его руки спустились девушке на бедра и поглаживали их, двигаясь к ягодицам.

— Тогда, я выпила, а сейчас я полностью трезвая. И я говорю, отпусти меня! Сейчас же!

— Ну уж нет, ты моя, и только моя, — он вдыхал запах ее кожи, запах ее волос. Смотрел в ее серые глаза и тонул в них, влюбляясь в нее все больше и больше, но к нему она чувствовала иные чувства. Ненависть, отвращение, гнев. Он выдохнул и с великим «не хочу» отпустил девушку.

— Ты когда ни будь перестанешь меня ненавидеть?

— Никогда.

* * * * *

Кайл ушел, оставив на моем теле, свои вонючие микробы. Я содрогнулась и повернулась к шкафу, который стоял справа от меня. В этом шкафу были мои вещи и новые. Его подачки я принимать не собиралась. Поэтому, взяв первые попавшиеся шорты и майку и зашла в душ, который находился в моей комнате. Но перед этим заперла сначала дверь в саму комнату, а потом ванную дверь. Сняв с себя грязные вещи, я кинула их в корзину для белья.

Теплые струи воды поначалу обжигали мою кожу, а затем, расслабили ее до такой степени, что я закрыла глаза от удовольствия. Приняв ванну, я вылезла и укутав свою голову в полотенце, надела чистую одежду и вышла в комнату. Тут тихо. Тут так одиноко. Тут страшно.

Я всегда боялась одиночества. Всегда боялась остаться одна. И с этим я справлялась благодаря Питчу. Потом он ушел. Мне стали помогать Джим и Лиса. Но теперь, их тоже нет рядом. Мне их не хватает. Я хочу, чтобы это все закончилось. И я сделаю все возможное для этого.

— Выходи, и иди есть. — За дверью прозвучал голос Цепеша. Я только хотела ответить, что я никуда с ним не пойду, как он дополнил:

— Если не спустишься, я выбью эту дверь с петель и тогда, тебе не понравится, что я сделаю. Ну это сначала...

И он ушел. Мало того, что он был психически больным, жутким собственником, так еще он и начал мне предоставлять никому ненужные угрозы. Мое сердце застучало с бешеной скоростью, а все тело пронзила дрожь. Мне было страшно? Нет. Я была зла. Я ненавидела его.

Подождав пока он уйдет, я открыла двери и начала спускаться вниз по ступенькам. Найдя кухню, по запаху, я зашла туда и села за стол.

— Я знал, что ты меня слушаешь, — он улыбался, я это чувствовала, даже если он и стоял спиной ко мне.

— Отвянь.

— Это грубо, Аматис, тебя не учили манерам?

— А тебя не учили, что человек не собственность и тебе никто, ни чего не должен? — Парень поставил мне тарелку горячего супа перед носом, а себе кофе.

— Ешь.

— Был уговор на то, что я спускаюсь. Я спустилась. Но не было уговора на то, что я буду есть.

Из его ушей и ноздрей шел чуть ли не пар.

— Эй, Кайл, спокойнее. — Люциан присел рядом с братом.

— Каждой твари по паре? Вы подходите друг другу, — съязвила я. Затем встала из-за стола, и вылила суп в раковину.

— Спасибо, милый, за завтрак. Думаю, раковина оценила.

Тут Кайл не выдержал и схватив меня закинул на стол. В этот миг, он приник своими губами к моим. Я была в оцепенении меньше минуты, затем очухалась и отстранившись влепила ему смачную пощечину. Его щека приобрела красный оттенок.

— Я никогда не буду твоей! Я тебя ненавижу, запомни это! И раз ты не хочешь отправлять меня домой, то радуйся, я умираю. Умираю внутри. А раз так я лучше сдохну, чем буду жить с тобой.

— Я люблю тебя, дура! — Резко заявил Кайл, и я встала к нему спиной.

Он любит? Такой как он, только может присваивать себе, но не любить. С ним страшно находиться. Страшно жить. Страшно смотреть ему в глаза. Это истинный дьявол. Его любовь ничего хорошего не принесет, лишь страдания. Я его ненавидела, он отобрал наглým образом у меня свободу. Да, я тоже виновата, но по началу, а точнее с самого начала он на это и рассчитывал. Вот только одно он не усек, то, что я никому не подчиняюсь. И никогда не буду. Я поворачиваюсь к нему лицом и смотрю в глаза.

— С этим, справляйся сам, Кайл. Это твои проблемы.

И отвернувшись снова, я ушла. Ушла в свою комнату. Иногда, любовь бывает ложью, которая скрывает истинные намерения человека. У Кайла их не было. Он говорил это с искренностью, а я взяла и кинула ему в лицо камень. Камень, который разбил его чувства ко мне. И мне не было его жаль. Потому что судьба повернулась к нам задницей и сказала: «смотрите, эта ваша чертова жизнь». Он поймет. Поймет, как это, быть изгоем общества. Как это, когда притупляешь мои права. Как это, когда играешь со мной как с игрушкой и берешь когда хочешь. Как это, отбирать у меня мой первый и второй поцелуй. Как это, когда ты ломаешь мне жизнь. Я хочу, чтобы он чувствовал все это. Хочу, чтобы его ломало изнутри. Я хочу, чтобы его сердце разбилось вдребезги от моих слов. Потому что мое сердце окоченело. Мои чувства исчезли. Моя душа скрылась за горизонтом. Моя искренность сменилась ложью, потому что такие люди как он, делают только хуже. Он черствый кусок дерьма, которому лишь важны его собственные прихоти и желания. Да плевал он на всех и вся. Он плевал на меня. Он плевал на всех, кроме себя любимого.

Я соврала. Я не умирала изнутри. Но я была блистательно убедительной. Нельзя умереть внутри. Но можно потерять сердце, разорвать душу и избавиться от чувств. Это иногда полезно, ничего не чувствовать. Потому что, когда мы чувствуем, мы изнуряем сами себя. Мы выводим себя и убиваем свои нервы. Мы сами себя губим. Сами уничтожаем то, что сотворили. Мы сами.

— Собирайся, — в Комнату вошел Кайл. Лицо его не выражало ничего. — Я отвезу тебя обратно.

Наделю назад, Кайл привез меня домой и больше не появлялся у меня на пороге. Я старалась делать вид, что ничего не было, и все вернулось на круги своя. Все стало тихо и спокойно. Мы все втроем решили съехаться, вот только мама Лисы была против такого сожительства. Не из-за меня конечно, а из-за Джима. Но, Лиса даже не слушала ее. Собрала вещи и уехала ко мне.

Недавно мы затронули тему школы, и Лиса решила, что мне нужно доучиться и поступать в университет, потому что так дело не пойдет. С сентября я иду в школу. Доучиваюсь в одиннадцатом классе и поступаю в университет.

Когда Джим уходил по ночам на работу, мы с Лисой устраивали просмотры фильмов с многими вкусностями и пряностями, и поэтому сегодняшний день не был исключением. Джим и Лиса уехали в магазин за продуктами, я осталась же дома, чтобы привести его в порядок. Как только я убралась, в дверь постучали. Я пошла открывать, но одернула себя. Есть звонок, это раз. Два, это то, что у Джима есть ключи. Три, я никого не жду. Я тихо отошла от двери и задержала дыхание.

— Мисс Родсвилд?! — Незнакомый голос мужчины послышался за входной дверью.

— Полиция Протлшейта, откройте пожалуйста.

Но это меня вовсе ну успокоило. Что тут делает полиция. Что тут вообще происходит? Я подхожу к двери и открываю ее.

— Добрый день, — кивает мне мужчина средних лет в форме. — Вы мисс Родсвилд?

— Она самая, — отвечаю я.

— Кем вам является Лисандия Ноллеглей? — Сердце забило быстрее, пульс участился.

— Подругой. Что с ней?

— С ней как раз-таки все в порядке, а вот ее мама...

— Что с моей матерью? — Сзади послышался голос Лисы, капитан повернулся к ней, и сказал то, что убило мою подругу:

— Соболезную мисс, но ваша мать скончалась. Авиакрушение. Не выжил никто.

Пакет из ее рук падает на землю. И она переводит взгляд на меня.

— Мне жаль.

Глава 18 "Возродившийся из пепла"

Я подхожу к комнате Лисы и приоткрываю дверь. Облокачиваюсь плечом о дверной косяк и скрещиваю ноги. Руки я скрещиваю на груди. Картину, которую я вижу, была непристойна для такой девушки.

— Хватит уже, Лис. Ты свою печень губишь. — Говорю я и все еще смотрю на нее. В комнате полно побитых наград, статуэток, и фотографий, что были заточены в аккуратные деревянные самодельные рамки, которые делала для нас Джим. Рука Лисы в засохшей крови. И в этой же руке бутылка бурбона. Так она проводит мать в мир иной.

Она не явилась на похороны. Обуславливая это тем, что не желает идти на похороны женщины, которая для нее ничего не значит, но я видела, что это было не так. Ей был нужен лучший друг, но его не было, также как и Цепеша. Я переборола свою гордыню и написала ему сообщение, о том, что он нужен тут, он нужен Лисе.

Мы собрали всех знакомых Зайзы, всех подопечных и устроили проводы у нас в доме. Лиса закрылась в комнате, не давая никому войти. Она сама почти не выходила. Лишь за выпивкой и иногда за закуской. Я не ругала ее, тихо приходила, когда она спала и ставила на стол стакан воды и таблетки от головы. Целовала ее в лоб и покидала ее обитель. Джима она выгнала с комнаты, и он спал на диване в гостиной. Постоянно пропадая на работе, он почти не видел ее, но просил приглядывать меня. Меня, которая сама-то еще в глубокой депрессии с нервным срывом. Самоубийцу собственных чувств. Сейчас ему сложно с нами, он переживает, мечется то к ней, то ко мне. Бьется чуть ли не головой об стену.

По спине пробежал холодок, и я лениво перевела боковой взгляд на силуэт сзади. Улыбаюсь собственным мыслям. Явился.

— Иди, попробуй отобрать у нее бутылку, — я поворачиваюсь и иду мимо Грегорна. Он смотрит то на меня, то на свою лучшую подругу, и идет за мной. Я останавливаюсь и снова скрещиваю руки на груди.

— Какого хрена ты за мной плетешься, Грегорн? Вон там та, которая нуждается в тебе. — Я указываю подбородком в сторону Лисы. Его глаза метаются в разные углы, в разные стороны. Он хочет что-то сказать мне, открывает рот и...

— Люциан, — его останавливает пьяный голос Лисы. Он оборачивается на голос и ласково улыбается. Тут я и подумала. Что он никогда не был ни с кем так ласков.

— Иди сюда, — он подходит к ней и крепко обнимает, Лиса начинает рыдать. Впервые за все это время, она дает волю чувствам. Я могла бы подумать, что они любят друг друга, если бы не то, что Лиса любит Джима, а Люциан — дерьмо. И не любит никого кроме себя. Он напоследок смотрит на меня, я разворачиваю корпус и иду к себе в комнату. Закрываю дверь на щеколду и падаю на кровать.

Мне чего-то не хватало, и я не могла понять чего. Сейчас у меня снова возникло дежавю. Вспоминается тот день, когда еще не знакомые мне нефелимы, те же самые, провожали в путь Нила и Эшли, а теперь, те же самые люди, уже со мной, провожают Зайзу Ноллеглей. Куда она попадет? А, впрочем, не важно. Я не хочу знать. Мне все равно. Теперь уже все равно кто куда попадает. Смысл переживать на счет этого, если каждый из нас совершил грех уже с самого своего далекого детства, и теперь уж точно попадет в ад. Мы все попадем в ад, так почему бы и не грешить с удовольствием, пока жив?

Я не замечаю, как засыпаю.

Я просыпаюсь от голосов за моей дверью. Прислушиваясь, я понимаю, что это Лиса и Люциан о чем-то возбужденно спорят и смеются. Сегодня она трезвая, хоть что-то радуется. Я встаю с кровати, выбираю себе вещи и направляюсь в душ. После водных процедур, я заматываю волосы в полотенце, одеваюсь и спускаюсь на кухню. На кухне уже сидит Джим, а на его коленях приземлилась Лиса. Напротив сидел Люциан и пил чай. Он что, у нас поселится решил? В моей голове много очень много вопросов, и в скрытых обид, которые уже сейчас готовы вырваться и рвать глотки всем. Но я держалась. Я пыталась держаться.

— Доброе утро, малышка, — я слышу голос Джима и поворачиваю голову на его звук и улыбаюсь. Подхожу к нему и целую в щеку. Отхожу и иду к чайнику.

— А меня? — Лиса обиженно надувает свои губы, а я с каменным лицом поворачиваюсь к ней.

— Обойдешься Ноллеглей, я с тобой вообще не разговариваю.

Почему я была зла? Да потому что тогда, когда она была в стельку пьяная, я не могла высказать все то, что я чувствовала. Не могла злиться на того человека, который и двух слов связать не может. Меня злость съедала, а она улыбалась. Но теперь, моя очередь. А теперь, я вижу, как она мило сидит как ни в чем не бывало и улыбается на пару с Джимом. Моей злости не было предела. Границы разорвались, и я наконец дала волю своим чувствам.

— Ну прости меня, не будь букой, Родсвилд. — Говорит подруга и я резко разворачиваюсь. Смотрю с яростью в ее глаза. Из моих рук выпадает кружка кипятка и обжигает мою ногу. Она сразу же приобретает красный цвет. Я даже не плакаю.

— Прости? Да я снова пыталась тебя вытащить из дерьма, в котором ты была, но в первый раз ты послала меня, обусловив это тем, что найдешь получше подругу, а во второй раз, ты предпочла мне Грегорна. Ну так вот, Лиса, в третий раз, я ничего не собираюсь делать. Мне это надоело, надоело то, что, когда я тебе нужна, только тогда, ты видишь во мне свою лучшую подругу. А когда я тебе бываю не нужна, ты хоть когда-то подойдешь ко мне просто так и заговоришь?

У Лисы на глазах нарисовались слезы, мне было на это абсолютно ровно. Уж слишком часто, я плакала тоже из-за того, что она говорила мне. Я чувствовала то же самое, что и она сейчас.

— Ты обожглась... Давай я помогу, — Лиса встает с Джима, но я останавливаю ее.

— Нет, сама обойдусь, спасибо.

— Да почему ты так реагируешь на это? — Недовольно спрашивает Джим. Я понимаю, он делает это потому, что Лиса его девушка и я его не осуждаю. — Что в этом такого? Какая собака тебя покусала? Ты сейчас от злости взорвешься.

— Знаешь, что, мой дорогой Джим, она предпочла Гегорна, а мои родители предпочли работу мне. Да, я эгоистка. Но таковыми становятся, когда им предпочитают по лучше. Я каждую ночь, в течение этой недели, которую она бухала возилась с ней. Я приносила ей таблетки, я подавала ей свою дружбу и доброту. Я целовала ее в лоб каждый раз, когда она засыпала, и я не требую ничего взамен. Я просто дарила ей любовь, а она, хотела видеть не меня, а Люциана. Так какого хрена ты мне сразу не сказала? Мир не крутится вокруг тебя. У тебя умерла мать! Единственная кто остался у тебя, тут и сейчас, а ты просто взяла и даже на поминки не пришла! Это ты эгоистка! Эгоистка, которая знает только то, как пить, и тратить чужое время.

Я разворачиваюсь, и ухожу, как в проеме, меня останавливает чья-то рука, и я, не выдержав, замахиваюсь и оставляю на чей-то щеке звонкую пощечину. Смотрю в глаза.

Люциан. Я не жалею, ни о чем. Снимаю с головы полотенце и кидаю ему в лицо. Стряхиваю мокрые волосы.

— Еще раз прикоснешься ко мне, и ты покойник.

Я разворачиваюсь и на этот раз выхожу из дома хлопая уже входными дверьми. Тут уж меня никто не останавливает. У меня в кармане шорт нахожу ключи от машины и сажусь. В бардачке у меня в запас лежали деньги. Завожу машину и выезжаю со двора. Смотрю в зеркало заднего вида и наблюдаю Лису, которая кричит остановится, но я даю газу и уезжаю подальше с этого места.

* * * * *

Девушка заезжает на стоянку единственного супермаркета Придждпорта и выходит из машины. Она не понимала, на самом ли деле она так ненавидела людей лишь потому, что они предпочли вместо нее что-то по лучше. Или она злилась на себя, что она слабачка, которая сорвалась на лучшую подругу. Которая ни в чем не виновата. Также, как и лучший друг. Она ненавидела другого. Что сидел рядом, она его ненавидела так сильно, как это было только возможно. Все закончилось так, наверное, как и должно было быть. Она ненавидит его, он ненавидит ее. Вот только, что делать, если того, кого она ненавидит больше смерти, является ее ангелом-хранителем, который будет ходить за ней по пятам. Амагис невольно трогает свой кулон на талии и вспоминает слова Михаила:

«...он поможет тебе»

Матс могла бы вызвать Михаила, поговорить с ним, высказать всю свою боль и заплакать. Но что же было делать, когда она злилась и на него. Обижена на весь мир. Вот как можно было бы назвать это вкратце.

Девушка шла и думала обо всем. Зайдя в кафе, она присела на столик и позвав официантку заказала кофе.

Лорды уже давно не светили своими хвостами на горизонте, что радовало, но как только они узнают, что глава школы мертва, они обострят свои клыки начнут рвать все, что им попадется на пути. Вот, что беспокоило Амагис больше всего.

За все эти долгие месяцы было сложно. Воспоминания пролетали так быстро, и счастливые моменты тоже. В жизни Амагис были довольно много черных полос, много препятствий, который судьба подавала всеми возможными ужасными способами. Ставила ей подножки, смеялась, кричала на нее и избивала. Она преподносила ей выбор. Смерть или жизнь. И была рада тому, что Амагис выбрала смерть. Она этого и добивалась. Добивала ее. Но она шипела и бесилась, когда у этой маленькой девочки были те, кто помогал вставать, когда она падала, и помогали выжить, когда она умирала. Но даже несмотря на то, что у нее были те самые незаменимые и любимые ею люди, они меняли ее. Они укротили ее чувства, ее любовь к ним. Люди забыли про человечность, когда они стали отворачиваться от истинных чувств к ним, зарабатывая все больше и больше ненависти. Амагис кричала внутри, била стены клетки, которые заточили ее истинную, ее настоящую, но она стала запирает ее все чаще и чаще, а вскоре, она и подавно забудет ее открыть. Все меняется. Но меняется ли к лучшему? Зачем она вообще переехала в это город. Зачем она вообще выбрала жизнь с родителями... Она могла остаться бы в Нью-Джерси, и Питч тогда был бы жив. Ее чувства были бы живы, а сердце не было бы холодным. Холоднее чем сердце Люциана. Она хотела бы прокричать «МАМА!» но она не могла. Язык не поворачивался назвать так эту женщину. Она ненавидела их. Она превращалась в Лису. Подруга тоже ненавидела свою мать, а отца не знала. А знала Ли Матс своего отца?

Его зовут Адам Родсвилд. Этот мужчина любил ее? Наверное. Чувствовала ли она этого? Нет. Они скрывали свои чувства. Их сердца очерствели. А ребенок рос без семьи. Она росла только с псом. И это была ее семья. Та самая, которой она дорожила. Та самая, которую она любила. Вот так оно все и было.

Что она хотела бы изменить Ничего. Жизнь протекает по правилу Божью. Ее бог — Михаил, но даже он не знает, что ждет эту девочку. Он сидит и смотрит на нее свысока. Видит ее внутреннюю борьбу. Но ничего не может с этим поделать. Он не может помочь ей. Только если облегчить страдания, и то, на мгновение. А потом снова боль, слезы, в душе образовывается дыра, которая поглощает все. Ей нужно жить, но она не живет, она не живет... Девушка еле ходит, еле говорит и еле держит все в себе. Она закрывается ото всех, не видя, совсем не видя всех тех чувств, что к ней испытывают люди, потому что, она потеряла веру. Ту самую, что когда-то хлестала все ее несчастья, все ее сомнения. Она исчезла. Ушла? Нет. Она сама убила ее в себе, и лишь она сама может ее воскресить. И нужно вселить в нее новые чувства. Новые сопереживания. Ей нужна новая жизнь. Ей нужно отправиться куда-то? Нет. Ей нужно полюбить. Полюбить того, кто не допустит того, что она снова согнется пополам, и с криками и воплями о боли снова сломается.

Завтра нельзя начать новую жизнь. С нового листа тоже нельзя. Новая жизнь, новые чувства приходят неожиданно, и вот только тогда ты говоришь, что начинаешь жизнь с чистого листа. Только тогда, когда ты чувствуешь это. А что же делать, если и чувств у нее нет? Ах, моя Аматис!

Моя бедная девочка. Ты не сломаешься, и ты сильнее чем думаешь. Внутри тебя закрыт один клад, которого нет ни у кого. И ты узнаешь, что это. Ты поймешь. Борись, веди борьбу, даже если ты уже не можешь. Даже когда в глазах начинает плыть реальность, даже когда ты со слезами на глазах падаешь, борись. Ты никогда не делала того, чего хотели от тебя другие. Ты делала всегда то, что считала нужным. Ты самое дорогое и незаменимое творение Архангела. Ты войдешь в легенду. Ты — Легенда Архангела. Даже когда ты умрешь, тебя будут помнить таковой. Ты сильнее чем кажешься, и ты даришь силы, надежду и веру на что-то лучшее. В твои глаза невозможно не влюбится. Ты тот человек, без которого невозможно продержатся и дня.

Любовь может убить, а может и воскресить все то, что не мог бы человек в одиночку. Никто из нас не способен в одиночку справиться со страданиями внутри. Кого-то ломает тот самый человек, которого он любит, и он думает, что больше не сможет полюбить. Но знайте, любовь проходит и приходит. Всегда можно влюбиться, можно полюбить. Но первая любовь, она самая крепкая, и с ней уходят частички сердца, частичка тебя самого. А если эта первая любовь не кончается, обрываясь расставанием, то эти чувства не побоятся даже самого огромного шторма. Цунами чувств, не бояться льда. Ее сердце отогреет его, и она сможет заново родится. Ей нужно лишь немного потерпеть. Лишь немного, и все это закончится. Закончится ли оно хорошо никому не известно. Этот мир обречен. Люди слишком быстро черствеют друг к другу. И если все пойдет крахом, то Аматис будет обречена на вечные муки.

* * * * *

Мои руки дрожат от слез, которые уже давно прорвались наружу. Мое кофе остыло. Я к нему даже не притронулась. На мой телефон постоянно кто-то звонил, я не смотрела кто это. Затем, мне пришла смс-ка, вытерев слезы тыльной стороной руки, я разблокировала телефон и глянула на пришедшее смс от Джима:

«Тебе стоит явиться в школу, ты должна тут быть. И должна это видеть. Отговорки не принимаются».

Я встаю из-за стола, кидаю наличные и выхожу из кафе. Я не хотела туда ехать, но мне стоило бы извиниться хотя бы перед Джимом, я наорала на него, просто не за что. Он мне помогал все эти три месяца, а я вот так его поблагодарила... Я иду к машине и, завожу мотор и еду к тому месту, которое я больше всего ненавижу. Проходит минут тридцать с того момента, как я выехала с торгового центра и подъехала к школе. Я приглушила мотор и вышла с машины, заблокировав ее. Надолго я тут оставаться не собираюсь. Сжимаю руки в кулаки и поднимаюсь в кабинет Зайзы. Не стуча, открываю дверь.

— Говорите, что вам, и я сваливаю отсюда.

— Аматис... — Ко мне поворачивается знакомая женщина, и это женщина моя мама.

— Какого... Черта. — Еле выговариваю я, и смотрю на паренька, что стоит рядом со мной. Я смотрю в его глаза и узнаю что-то родное. Что-то знакомое. Такие глаза... Такие добрые, наивные зеленоватые глаза. В этом человеке был явно что-то не то.

Я автономно подхожу к нему, провожу рукой по щеке. Он все еще смотрит в мои глаза, а я в его. Его белые как снег волосы торчали ежиком. Как такое вообще возможно.

— Что тут происходит, — шепчу я. Так тихо. Очень тихо. Мне становится так тепло.

— Милая... Михаил послал меня к тебе с подарком, — мать улыбается. — Он возродил Питча из праха, в новом теле. Теперь, он проживет эту человеческую жизнь с тобой. Теперь, его зовут Анастасиус Родсвилд. Теперь, он с тобой. Твой брат, твоя семья, Аматис.

Я неотрывно смотрю в эти самые зеленые родные глаза, и вижу там радость. Я вижу там слезы. Я вижу там себя саму. Часть меня вернулась, и часть меня разгорелась огнем радости. Мои слезы уже скатывались мне на губы, а мой любимый пес, который когда-то умер возродился из пепла.

— Тебя нужно было назвать Фенкис, — я провожу по его лицу снова рукой и улыбаюсь. И вместо шерсти я чувствую теплую и мягкую кожу. — Это будет твое второе имя. Анастасиус Феникс Родсвилд.

Я кидаюсь ему на шею и громко начинаю кричать. Кричать от радости и смеяться. Я готова позабыть обиды. Михаил сделал меня счастливее, он сделал меня снова сильнее. Его руки обволакивают меня так крепко, и он говорит мне:

— Я так скучал по тебе...

Лорен уставшая от «поездки» уселась в теплом удобном кресле в одном из номеров отеля. Как вдруг раздался звонок телефона на весь номер. Лорен поругавшись достала заветный телефон и увидела звонившего ей. Это был ее любимый Индиго. Лорен расплылась в улыбке, но голос оставался ее серьезным.

— Дорогой мой, что за срочность этого звонка? — В трубке послышалось его дыхание. Как бы она хотела ощутить его на своей шее, как каждую ночь, в их совместной кровати. Кто бы мог подумать, но они были парой. Парой, в которой была главная Лорен.

— У меня для тебя великолепнейшая новость, Лорен, — Лорен выгнула спину и отпрянула от кресла. Подошла к окну и всмотрелась в виды незнакомого ей города.

— Ну так удиви меня.

— Глава Альянса погибла в авиакрушении. Сейчас, школа остается без защиты и без временной главы, а так, же, как стало мне известно, дочь Паулы спустилась с Небесного Альянса, неся какой-то ценный груз.

Лорен была счастлива так, что простонала в трубку от восхищения.

— Мой любимый Индиго. Кажется, наша месть начала надвигаться уже с того самого дня, когда эта Ноллеглей сдохла. Наконец-то пришел наш день. И скоро, как только мы вернемся. Я тебе обещаю, мы не только захватим их школу и убьем эту девчонку, но мы покорим себе Небесный Альянс и убьем Михаила. — В трубке послышался смех.

— Я уже жду твоего возвращения, моя дорогая.

— Я уже близко, даже не представляешь на сколько.

Больше книг на сайте - Knigolub.net